

ДЛЯ ПОКЛОННИКОВ
НИЛА ГЕЙМАНА
The Guardian

ВИКТОРИЯ
ШВАБ

Сотворение света

18+

Оттенки магии

Виктория Шваб

Сотворение света

«АСТ»

2017

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

Шваб В.

Сотворение света / В. Шваб — «АСТ», 2017 — (Оттенки магии)

ISBN 978-5-17-107526-2

Тьма сгустилась над великой Империей Мареш. Шаткое равновесие между четырьмя Лондонами вот-вот будет нарушено. Древний враг восстал из пепла. Изгнанный герой возвращается, чтобы сразиться с ним. Прошлое расстается со своими тайнами, маги поддаются человеческим страстям, волшебный мир прорастает в реальность. Кому достанется победа? И какой ценой.

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-107526-2

© Шваб В., 2017

© АСТ, 2017

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	31
Глава 3	52
Глава 4	70
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Виктория Шваб

Сотворение света

Victoria Schwab

A Conjuring of Light

*Печатается с разрешения автора и литературных агентств Baror International, Inc.
и Nova Littera SIA*

Text copyright

© 2017 by Victoria Schwab

© А. Дубинина, Е. Токарева, перевод на русский язык

©ООО «Издательство АСТ», 2018

Для поклонников Нила Геймана

The Guardian

Виктория Шваб подарила нам историю, прекрасную, как драгоценный камень... Эта книга – сокровище.

Дебора Харкнесс

Тем, кто нашел свой путь домой.

*Чистая магия не знает себя. Она везде. Это сила природы, кровь
нашего мира, мозг наших костей. Мы придаем ей облик, но ни в коем
случае нельзя давать ей душу.*

Мастер Тирен,

верховный жрец Лондонского святилища

Глава 1

Разрушенный мир

I

Дилайла Бард – воровка, с недавних пор волшебница, а в будущем, хотелось бы верить, пират – бежала со всех ног по улицам Красного Лондона.

«Держись, Келл», – повторяла она про себя, сжимая в руках осколок камня, который прежде был щекой Астрид Дан. Талисман из другой жизни, когда магия и концепция множественности миров еще были для нее в диковинку. Когда она с удивлением узнала, что людей можно подчинять своей воле, связывать, словно веревками, или обращать в камень.

Вдалеке грохотали фейерверки, им отвечали взрывы смеха, рукоплескания, музыка – город праздновал завершение Эссен Таш, турнира волшебников. Город не ведал, что за ужасы творятся прямо сейчас в самом его сердце. А там, во дворце, умирал Рай, принц Арнса, и это значило, что где-то в другом мире умирает Келл.

Келл. Это имя грохотало у нее в душе, звучало как приказ, как мольба.

Лайла добежала до нужной улицы и остановилась, достала нож, провела лезвием по руке. Повернулась спиной к царившему вокруг хаосу и прижала к стене окровавленную ладонь с зажатым в ней камнем.

Лайла уже совершала такое путешествие дважды, но оба раза пассажиром.

Ей всегда помогала магия Келла.

Никогда еще она не переходила из мира в мир в одиночку.

Но раздумывать было некогда. Бояться – тоже. А уж ждать – тем более.

Грудь вздымалась, сердце колотилось как бешеное. Лайла собрала с духом и произнесла нужные слова. Слова, на которые способен только тот, кто владеет магией крови. Антари. Такой, как Холланд. Как Келл.

– *Ас траварс.*

Магия запела в руке, пронизала грудь, и город нырнул в пустоту. Мир согнулся пополам, скрученный гравитацией.

Лайле казалось, это будет легко.

Либо ты останешься в живых, либо нет.

Но она ошибалась.

II

А в целом мире от нее тонул Холланд.

Он барахтался, пытаясь вынырнуть на поверхность собственного разума, но чья-то воля, крепкая, как железо, затягивала его обратно. Он отбивался, хватал воздух ртом, но с каждым рывком, с каждой попыткой чужая воля впивалась в него все крепче. Это было хуже смертных мук, потому что за ними наступает смерть, а здесь пощады не было.

И света не было. И воздуха. И силы. Все это у него отобрали, оставив лишь тьму, и сквозь эту тьму чей-то голос звал его по имени.

Голос Келла.

Слишком далекий.

Силы оставили Холланда, и он снова начал тонуть.

Он всегда мечтал лишь об одном – вернуть своему миру магию. Увидеть, как его родина воскресает после медленной, неотвратимой смерти – смерти, порожденной сначала страхом иного Лондона, потом – страхом его собственного.

Все, чего хотел Холланд – увидеть возрождение своего мира.

Его возвращение к жизни.

Он слышал легенды о волшебнике, у которого хватит на это сил. Который сумеет наполнить воздухом изголодавшиеся легкие мира, снова запустить его умирающее сердце.

Холланд всегда, сколько себя помнил, мечтал только об этом.

И сколько себя помнил, мечтал стать этим волшебником.

Мечтал, прежде чем темнота наполнила его глаз, поставив на нем свою метку силы. В детстве он стоял на берегах Сиджлта, катал камни по гладкому льду и представлял себе, как пробьет в ледяном панцире трещину. Уже взрослым стоял в Серебряном лесу и молился о великой силе, чтобы защитить свой дом.

Он никогда не стремился к власти, хотя в сказках волшебник всегда был королем. Но он не хотел править миром. Хотел лишь его спасти.

В ту первую ночь, когда Холланда, полуживого и окровавленного, притащили в королевские покои, Атос Дан назвал это высокомерием. *Заносчивость и гордость*, попрекнул он и впечатал свое проклятие в тело Холланда.

«Мы это сломаем», – сказал Атос.

И ломал. День за днем, кость за костью, снова и снова. До тех пор, пока Холланд не оставил мечты о спасении мира. Он уже не стремился обрести силу и возродить магию, он хотел только одного – чтобы пытка прекратилась.

Да, он понимал, это была трусость, но трусость дается гораздо легче, чем надежда.

И в тот миг, у моста, когда Холланд прекратил борьбу и позволил этому царственному юнцу Келлу вонзить ему в грудь железный штырь, первое, что он почувствовал, – первое, последнее и единственное, – было облегчение.

Оттого, что пытка наконец закончилась.

Но не тут-то было.

Убить антари – дело непростое.

Очнулся Холланд в мертвом саду, в мертвом городе, в мертвом мире, и первое, что он ощутил, была боль. А потом – свобода. Хватка Атоса Дана разжалась, и Холланд был жив – изранен, но жив.

И связан по рукам и ногам.

Бессильный, в мире без дверей, оставленный на милость чужого короля. Но на этот раз у него был выбор.

Шанс изменить судьбу.

Полумертвый, он стоял перед ониксовым тронem и говорил с королем, высеченным из камня, и отдал свою свободу в обмен на шанс спасти свой Лондон, увидеть его снова цветущим и процветающим. Холланд заплатил за это своей душой и телом. И, обретя силу короля теней, сумел-таки вернуть магию. Увидел, как его мир обретает краски, как в людях оживает надежда, как расцветает город.

Ради этого он сделал всё, что мог, отдал всё, что имел.

Но этого оказалось мало.

Король теней всё время хотел больше. С каждым днем он делался сильнее и сеял хаос. Он был магией в чистом виде, силой, не привыкшей повиноваться.

Холланд терял власть над чудовищем, сидящим в его теле.

И поэтому сделал единственное, что было в его силах.

Предложил Осарону другой сосуд.

«Хорошо... – ответил король, демон, бог. – Но если ты не сможешь его уговорить, я оставлю себе твоё тело».

И Холланд согласился. А что ему оставалось?

Для своего Лондона он был готов на всё.

А Келл, упрямец Келл, капризный мальчишка, сломанный, обессиленный, измученный этим проклятым ошейником – так и не согласился.

Да и кто согласился бы?

Король теней тогда улыбнулся губами Холланда. Холланд боролся, собрав все силы, но уговор есть уговор, дело решенное. Одним жестоким движением Осарон расправил плечи, и его могучая воля скинула несчастного мага вниз, в темные глубины разума Холланда.

Беспомощный пленник в собственном теле, связанный уговором по рукам и ногам, он не мог ничего сделать, только смотрел, чувствовал и тонул.

– Холланд!

Голос Келла дрогнул. Его израненное тело дергалось, распятое на раме. Точно так же когда-то висел сам Холланд, когда его терзал и ломал Атос Дан. Клетка вытянула из Келла почти всю силу, остальное поглотил ошейник. В глазах Келла стояли ужас и отчаяние.

– Холланд, сукин ты сын, сопротивляйся же!

Тот и хотел бы, но тело его не слушалось, а усталый разум погружался всё глубже и глубже, тонул, тонул...

«Сдавайся», – сказал король теней.

– Докажи, что ты не слабак! – подстегивал голос Келла. – Докажи, что ты не раб чужой воли!

«Тебе меня не одолеть».

– Ты прошел весь этот долгий путь, чтобы вот так проиграть?

«Я уже победил».

– Холланд!

Холланд ненавидел Келла. И в этот миг сила его ненависти была такова, что едва не выдернула его из пучины. Однако Осарон оставался непоколебим.

Холланд слышал собственный голос и знал, что это говорит не он. А монстр, надевший его шкуру. В руке Холланда была зажата алая монетка – ключ к другому Лондону, городу Келла, а сам Келл кричал и бился, вырываясь из пут, пока на запястьях не выступила кровь.

Бесполезно.

Всё бесполезно.

Он снова оказался узником в собственном теле.

Из темноты доносился голос Келла:

– Ты просто променял одного хозяина на другого.

Наконец они сдвинулись с места – тело Холланда, направляемое Осароном. Дверь за ними закрылась, но крики Келла, невнятные и приглушенные, проникали даже сквозь нее.

В зале стояла Ожка, точила ножи. Она подняла голову: шрам-полумесяц на щеке, разноцветные глаза, один – желтый, другой – черный. Антари, сотворенная их собственными руками, по их милости.

– Ваше величество, – произнесла она.

Холланд попытался вынырнуть, хотел, чтобы в ответ раздался *его* голос, но прозвучавшие слова принадлежали Осарону.

– Стереги дверь. Никого не впускай.

По алым губам Ожки пробежала улыбка.

– Как пожелаете.

Дворцовый коридор промелькнул, как в тумане. Они очутились во дворе, миновали статуи близнецов Данов у подножия лестницы, стремительно пересекли сад, где под багровым небом вместо каменных тел теперь росли деревья.

Что стало бы с этим садом без него и без Осарона? Процветал бы город и дальше? Или рассыпался бы, лишенный жизни?

«Прошу тебя, – неслышно взмолился он. – Этот мир нуждается во мне».

«Нет смысла, – вслух произнес Осарон, и Холланд вздрогнул: до чего же мучительно быть не словом, а всего лишь мыслью в голове. – Мы начнем заново. Найдем мир, достойный нашей силы».

Они подошли к стене, и Осарон достал из ножен кинжал. Холланд не ощутил прикосновения стали, он был словно отрезан от собственных чувств, похоронен слишком глубоко, куда не доходило ничего, кроме жестокой хватки Осарона. Но когда пальцы короля теней окунулись в кровь и поднесли к стене монетку Келла, Холланд в последний раз оказал сопротивление.

Он не мог отвоевать свое тело, не мог получить его целиком, но, может быть, хватит и меньшего?

Одной руки. Пяти пальцев.

Он напряг все силы, всю волю, и на полпути к стене рука задрожала, замерла в воздухе.

По запястью струилась кровь. Холланд знал слова, которые разобьют тело вдребезги, превратят его в лед, в пепел, в камень.

Нужно только поднести руку к груди.

Придать магии форму.

Холланд почувствовал, что Осарон сердится. Сердится, раздражен, но вовсе не злится, как будто этот протест, в который Холланд вложил все силы, беспокоит темного короля не больше, чем укус комара.

«Ты меня утомил».

Холланд боролся, сумел даже приблизить руку к груди на дюйм, на два.

«Отпусти», – предупредило существо, поселившееся в голове.

Холланд напряг последние силы и приблизил руку еще на дюйм.

Осарон вздохнул.

«Так дело не пойдет».

Могучая воля Осарона ударила его, как стена. Тело не шелохнулось, но разум рухнул навзничь, придавленный сокрушительной болью. Нет, не той болью, которую он терпел сотни раз и привык не замечать, не той, от которой можно сбежать. Эта боль пронзила его насквозь. Вспыхнула в самой глубине, обожгла каждый нерв невыносимым огнем, и он кричал, кричал, кричал внутри собственной головы, пока наконец над ним не сомкнулась милосердная тьма, утягивая всё глубже и глубже.

И Холланд больше не сопротивлялся.

Он сдался и утонул.

III

Когда дверь захлопнулась и задвинулся засов, Келл еще долго бился о железную клетку. Эхо его голоса до сих пор звенело между каменных стен. Он кричал, пока не сорвал голос. Но никто не пришел. В его душе метался страх, но куда больше его пугала разверзшаяся пустота в груди – оттуда исчезло что-то очень важное, порвалась жизненная связь.

Он едва ощущал пульс брата.

Он вообще почти ничего не чувствовал, только боль в руках и жуткий леденящий холод. Он извивался, рвался из пут, но они держали крепко. По сторонам железной рамы были впечатаны заклęcia, и, сколько бы крови Келл ни пролил на эту сталь, шею всё равно стискивал

железный ошейник. Отсекал всё, что было ему нужно. Всё, что он имел. Всё, кем он был. Ошейник погружал его разум во мрак, сковывал мысли ледяным панцирем. Отнимал надежду и силу. «Сдайся, – шептала магия ошейника, проникшая в кровь. – Ничего у тебя нет. Ты никто. И ничто. Ты бессилен».

Он никогда не был бессилен.

Не знал, что это такое.

Вместо магии вспыхнула паника.

Надо выбирать.

Из этой клетки.

Из этого ошейника.

Из этого мира.

Чтобы вернуть Келла домой, Рай вырезал слово на собственной коже. А он, Келл, повернулся и снова ушел. Бросил принца, королевскую семью, город. Пошел за женщиной в белом сквозь дверь между мирами, потому что она сказала ему: ты нужен. Ты можешь помочь. Это твоя вина. Ты должен все исправить.

Сердце в груди пропустило удар.

Нет, не его сердце – а брата. Жизнь Рая была привязана к его собственной магическими узами – а магия исчезла. Снова вспыхнула паника. Сквозь ледяной холод донеслось дыхание огня. Келл вцепился в него, борясь с мертвенным ужасом ошейника. Выпрямился на раме, стиснул кулаки и потянул за наручники так, что хрустнули кости, разорвалась плоть. На каменный пол заструилась кровь, живая, но бесполезная. Он еле сдержал крик. Металл впился в кожу, в мускулы, царапнул по костям. Но он все тянул и тянул. И наконец правая рука высвободилась.

Келл шумно выдохнул и попытался сомкнуть мокрые от крови пальцы на ошейнике, но, едва прикоснулся к металлу, как по руке ледяными иглами взбежала боль. Закружилась голова.

– *Ас стено!* – взмолился он. «Разбейся».

Но нет.

Сила не откликнулась.

Келл всхлипнул, обмяк. Стены наклонились, сложились в туннель, разум медленно устремился навстречу тьме. Но он силой заставил себя выпрямиться, сглотнул подступившую к горлу желчь. Обхватил ободранной, истерзанной рукой другую, скованную, и потянул.

Прошли минуты, но они показались часами и годами. И наконец Келл освободился.

Он оттолкнулся от рамы, шагнул вперед и пошатнулся. Железные наручники глубоко, слишком глубоко изрезали запястья, и бледные камни под ногами стали скользкими от крови.

– Это все твоя? – слышался шепот.

Перед глазами вспыхнуло воспоминание: при виде израненных рук Келла юное лицо Рая искажилось от ужаса, по груди принца струилась кровь. «Это все твоя?»

Теперь красная кровь капала с ошейника. Келл лихорадочно дергал за металл. Пальцы ныли от холода. Он нашел застежку и вцепился в нее, но она не поддавалась. Перед глазами все поплыло. Он поскользнулся в собственной крови и упал прямо на изломанные руки. Вскрикнул от боли – и закричал уже на собственное сжавшееся в беспомощный комок тело, заставляя его подняться.

Надо встать.

Надо вернуться в Красный Лондон.

Надо остановить Холланда – и Осарона.

Надо спасти Рая.

Надо, надо, надо – но в этот миг хватало сил лишь лежать на холодном мраморе и чувствовать, как вокруг тонкой красной лужей разливается теплота.

IV

Обливаясь потом, принц рухнул обратно на кровать. Во рту застыл металлический привкус крови. Вокруг звучали голоса, комната терялась в тенях и бликах света. В голове рвался крик, но челюсти были стиснуты от боли. Его собственной – и чужой боли.

Боли Келла.

Рай согнулся пополам, харкая кровью и желчью.

Попытался встать – надо подняться, надо найти брата – но из темноты протянулись руки, схватили его, прижали к шелковым простыням, пальцы впились в плечи, в колени, в руки, и боль снова вернулась, злая и рвущая, обдирала плоть, царапала по костям. Рай мучительно пытался вспомнить. Келл арестован. Его камера пуста. Поиски в пестром от солнца саду. Он зовет брата. Потом, откуда ни возмись, боль, она кинжалом вонзилась между ребрами, как в ту ночь, страшная, жестокая. Он не может дышать.

Не может...

– Не уходи, – слышится чей-то голос.

– Останься со мной.

– Останься...

* * *

Рай рано узнал разницу между «хочу» и «надо».

Он – сын и единственный наследник семейства Мареш, светоч Арнса, будущий король империи, а это значит, что он никогда (как однажды открыла ему нянька, после чего ее уволили с королевской службы) и ни в чем не знал истинной нужды. Костюмы, лошади, музыкальные инструменты, украшения – стоило только попросить, и все доставалось ему без малейших усилий.

И тем не менее юный принц всей душой хотел того, чего ему не могли подарить. Того, что само по себе струилось в крови множества простых мальчишек и девчонок. Того, чем без труда повелевали его отец, и мать, и Келл.

Рай хотел магии.

И это желание пылало сильнее любой нужды.

Его отец, король, был магом, работавшим с металлами, а мать управляла водой, но магия – это не черные волосы, не карие глаза и не высокое происхождение. Она не переходит по наследству, не передается от родителей к детям. У нее собственный путь.

И лет в девять он стал понимать, что природа обделила его.

Но Рай Мареш не хотел признавать, что магия обошла его стороной. Ему казалось, она прячется где-то, затаилась внутри, и нужно только раздуть этот крохотный огонек, разворошить золу над углями. Он же как-никак принц! И если магия не желает к нему идти, он сам придет к ней.

Эта логика и привела его сюда, на каменный пол старой библиотеки святилища, где холодный сквозняк забирался в шелковые штанины вышитых шаровар, пригодных лишь для дворца.

Когда Рай жаловался, что в святилище холодно, старый Тирен лишь хмурил брови.

«Магия дышит собственным теплом», – говорил он. Для волшебника, может, оно так и было, но Рай-то не волшебник!

Но станет им.

На этот раз он не хныкал. Старый жрец даже не знал, что он здесь.

Юный принц проник в самую глубину библиотеки и забился в нишу, укрытую позади статуи, за длинным деревянным столом. Там он расстелил на полу украденный пергамент.

Пальцы у Рая от рождения были ловкими – но ему, наследному принцу, не часто доводилось пускать их в ход. Ему всегда охотно отдавали все, о чем он просил, от плаща в прохладный день до пирожного с кухни.

Но этот свиток достался ему иначе. Рай стянул его со стола Тирена, где он лежал среди десятка других, перевязанный белой ленточкой, отмечавшей заклинания, созданные мастером. Все они, к огорчению Рая, не были ни сложными, ни хитрыми. Зато приносили пользу.

Одни заклинания предохраняли еду от порчи.

Другие защищали деревья в саду от заморозков.

Третьи позволяли огню гореть без топлива.

Рай решил перепробовать их все, пока не найдет заклинание, которое ему подчинится. Которое разбудит магию, дремлющую в крови.

По святилищу пробежал сквозняк. Рай достал из кармана пригоршню красных линов и прижал монетками пергамент. На нем твердой рукой жреца была нарисована карта. Не такая, как в отцовском кабинете, изображавшая все королевство. Нет, это была схема заклинания, диаграмма магии.

А наверху – три слова на обычном языке.

«Ис Анос Вол», – прочитал Рай.

«Вечное пламя».

Под этими словами была нарисована пара концентрических кругов, соединенных тонкими линиями и усеянных мелкими символами. Убористая скоропись, знакомая всем заклинателям Лондона. Рай прищурился, пытаясь что-нибудь разобрать. Он был способен к языкам, ему хорошо давались плавные перепады фароанского, переменчивые волны вескийских слогов, взлеты и паузы приграничных диалектов Арнса. Но слова на пергаменте ерзали и расплывались перед глазами, ускользая от понимания.

Он прикусил губу (дурная привычка, мать всегда говорила ему – прекрати, это недостойно принца), положил ладони на бумагу, обвел пальцами внешний круг и приступил к делу.

Рай впился глазами в середину страницы и стал читать, вслух проговаривая каждое слово. Но с языка слетали лишь корявые, невнятные обрывки.

Сердце застучало быстрее, но никак не могло попасть в такт с естественным ритмом магии. Однако Рай крепко удерживал заклинание силой воли; ближе к концу в ладонях зародилось тепло, оно растекалось, щекотало пальцы, рисовавшие круг, и наконец...

Ничего не вышло.

Ни искры.

Ни огонька.

Рай прочитал заклинание еще раз, другой, третий, но тепло уже угасло, сменилось обычным покалыванием онемевших пальцев. Последние слова слетели с его губ и растворились в тишине.

Принц тяжело привалился к холодным камням.

– *Санкт!* – выругался он, хоть и знал, что слово это нехорошее, а произносить его здесь тем более нельзя.

– Что ты тут делаешь?

Рай поднял глаза и увидел возле ниши своего брата в красном плаще на узеньких плечах. Даже в неполные одиннадцать лет лицо у Келла было серьезным, как у взрослого, вплоть до морщинки между бровями. В сероватых утренних сумерках поблескивали рыжие волосы, а глаза – один синий, другой черный как ночь – были такими пристальными, что люди обычно не выдерживали, отводили взгляд. Рай, сам не понимая почему, всегда старался смотреть брату прямо в лицо, показать Келлу, что это не имеет значения. Глаза как глаза.

Келл не был ему родным братом. Даже мимолетный взгляд сразу улавливал разницу. Черты Келла были смешанными, словно, лепя его, кто-то перемешал глину разных типов. Кожа светлая, как у вескийца, фигура долговязая, как у фараонца, а такие медные волосы встречались лишь на северных рубежах Арнса. И, конечно, глаза. Один обычный, хоть и не совсем типичный для арнезийца, а другой – черный глаз антари, помеченный магией. Он говорил о том, что Келл – авен. Благословенный.

А Рай, с теплой смуглой кожей, черными волосами и янтарными глазами, был типичный лондонец, типичный Мареш, типичный представитель королевской семьи.

Келл заметил сначала румянец принца, потом – расстеленный перед ним пергамент. Опустился на колени, расплескав по камням красную ткань плаща.

– Где ты это взял? – спросил он, и в голосе мелькнуло неодобрение.

– У Тирена, – ответил Рай и в ответ на недоверчивый взгляд брата поправился: – У Тирена в кабинете.

Келл пробежал глазами заклинание и нахмурился:

– Вечное пламя?

Рай рассеянно поднял с пола монетку и пожал плечами:

– Первое, что попало под руку. – Он старался говорить небрежно, как будто ему дела не было до дурацкого заклинания, но горло невольно сжималось, а глаза горели. – Не важно, – отрезал он и швырнул монетку на пол, будто камушек в воду. – Все равно у меня не работает.

Келл подвинулся, зашевелил губами, разбирая почерк жреца. Сложил ладони чашечкой, как будто держал в руках пламя, которого еще не было, и начал произносить заклинание. У Рая слова падали, будто тяжелые камни, а в устах Келла звучали как поэзия, гладко и сочно.

Воздух сразу нагрелся, над пергаментом поднялся пар. Потом чернильные линии набухли каплями масла и вспыхнули.

Между ладонями Келла затрепетало пламя, яркое и белое.

Ему это удалось так легко, что Рай невольно ощутил злость на брата – жаркую, как искра, и такую же недолговечную.

Келл же не виноват, что Рай не способен к магии. Рай встал было на ноги, но тут Келл дернул его за манжету. Он подвел руки брата к сторонам свитка, дал почувствовать собственную магию. По ладоням Рая пробежало тепло, он восторгался силой и при этом досадовал, что она принадлежит не ему.

– Неправильно это, – прошептал он. – Я принц, наследник Максима Мареша. И не могу даже свечу зажечь.

Келл прикусил губу – вот его мама никогда не ругала за эту привычку – и сказал:

– Власть бывает разная.

– Лучше бы я владел магией, чем короной, – насупился Рай.

Келл всмотрелся в язычок белого пламени.

– Королевская власть – это, если вдуматься, разновидность магии. Волшебник повелевает стихией. Король повелевает империей.

– Только если у короля хватает сил.

Тогда Келл поднял глаза:

– Ты станешь хорошим королем, если сумеешь не погибнуть раньше.

Рай ахнул, и пламя затрепетало.

– Откуда ты знаешь?

Келл улыбнулся. Это случалось редко, и Рай гордился – только ему одному удавалось вызвать у брата улыбку. Но потом Келл ответил:

– Узнал с помощью магии, – и Раю захотелось его отлупить.

– Ну и гад же ты, – буркнул он и хотел отстраниться, но брат крепче сжал его пальцы.

– Не убирай руки.

– Пусти! – воспротивился Рай, сначала шутливо, но потом, когда огонь разгорелся жарче, повторил уже всерьез: – Прекрати! Мне больно!

Жар лизал его пальцы, руки окутала жгучая боль.

– Перестань! – взмолился он. – Келл, хватит! – Но, когда Рай поднял глаза от яркого пламени к лицу брата, лица он не увидел. На его месте клубилась тьма. Рай вскрикнул, стал вырываться, но брат уже не был человеком из плоти и крови. Он превратился в камень, и его пальцы стиснули запястья Рая, будто наручники.

Так не бывает, подумал он, наверное, это сон, кошмарный сон, но жар огня и сокрушительная тяжесть на руках были полностью реальны и с каждым вздохом делались все сильнее.

Пламя между ними стало длинным и тонким, превратилось в светящийся клинок, острие нацелилось сначала в потолок, потом, медленно и неотвратимо, склонилось к Раю. Он вырывался, кричал, но не мог остановить сверкающий нож, который погрузился в его грудь.

Больно.

«Прекрати».

Клинок оцарапал ребра, обжег кости, пронзил сердце. Рай хотел закричать, но изо рта вырвался лишь дым. Разверстая рана на груди наполнилась светом.

Донесся голос Келла, но не от статуи, а откуда-то издалека. Еле слышно. «Не убирай руки».

Больно. Как же больно.

«Перестань».

Рай сгорал изнутри.

«Прошу тебя».

Умирал.

«Останься».

Снова и снова.

* * *

На миг чернота сменилась сполохами света. Над головой пузырился матерчатый потолок, перед мутным от слез взором виднелось знакомое лицо, синие как шторм глаза полны тревогой.

– Алука? – прохрипел Ри.

– Я здесь, – ответил Алукард. – Здесь. Останься со мной.

Рай попытался заговорить, но сердце колотилось о ребра, словно норовило вырваться.

Потом дрогнуло и пропустило удар.

– Келла нашли? – послышался чей-то голос.

– Отойдите от меня, – приказал другой.

– Выйдите все.

Перед глазами у Рая помутилось.

Комната заколыхалась, голоса стали глуше, боль сменилась чем-то еще худшим – раскаленный добела невидимый нож превратился в лед, тело сражалось с ним и уступало, сражалось и уступало, и уступало, и...

Не надо, взмолился он, чувствуя, как одна за другой рвутся нити, скрытые внутри, и вот уже ничто не удерживает его на плаву.

Потом исчезло лицо Алукарда, а вместе с ним и комната.

И тьма сомкнула вокруг Рая свои тяжелые руки.

V

Алукард Эмери не привык к бессилию.

Всего несколько часов назад он победил в Эссен Таш и был провозглашен сильнейшим магом трех империй. А сейчас, сидя у постели Рая, не знал, что делать. Как помочь. Как его спасти.

Волшебник беспомощно смотрел, как принц, смертельно бледный, корчится на смятых простынях, кричит от боли. Его терзало то, чего не видел даже Алукард. Не видел и не знал, как победить. А ведь ради Рая он был готов пойти хоть на край света. Но то, что убивало его, явно находилось не здесь.

– Что с тобой? – снова и снова спрашивал он. – Чем тебе помочь?

Но ответа не было, и оставалось только слушать мольбы королевы и приказы короля, торопливые слова Лайлы и отзвуки голосов королевских стражников, выкликавших Келла.

Алукард подался вперед и взял принца за руку. Он видел, как магические нити, окутывавшие тело принца, слабеют и вот-вот порвутся.

Обычные люди смотрят на мир и видят свет, и тени, и краски, но Алукард Эмери всегда был способен на большее. Он умел видеть потоки силы, рисунок магии. Не просто ауру заклятий, осадок чар; вокруг каждого человека он видел оттенок его магии, пульсировавшей в венах. Красное свечение Айла видели все, но для Алукарда весь мир был сложен из линий яркого цвета. Естественные источники магии мерцали багрянцем. Маги – повелители стихий были окутаны зеленым и синим. Проклятия ложились пурпурными пятнами. Сильные чары золотились. А антари? Они испускали темный радужный свет, сложенный из всех цветов, слившихся воедино, естественный и в то же время чуждый. Мерцающие нити окутывали их, как шелк.

И теперь Алукард видел, как эти нити над изломанным телом принца слабеют и рвутся.

Им тут вообще было не место – собственная слабенькая магия Рая всегда была темно-зеленой. Однажды он сказал об этом принцу, и тот брезгливо поморщился – Рай терпеть не мог этот цвет.

Но когда после трех лет разлуки они снова увиделись, Алукард сразу понял, что Рай изменился. Стал другим. И дело было не в линии подбородка, и не в развороте плеч, и не в тенях под глазами. А в связанной с ним магии. Обычно сила в человеке живет и дышит, струится вместе с течением его жизни. А эта незнакомая магия лежала недвижимо, и ее нити опутывали тело принца плотно, как веревки.

И эти нити поблескивали, как масляная пленка на воде. Как расплавленный свет.

Тем вечером в покоях Рая Алукард стянул с плеча принца тунику, чтобы поцеловать его, и увидел место, где прикреплялись серебристые нити. Они уходили прямо в кольцевой шрам над сердцем. Не было нужды спрашивать, кто наложил заклятие, – на это был способен только антари. Но Алукард не понимал, как Келл сделал это. Обычно, глядя на нити, он мог разобрать, как устроен магический шедевр, но у этих линий не было ни начала, ни конца. Магия Келла проникала в сердце Рая и там исчезала – нет, не исчезала, а пряталась. И чары держались неколебимо.

А теперь вдруг начали рассыпаться.

Под невидимыми пальцами пряди лопались одна за другой, и каждый обрыв исторгал у полуживого принца всхлип, судорожный вздох. Каждая нить слабеющих уз...

И тогда он понял. Это не просто заклятие, а прочная связь.

Соединяющая Рая и Келла.

Он не знал, почему жизнь принца привязана к жизни антари.

И не хотел знать – хотя и разглядел между содрогавшимися ребрами Рая шрам шириной с лезвие кинжала, и понимание все равно настигло его, и он растерялся от беспомощности. Но связь неумолимо рвалась, и Алукард сделал то, что мог.

Он взял принца за руку и постарался наполнить слабеющие нити собственной силой, соединить полуночно-синий цвет своей магии с радужным сиянием Келла. Он молился всему, что есть на свете, всем святым, и жрецам, и благословенным, всем, в кого верил и в кого не

верил, прося у них силы. А когда они не ответили, заговорил с Раем. Не умолял его держаться, не призывал собраться с силами.

А стал вспоминать прошлое. Их общее прошлое.

– Помнишь ту ночь, перед тем, как я уехал? – Он изо всех сил старался изгнать из голоса страх. – Ты так и не ответил на мой вопрос.

Алукард закрыл глаза, отчасти чтобы воскресить воспоминание, а еще потому, что невыносимо было видеть принца страдающим.

Стояло лето, они с принцем лежали рядом в постели, их теплые тела переплелись между собой. Алукард провел ладонью по идеальной коже Рая и прошептал, когда тот с наслаждением вытянулся:

– Когда-нибудь ты станешь старым и морщинистым. А я все равно буду тебя любить.

– Я никогда не состарюсь, – сказал принц с уверенностью, которая даруется только юным, здоровым и предельно наивным.

– Значит, планируешь умереть молодым? – поддразнил он, и Рай пожал плечами.

– Или буду жить вечно.

– Да неужели?

Принц откинул со лба темную прядь.

– Умирать – это так скучно.

– И как же именно ты планируешь устроить себе вечную жизнь? – поинтересовался Алукард, приподнимаясь и опираясь на локоть.

Рай снова притянул его к себе – и беседа, едва начавшись, закончилась поцелуем...

А теперь принц содрогался на своем ложе, всхлипывая сквозь стиснутые зубы. Черные волосы прилипли к лицу. Королева велела принести салфеток, послала за верховным жрецом, требовала привести Келла. Алукард стиснул руку любимого.

– Прости, что я ушел. Прости. Теперь я здесь, поэтому ты не можешь умереть, – произнес он, и его голос все-таки дрогнул. – Это будет черной неблагодарностью – ведь я проделал такой долгий путь!

Рука принца сжалась, по телу пробежала дрожь.

Грудь наполнилась воздухом и резко опала.

И принц затих.

На миг Алукарду стало легче, потому что принц наконец-то успокоился, заснул. На миг показалось, что все хорошо. На миг...

Потом спокойствие рассыпалось.

Кто-то закричал.

К постели принца проталкивались жрецы.

Стражники оттащили Алукарда.

Он не сводил глаз с принца.

Не понимал.

Не мог понять.

А потом рука принца выскользнула из его ладони и упала на постель.

Безжизненная.

Последние серебряные нити ослабли и соскользнули с его кожи, как простыни летней ночью.

Потом Алукард услышал уже свой собственный крик.

И больше он ничего не помнил.

VI

На краткий мучительный мир Лайла перестала существовать.

Распалась на миллионы нитей, и каждая нить разматывалась, тянулась, как струна – вот-вот порвется. Она перешагнула порог своего мира – и попала в никуда. А потом, столь же внезапно, рухнула ничком на мостовую мира чужого.

Приземлившись, она невольно вскрикнула. Руки и ноги тряслись, голова гудела, как колокол.

Земля под ладонями – а это была земля, что уже неплохо – была шершавая и холодная. В воздухе тихо. Ни фейерверков. Ни музыки. Лайла с трудом поднялась на ноги. С пальцев, из носа капала кровь. Она вытерлась, и красные точки испещрили камень. Достала нож, встала поудобнее, спиной к обледелой стене. Вспомнила, как в прошлый раз в этом Лондоне ее окружали жадные глаза людей, изголодавшихся по власти.

Вдруг мелькнул какой-то яркий блик, и она подняла глаза.

Небо над головой играло оттенками заката – розовое, пурпурное, золотое. Но в Белом Лондоне не могло быть таких ярких красок, и на миг она в ужасе подумала, что попала в какой-то другой город, в другой мир, очутилась еще дальше от дома – как его ни назови.

Но нет, дорога под ногами была знакомой, а вдаль на фоне заката высился готический замок. Город был тот же самый, но изменился до неузнаваемости. С тех пор, как она побывала здесь, прошло всего четыре месяца. Четыре месяца назад они с Келлом сразились с близнецами Данами. В то время этот мир был покрыт льдом, пеплом и холодным белым камнем. А сейчас... сейчас по улице шел человек и улыбался. Не щерился голодным оскалом, а просто улыбался каким-то своим мыслям, довольный, блаженный.

Что-то было не так.

За эти четыре месяца она научилась чувствовать магию – если не ее намерения, то хотя бы присутствие. Не видела, как Алукард, но с каждым вдохом ощущала в воздухе ее сладкий привкус, густой и даже приторный. Да, в ночном воздухе трепетала магия.

Что же тут происходит?

И где Келл?

Лайла понимала, где она: именно там, куда намеревалась попасть. Она пошла вдоль высокой стены, свернула за угол и очутилась у ворот замка. Они стояли нараспашку, по чугунным створкам вился зимний плющ. Лайла опять остановилась. Каменный лес, когда-то заполненный статуями, исчез, на его месте росли настоящие деревья, а вдоль лестницы выстроились стражники в сверкающих доспехах, и все были начеку.

Келл наверняка внутри. Между ними протянулась связующая нить, тонкая, но на удивление прочная, и Лайла не знала, из чего она сделала – из магии или нет. И эта нить притягивала ее к замку. Ей не хотелось думать о том, чем это грозит, насколько далеко ей придется зайти, сколько сражений выиграть. Она пойдет на все, лишь бы найти его.

Вспомнить бы заклинание поиска...

Лайла покопалась в памяти. *Ас траварс* – это переход между мирами, а *Ас тасцен* – между разными точками одного мира. А если надо найти не место, а человека?

Она отругала себя за то, что ни разу этим не поинтересовалась. Келл когда-то рассказывал, как в детстве отыскал пропавшего Рая. Какие слова он произнес?

Она напрягла память. Келл использовал что-то, сделанное Раем. Кажется, деревянную лошадку. Всплыл еще один образ – когда Келл впервые нашел ее в таверне «В двух шагах», он сжимал в руке носовой платок. Ее платок.

Но у Лайлы не осталось ничего из вещей Келла. Ни амулетов. Ни безделушек.

Вспыхнула паника, но Лайла с ней справилась.

Амулетов нет. Ну и что? Человек – это ведь не только то, чем он владеет. И не только предметы носят на себе его печать. Детали, слова, воспоминания...

Все это у Лайлы есть.

Она прижала окровавленную руку к дверям замка, ощущая на царапинах холод железа, плотно зажмурилась и вызвала Келла. Сначала вспомнила ту ночь, когда они познакомились, когда она его ограбила в переулке, и как потом он вошел к ней сквозь стену. Незнакомец, привязанный к ее кровати, вкус магии, обещание свободы, страх, что он уйдет. Рука об руку – из одного мира в другой, потом в третий, вместе прячутся от Холланда, торгуются с хитрецом Флетчером, сражаются с Раем, который не был самим собой. Ужасы черной магии во дворце, битва в Белом Лондоне, окровавленное тело Келла у нее на руках среди обломков каменного леса. Разбитая жизнь вдали друг от друга. Потом – возвращение. Матч, разыгранный под масками.

И снова объятия. Танец. Его ладонь обжигает талию, горящие губы в поцелуе, тела на дворцовом балконе, сошедшие вместе, как клинки. Невыносимый жар, а потом ледящий холод. Она упала на арене. Он вскипел гневом. А потом отвернулся. И ушел. И она отпустила.

Но сейчас она пришла, чтобы вернуть его.

Лайла напряглась, стиснула зубы, ожидая боли.

Собрала воспоминания, прижала их к стене, как амулет, и произнесла:

– *Ас тасцен* Келл.

Ворота под ее рукой содрогнулись, мир распался надвое, Лайла сделала шаг и очутилась в сером, мерцающем дворцовом коридоре.

На стенах горели факелы, вдалеке слышались шаги. На миг Лайла поздравила себя с успехом, а потом поняла, что Келла здесь нет. Голова пошла кругом, с губ сорвалось ругательство, и вдруг слева, из-за двери, послышался сдавленный крик.

Лайла похолодела.

Келл. Лайла потянулась к дверной ручке, но, едва коснувшись, услышала в воздухе тихий свист металла. Отскочила – и в тот же миг в дверь вонзился нож. От рукоятки тянулся черный шнур; обернувшись, Лайла увидела женщину в светлом плаще.

По лицу женщины тянулся шрам. Темнота наполняла один ее глаз и, как воск, выплескивалась вниз по щеке и вверх на висок, очерчивая скулы и уходя под шапку волос – ослепительно-красных, краснее, чем плащ у Келла, краснее, чем сияние вод Айла. Такой цвет слишком ярок для этого мира. Точнее, для мира, каким он был раньше. Но Лайла чувствовала – что-то здесь не так, и дело было не только в ярких красках и мертвых глазах женщины.

Эта женщина напоминала не о Келле и даже не о Холланде, а о черном камне, украденном много месяцев назад. Та же странная тяга, тяжелый ритм.

Взмах – и в руке незнакомки появился еще один нож со шнуром на рукояти. Рывок – и первый нож, выдернутый из дерева, полетел прямо ей в ладонь. Изящно, как птица, возвращающаяся в свою стаю.

Лайла, можно сказать, впечатлилась.

– Ты кто такая? – спросила она.

– Вестница, – ответила незнакомка, хотя Лайле одного взгляда было достаточно, чтобы распознать профессиональную убийцу. – А ты?

Лайла достала два своих ножа.

– А я воровка.

– Туда нельзя.

Лайла прислонилась к двери. Сила Келла стучала в спину, как умирающий пульс. «Держись», – в отчаянии подумала она, а вслух сказала:

– Рискнешь помешать мне?

– Как тебя зовут? – спросила женщина.

– Зачем тебе?

Та кровожадно улыбнулась:

– Мой король захочет узнать, кого я...

Но Лайла не стала дожидаться.

В воздух взлетел ее первый нож, и, когда женщина попыталась его отбить, Лайла ударила вторым. Когда он был на полпути, навстречу взвился клинок на шнуре, и Лайла увернулась. Хотела рубануть еще раз, но инстинктивно отбила второй скорпионий удар. Шнур между ножами был эластичным, и женщина повелевала ими, как Джиннар ветром, как Алукард водой, как Кисмайра землей. Ножи покорно подчинялись ее воле, и сила движения оттенялась изяществом магии.

И мало того, сама женщина двигалась с пугающей грацией, будто в текучем танце.

Танцовщица со смертельными клинками.

Лайла пригнулась. Лезвие просвистело возле лица.

Несколько прядей темных волос, отрезанных ударами ножей, слетело на пол. Клинки сливались в серебристое облако, нападая со всех сторон. Лайла только и делала, что увертывалась.

Ей не раз доводилось драться на ножах. И почти всегда начинала она сама. И знала: главное – нащупать брешь в обороне, улучшить момент, когда противник откроется. Но сейчас бой был необычным.

Как вообще драться с человеком, который даже не держит ножи в руках?

Ответ прост: точно так же, как с любым другим.

Быстро и грязно.

Дело не в том, чтобы выглядеть красиво. Главное – остаться живой.

Лезвия мелькали, как змеиные жала, били внезапно и стремительно. Но была у них и слабость: они не могли менять курс. Выскользнув из руки, нож летел прямо. Вот почему нож в руке лучше, чем брошенный.

Лайла сделала обманный финт вправо и, когда метнулся первый нож, ушла влево. Прочертил свою линию второй нож, и Лайла опять уклонилась. Пока ножи летели своими путями, она метнулась к противнице.

– Попалась!

Но тут, к ужасу Лайлы, ножи изменили курс. Они развернулись в воздухе и ринулись к ней. Лайла едва успела отскочить, и они вонзились в пол там, где она только что стояла.

Ну конечно. Магия металла.

По руке струилась кровь, капала с пальцев. Лайла была быстрой, но все же этого мало.

Еще один взмах, и ножи вернулись в руки женщины.

– Имена – дело важное, – сказала она, скручивая шнур. – Я Ожка, и у меня приказ не пускать тебя.

За дверями закричал от боли Келл.

– А я – Лайла Бард, и мне плевать! – Лайла достала свой любимый нож.

Ожка улыбнулась и атаковала.

На этот раз Лайла целилась не в тело и не в ножи, а в шнур между ними. Острое лезвие коснулось натянутой нити...

Но Ожка оказалась проворнее. Едва металл коснулся шнура, как нож отскочил в руку хозяйке.

– Ну нет! – Лайла голой рукой ухватила за шнур. На лице Ожки вспыхнуло удивление, и Лайла победно вскрикнула, но тут ногу обожгла боль. В лодыжку вонзился третий клинок, короткий и острый.

Лайла пошатнулась. На белый пол закапала кровь.

Но Лайла выдернула нож и выпрямилась.

За дверью кричал Келл.

Где-то в другом мире умирал Рай.

Времени медлить не было.

Лайла соединила клинки, и они заискрились. Воздух нагрелся, и, когда Ожка метнула нож, Лайла коснулась шнура пылающим лезвием. Шнур вспыхнул, огонь побежал, как по фитилю, и Ожка отпрянула. На полпути к руке шнур лопнул, и нож не сумел вернуться в руку.

Танцовщица сбилась с шага. Лицо убийцы вспыхнуло гневом, и она ринулась на противницу всего с одним ножом.

Но даже при этом Ожка двигалась с жестокой грацией хищницы, а Лайла так сосредоточилась на ноже в руке противницы, что совсем забыла: в комнате полным-полно другого оружия, и маг может пустить его в ход.

Лайла уклонилась от летящего металла и хотела отступить, но споткнулась о табуретку. Огонь в руках погас, и красноволосая женщина коршуном ринулась на нее, целясь в грудь.

Лайла выставила руку, защищаясь. Над лицом столкнулись рукояти ножей. Губы Ожки изогнулись в жестокой улыбке – клинок в ее руке внезапно вытянулся и превратился в спицу, нацеленную в глаз...

Металл ударился о стекло, раздался хруст. Голова Лайлы дернулась. Нож, отскочив от фальшивого глаза, оставил глубокую царапину на мраморном полу.

По щеке потекла капля крови – единственная алая слеза. Нож чуть-чуть задел кожу.

Лайла растерянно моргнула.

Эта тварь хотела проткнуть ей глаз.

К счастью, выбрала не тот.

Ожка на миг застыла в недоумении.

И этого мига хватило.

Лайла рубанула вбок, нарисовав на горле женщины багровую улыбку.

Рот Ожки приоткрылся и сомкнулся, словно повторяя форму разреза на горле, из раны хлынула кровь. Она упала рядом с Лайлой, зажимая рану пальцами, но та была слишком глубока. Смертельна.

Женщина дернулась и затихла. Лайла попятилась от растекавшейся крови. В раненой ноге полыхала боль, голова раскалывалась.

Она встала на ноги, прижимая ладонь к разбитому глазу.

Потерянный второй нож торчал из стены, она выдернула его и побрела к двери, оставляя кровавый след.

Крики по ту сторону стихли. Она подергала за ручку, но дверь была заперта.

Возможно, на нее были наложены чары, но Лайла их не знала, а взывать к дереву, к воздуху или еще чему-нибудь было некогда. Поэтому Лайла просто собрала последние силы и пинком вышибла дверь.

VII

Келл лежал и невидящими глазами смотрел в потолок. Мир был где-то очень-очень высоко и с каждым вздохом уходил все дальше.

Потом раздался голос, голос Лайлы, и, как якорь, вытащил его на поверхность.

Келл охнул и попытался привстать. Не получилось. Попробовал еще раз, встал на одно колено. Тело пронзила боль. Издалека донесся звук приближающихся шагов. Хрустнул засов. Он с трудом поднялся на ноги, и в этот миг дверь распахнулась, и появилась она – тень, очерченная светом, а потом перед глазами все расплылось. Тень бросилась к нему.

Келл из последних сил шагнул вперед, поскользнулся в луже крови и от боли на миг провалился в черноту.

Теплые руки обвили его за пояс.

– Вот я тебя и нашла, – на пол рядом с ним опустилась Лайла. Он уткнулся головой ей в плечо, хрипло зашептал, еле складывая слова. Она, кажется, не поняла, и тогда он поднял изломанные, окровавленные руки и опять вцепился онемевшими пальцами в ошейник.

– Сними... это... – прохрипел Келл.

Взгляд Лайлы – что у нее с глазами? – скользнул по металлу, и она обеими руками ухватила за ошейник. Тихо вскрикнула, когда пальцы коснулись металла, но не выпустила, а, поморщившись, провела пальцами по краю и нащупала сзади защелку. Расстегнула и отшвырнула ошейник в другой конец комнаты.

В легкие Келла хлынул воздух, по жилам заструилось тепло.

На миг все нервы в его теле вспыхнули – сначала от боли, потом от жаркого электрического толчка – это вернулась магия. Он охнул, согнулся пополам, грудь вздымалась, по щекам струились слезы. Мир вокруг пульсировал и трепетал – вот-вот загорится. Наверное, даже Лайла почувствовала это, потому что отпрянула. А к Келлу возвращалась похищенная сила – вся, до последней капли.

Но чего-то все еще не хватало.

Нет, подумал Келл. Только не это. Эхо. Второй пульс. Он посмотрел на свои разбитые руки, из которых с кровью вытекала магия. Ну и пусть. Он рванул тунику. Печать еще виднелась, но под шрамами, сквозь чары, билось только одно сердце. Только одно...

– Рай... – всхлипнул он. – Не могу... Он...

Лайла схватила его за плечи.

– Посмотри на меня. Когда я уходила, твой брат был еще жив. Не теряй надежды. – В ее словах он увидел отражение собственного страха. – Кроме того, – добавила она, – отсюда ты ему ничем не поможешь.

Она окинула взглядом комнату, увидела металлическую раму, окровавленные наручники на столе с инструментами, железный ошейник на полу и снова перевела взгляд на него. Что-то у нее с глазами. Один, как и положено, карий, а другой покрылся трещинами.

– Твой глаз... – начал он, но Лайла перебила:

– Не сейчас. Идем скорей, – и встала.

Келл понимал – у него не хватит сил никуда идти. Руки разбиты и переломаны, кровь течет ручьями. Стоит шевельнуться, и голова идет кругом. Она хотела помочь, но он даже встать на ноги не смог – покачнулся и рухнул. Сдавленно охнул от досады.

– Так дело не пойдет. – Она прижала руку к ране на лодыжке. – Сиди смирно, я тебя подлатаю.

Келл распахнул глаза.

– погоди... – И отстранился от ее прикосновения.

– Не доверяешь мне? – усмехнулась Лайла.

– Нет.

– Ну и зря. – Она прижала окровавленную ладонь к его плечу. – Какое слово?

Он покачал головой, и комната тоже качнулась.

– Лайла, я не...

– Слово, черт возьми!

Он с дрожью в голосе ответил:

– *Хасари. Ас хасари.*

– Ясно. – Она сильнее сжала руки. – Готов? – И, не дожидаясь ответа, произнесла: – *Ас хасари.*

Ничего не произошло.

В глазах Келла промелькнули облегчение, усталость, боль.

Лайла нахмурилась:

– Разве я не пра...

Между ними вспыхнул свет, сила магии расшвыряла их в стороны, как шрапнель при взрыве.

Келл ударился спиной о пол, а Лайла врезалась в стену.

Он лежал, хватая воздух ртом, и даже не сразу смог понять, сработало заклинание или нет. Но потом пошевелил пальцами и почувствовал, как затягиваются раны, срастаются мускулы, разглаживается кожа. Воздух легко втекал в легкие, пустота заполнилась, разбитое снова стало целым. Он сел, и голова не закружилась. В ушах стучало, но кровь быстрее заструилась по венам.

Лайла со стоном привалилась к стене, потирая затылок, и пробормотала:

– Чертова магия.

Он подошел к ней, присел, и она победно улыбнулась.

– Я же говорила, полу...

Келл не дал ей договорить: он взял ее лицо окровавленными ладонями и поцеловал, глубоко, горячо. В этом поцелуе слились кровь и паника, боль, страх и облегчение. Он не спрашивал, как она его нашла. Не упрекал ее за сделанное, лишь сказал:

– Ты сошла с ума.

Она ответила измученной улыбкой:

– И на том спасибо.

Он помог ей встать, подобрал свой плащ, валявшийся там, куда его бросил Холланд – Осарон.

Лайла еще раз окинула взглядом комнату.

– Келл, что случилось? Кто это с тобой сделал?

– Холланд.

Он видел, что имя обрушилось на нее, как удар, представил, какие образы возникли сейчас перед ней, – те же самые, какие родились у него, когда он очутился лицом к лицу с новым королем Белого Лондона и увидел хорошо знакомого, давнего врага. Антари с разноцветными глазами – один изумрудный, другой черный. Волшебника, принужденного служить близнецам Данам. Которого он своими руками зарубил и столкнул в пропасть между мирами.

Но Келл понимал, что у Лайлы возник еще один образ: человек, который убил Бэррона и, насмехаясь, бросил к ее ногам окровавленные часы.

– Холланд мертв, – произнесла она.

– Нет. – Он покачал головой. – Он выжил. И вернулся. Он...

За дверью послышались крики.

Застучали шаги по камням.

– Проклятье! – Взгляд Лайлы метнулся к коридору. – Пора сматываться.

Келл шагнул к двери, но она его опередила – схватила его за руку, достала краснолондонский лин и окровавленной рукой прижала его к столу.

– Ас... – начала она.

– погоди, нельзя же так просто... – глаза Келла расширились.

– ...траварс.

И в этот миг ворвались стражники. Но комната уже растворилась перед глазами беглецов, пол ушел куда-то вниз, и Келл с Лайлой начали падение.

Из одного Лондона в другой.

Келл напрягся, готовясь, что ноги вот-вот ударятся о землю, но земля под ногами не появилась. Ее тут не было. Замок растворился в ночи, стены и пол ушли в никуда, их место заняли холодный зимний воздух, красноватое сияние реки и остроконечные гребни крыш, стремительно летевшие навстречу.

* * *

Когда создаешь двери, надо учитывать строгие правила.

Первое – и, по мнению Келла, самое главное – гласит: ты либо перемещаешься между двумя точками в одном и том же мире, либо между двумя мирами – но в одном и том же месте.

Точь-в-точь в том же самом.

Вот почему так важно, чтобы твои ноги стояли на твердой земле, а не, скажем, на верхнем этаже высокого замка, потому что, возможно, в другом мире на этом месте никакого замка нет.

Келл хотел объяснить это Лайле, но не успел. Потому что ее рука была уже в крови, амулет лежал в ладони, и в тот же миг они упали в пустоту.

Провалились сквозь пол, сквозь тонкую ткань мироздания, сквозь несколько футов ночной тьмы и упали на покатую крышу. Черепицы обледенели, беглецы проехали по ним еще несколько футов и сумели ухватиться за водосточный желоб. Точнее, ухватился Келл. Металл под ногами Лайлы сильно прогнулся, и она свалилась бы через край, если бы он не поймал ее за руку и не втащил обратно.

В первые мгновения оба молчали, только лежали на покатам краю крыши и тяжело дышали, выпуская в ночную тьму дрожащие облачка. Первым заговорил Келл:

– Совет на будущее. Делай это, только если твердо стоишь на улице.

– Принято, – выдохнула Лайла.

Холодная крыша обжигала разгоряченную кожу, но Келл не шевелился. Просто не мог – не мог думать, не мог ничего чувствовать, не мог ничего делать, лишь смотрел и смотрел на звезды. Робкие точки света на черно-синем небе, его родном небе, среди облаков, подрумяненных речным сиянием. И все вокруг такое будничное, простое, не тронутое дыханием беды. Он едва не закричал, потому что, хоть Лайла и вылечила его тело, внутри он все равно был изломан, напуган, и хотелось лишь закрыть глаза и утонуть, погрузиться в безмолвные темные глубины под поверхностью этого мира, туда, где Рай... Рай... Рай...

Он силой заставил себя сесть.

Надо найти Осарона.

– Келл, – начала было Лайла, но он уже спрыгнул с крыши на мостовую. Он мог бы призвать ветер, чтобы смягчить падение, но не стал, лишь краем сознания ощутил боль в лодыжках. А через мгновение услышал тихий шелест, и рядом приземлилась Лайла.

– Келл, – снова сказала она, но он уже шагнул к ближайшей стене, достал из кармана нож и царапнул только что зажившую кожу.

– Келл, черт возьми! – Она схватила его за рукав, и он наконец посмотрел на нее, заглянул в карие глаза – один целый, другой растрескавшийся. Откуда он знает? Да разве он может не знать?

– Как это – Холланд вернулся?

– Он... – Внутри что-то щелкнуло, и Келл снова очутился во дворе, рядом с той красно-волосой – ее, кажется, звали Ожка. Он прошел за ней через дверь между мирами, в Лондон, где все было не так, в Лондон, который должен был рассыпаться, но почему-то устоял, в Лондон, где было слишком много цвета, и там увидел нового короля. Тот был молод и здоров, но Келл его сразу узнал.

Холланд. И тотчас же – Келл не успел понять, откуда взялся этот антари – горло стиснул заколдованный ошейник, чудовищная холодная боль рвала тело надвое, железная клетка ломала руки. А Холланд смотрел, как будто стал кем-то другим, и Келл прерывистым голосом молил о пощаде, а в груди медленно угасало второе сердце, и тогда демон отвернулся и...

Келл взял себя в руки. Он снова стоял на улице, с пальцев капала кровь, а рядом была Лайла, и он не понимал, то ли она поцеловала его, то ли вlepила пощечину, лишь чувствовал, как звенит в голове, а где-то внутри рвется неслышный вопль.

– Это он, – хрипло произнес Келл. – Он и не он. Это... – Он покачал головой. – Не знаю, Лайла. Холланд каким-то образом попал в Черный Лондон, и там в него что-то вселилось. Как витари, только хуже. И оно... носит его тело, как одежду.

– Значит, настоящий Холланд мертв? – спросила Лайла, пока он царапал на камне знак.

– Нет. – Келл взял ее за руку. – Он сидит глубоко внутри. И теперь они оба здесь.

Келл прижал к стене окровавленную ладонь, произнес слова, и на этот раз магия откликнулась легко и охотно.

VIII

Эмира ни за что не соглашалась уйти. Она была рядом с Раем.

И когда его крики сменились слабыми всхлипами.

И когда пылающая кожа побледнела, а черты обмякли.

И когда его дыхание прервалось и остановился пульс.

И когда в комнате стало тихо, а потом все пошло кувырком. Дрожала мебель, скрипели окна, стражники силком оттащили Алукарда Эмери от постели Рая, а Максим и Тирен безуспешно пытались оторвать ее от бездыханного тела. Они не понимали.

Королева может, если надо, оставить трон.

Но мать никогда не бросит своего сына.

– Келл не даст ему умереть, – говорила она в тишине.

– Келл не даст ему умереть, – говорила она сквозь шум.

– Келл не даст ему умереть, – снова и снова говорила она самой себе, даже когда никто уже не слушал.

В комнате разразилась буря, но она недвижимо сидела возле сына.

Эмира Мареш, которая видела трещинки даже в самых красивых вещах и шла по жизни на цыпочках, опасаясь что-нибудь сломать. Эмира Насаро, которая не хотела становиться королевой, не хотела брать на себя ответственность за легионы подданных, за их печали и глупости. Которая никогда не хотела приводить ребенка в этот полный опасностей мир, а теперь отказывалась верить, что ее сильный, красивый мальчик... ее сердце...

– Он умер, – сказал жрец.

Нет.

– Он умер, – сказал король.

Нет.

– Он умер, – говорили все, кроме нее, потому что не понимали, что если Рай умер, то, значит, умер и Келл, а этого ну никак не может быть.

И все-таки.

Ее сын не шевелится. Не дышит. Его кожу, так недавно остывшую, заливают ужасная сероватая бледность, тело окостенело и оплыло, как будто его нет в живых уже много недель или месяцев, а не минут. Рубашка распахнулась, открыв печать над сердцем, а на груди, некогда смуглой, жестоко прорисовываются ребра.

В ее глазах стояли слезы, но она не позволила им пролиться: ведь плакать – значит горевать, а она не будет горевать по сыну, потому что он не умер.

– Эмира, – взмолился король, когда она склонила голову над неподвижной грудью Рая.

– Прошу тебя, – прошептала она, обращаясь не к судьбе, и не к магии, и не к святым, не к жрецам и не к Айлу. А к Келлу. – Умоляю.

Когда она наконец подняла глаза, то, кажется, на миг различила в воздухе серебристый блик, тоненькую ниточку света. Но с каждой секундой тело на кровати все меньше и меньше напоминало ее сына.

Она протянула руку, чтобы откинуть волосы с глаз Рая, и невольно содрогнулась: хрупкие локоны, кожа как бумага. Он рассыпался у нее на глазах, и в тишине отчетливо слышался сухой хруст оседавших костей, похожий на треск поленьев в гаснущем костре.

– Эмира.

– Умоляю.

– Ваше величество.

– Молю.

– Моя королева.

– Прошу тебя.

Она стала напевать – не песню и не молитву, а заклинание, которое выучила еще девочкой. Заклинание, которое она сотни раз пела сыну, когда он был мал. Заклинание – колыбельная. Для сладких снов.

Для освобождения.

И когда она почти допела, принц вздохнул.

IX

Мгновение назад сильные руки тащили Алукарда из покоев Рая, и вдруг о нем все забыли. Он и не заметил, как с плеч свалилась тяжесть. Не замечал ничего, лишь видел сверкание серебристых нитей и слышал, как дышит Рай.

Принц вздохнул тихо, еле слышно, но этот звук прокатился по комнате, подхваченный всеми и каждым. Королева, король, стражники – все дружно ахнули, дивясь и радуясь.

Ноги подкосились, и Алукард уцепился за дверной косяк.

Он же видел, как Рай умер.

Видел, как растворились на его груди последние нити, видел, как принц затих, видел мгновенное, невероятное разложение.

А теперь у него на глазах все возвращалось.

Чары восстанавливались, из потухших углей – нет, из пепла – вспыхнуло пламя. Порванные нити взметнулись, как волна, а потом окутали Рая, обхватили, будто руками, защищая и оберегая, и принц вздохнул второй раз, потом третий, и с каждым вздохом в его тело возвращалась жизнь.

Плоть на костях делалась упругой. Впалые щеки налились румянцем. Принц, стремительно угасший, столь же стремительно оживал, и все следы боли и мук сменились маской покоя. Черные волосы легли пышными кудрями. Грудь вздымалась и опадала в размеренном ритме глубокого сна.

И пока Рай спокойно спал, вокруг него снова воцарился хаос. Алукард нетвердо подошел ближе. Все говорили наперебой, голоса сливались в бессмысленный шум. Одни кричали, другие шепотом молились, благословляя то, чему стали свидетелями, или прося защиты от этого.

Когда Алукард был на полпути к принцу, сквозь шум прорезался голос короля Максима.

– Пусть никто ничего об этом не говорит, – велел он, выпрямляясь во весь рост. – Бал в честь победителей уже начался, и пусть он закончится как надо.

– Но, сэр... – начал стражник, как раз когда Алукард дошел до кровати Рая.

– Принц был болен, – отрезал король. – Не более того. – Его тяжелый взгляд остановился на каждом из присутствующих. – Сегодня во дворце слишком много союзников, слишком много потенциальных врагов.

Алукарду не было дела ни до бала, ни до турнира, ни до всего мира за пределами этой комнаты. Ему хотелось одного – взять принца за руку. Ощутить его тепло и заверить самого себя, свои дрожащие пальцы, свое ноющее сердце, что это не фокус, не обман.

Комната вокруг него постепенно опустела. Сначала ушел король, потом стражники и жрецы, остались лишь королева и Алукард. Они стояли и молча глядели на спящего принца. Алукард протянул руку, коснулся пальцев Рая, ощутил, как трепещет его пульс, и не стал размышлять о том, что это невозможно. Не задавался вопросом, какая запретная магия способна привязать жизнь к мертвому телу.

Потому что это не имело значения. Имело значение только одно.

То, что Рай жив.

Х

Прямо с улицы Келл, шатаясь, ввалился в свои дворцовые покои, и внезапный свет, тепло, уют поразили его. Здесь все казалось удивительно обычным. Как будто не содрогнулась жизнь, как будто не раскололся мир. Все так же клубилась ткань под потолком, стояла у стены огромная кровать под балдахином, сверкала позолотой мебель из темного дерева, а сверху, с крыши, доносились звуки бала в честь победителей.

Как это возможно?

Неужели они ничего не знают?

Ну конечно, король устроит бал, с горечью подумал Келл. Сделает все как подобает, скроет внезапную болезнь своего сына от всевидящих глаз Веска и Фаро.

– Что значит – Холланд здесь? – уточнила Лайла. – Здесь – в смысле в Лондоне, или прямо вот тут? – Она спешила за ним по пятам, стараясь не отставать, но Келл уже выскочил в коридор. Покои Рая находились в дальнем конце, золоченые двери розового дерева были плотно закрыты.

А в коридоре толпился народ. Стражники, вестра, жрецы. При виде Келла – окровавленного, в плаще на голую грудь – все дружно обернулись. В их глазах он прочитал растерянность и ужас, смятение и страх.

Люди пришли в движение. Одни шли к нему, другие, наоборот, отшатывались, но все преграждали ему путь. Келл вызвал порыв ветра, раздвинул толпу и шагнул к покоям принца.

Он не хотел туда входить.

Но не войти не мог.

Отчаянный крик в голове звучал все громче. Келл распахнул двери и, задышавшись, ввалился внутрь.

Первым, что он увидел, было лицо королевы, побелевшее от горя.

Вторым – тело брата, распростертое на кровати.

Третьим и последним – то, что грудь Рая медленно вздымается и опадает.

И от этого движения, такого малозаметного и такого драгоценного, у Келла перехватило дух.

Буря в голове, с которой он давно и тщетно пытался совладать, наконец утихла. Яростная вспышка ужаса и горя, радости и надежды сменилась странным спокойствием.

У него словно гора с плеч свалилась. Рай живой. Келл просто не почувствовал слабое биение его сердца сквозь собственный лихорадочный пульс. Даже сейчас сердце Рая билось едва заметно. Но все же он был живой. Живой. Живой.

У Келла подкосились ноги, но, не успев упасть на колени, как она была рядом – на этот раз не Лайла, а королева. Она не подхватила его, а мягко опустилась рядом. Ее пальцы прижались к его груди, стиснули складки плаща, и Келл отстранился, ожидая жестоких слов, удара. Он виноват. Ушел. Подвел ее сына. Чуть не потерял Рая во второй раз.

Но вместо этого Эмира Мареш склонила голову к его окровавленной груди и заплакала. Келл замер, стоя на коленях, потом поднял усталые руки и осторожно обнял королеву.

– Я молилась, – шептала она снова, и снова, и снова. Наконец он помог ей встать.

Потом появился король. Он стоял в дверях, задыхаясь, как будто бежал стремглав через весь дворец. Рядом с ним был Тирен. Максим кинулся вперед, и Келл снова отшатнулся, готовясь к атаке. Но король ничего не сказал, лишь заключил Келла и Эмиру в объятия.

Объятия эти были нелегкими. Король держался за Келла, как будто тот был единственной каменной опорой в жестокий шторм. Стиснул до боли, но Келл не отстранился.

Когда Максим наконец выпустил его, забрав с собой Эмиру, Келл подошел к кровати брата. К Рая. Прижал руку к груди принца, чтобы услышать сердце. Вот оно, бьется, ровное, невозможное, и, когда его собственное сердце стало понемногу успокаиваться, он снова почувствовал в груди далекое эхо, еще слабое, но растущее с каждым ударом.

Брат ничуть не походил на человека, близкого к смерти.

Щеки Рая горели румянцем, волосы вились блестящими черными локонами, и лишь влажные подушки и мягтые простыни говорили о страдании, о борьбе. Келл прижался губами ко лбу Рая, надеясь, что брат проснется и отпустит одну из своих всегдашних шуточек – что-нибудь о девицах в беде, о чарах и волшебных поцелуях. Но принц не шелохнулся. И веки его не дрогнули. И пульс не участился.

Келл осторожно сжал плечо брата, но тот все равно не просыпался. Келл встряхнул бы Рая, если бы не Тирен – он осторожно тронул Келла за руку и отвел его пальцы прочь.

– Терпение, – мягко сказал авен эссен.

Келл нехотя повернулся и только сейчас заметил, какая тишина стоит в комнате, несмотря на то, что здесь собралось столько народу – король и королева, жрецы и стражники, в том числе Тирен и Гафра – последний уже в штатском. В дверях стояла Лайла, бледная от усталости. А в углу притулился Алукард Эмери, и его покрасневшие глаза из черно-штормовых стали закатно-синими.

Келлу не хотелось спрашивать, что здесь произошло, чему они стали свидетелями. Было видно, что люди еще не оправились от пережитого ужаса, на застывших лицах сквозил страх. Стояла такая тишина, что до Келла донеслись обрывки музыки треклятого бала, гремевшего наверху.

Такая тишина, что он – наконец-то – расслышал дыхание Рая, тихое и размеренное.

И Келлу отчаянно захотелось остановить это мгновение, лечь рядом с принцем и уснуть, чтобы избежать объяснений, не слышать обвинений в предательстве. Но взгляды перемещались с него на Лайлу и обратно, замечали его внезапное появление, окровавленные руки, и он видел, как на лицах зарождаются вопросы.

Келл собрался с силами и заговорил.

XI

Граница между мирами распалась, как шелк под наточенным клинком.

Осарон не встретил сопротивления. Лишь шаг среди теней, тонкий миг пустоты между концом одного мира и началом соседнего, и вот уже ноги Холланда – его собственные ноги – снова стоят на твердой земле.

Дорога между его родным Лондоном и городом Холланда была нелегка, древние заклинания заржавели, но держали крепко, створки ворот не поддавались. Но, как обычно бывает со старым железом, в броне накопились трещины, изъяны, и за долгие годы поисков Осарон их нашел.

И пусть одна дверь сопротивлялась, зато другая отворилась легко.

Отворилась – и явила чудо.

Каменный замок исчез, холод кусался уже не так жестоко, и повсюду, куда ни глянь, расцветала магия. Она зримо клубилась над этим миром, будто пар над кипящей водой.

Как много силы!

Как много возможностей!

Осарон стоял посреди улицы и улыбался.

Над этим миром стоит потрудиться.

Здесь поклоняются магии.

И будут поклоняться ему.

Ветер доносил музыку, еле слышную, как звон далеких колоколов. Все вокруг бурлило светом и жизнью. Даже самые темные из здешних теней казались легким облачком по сравнению с тенями его мира, мира Холланда. В воздухе витал сладкий запах цветов и зимнего вина, гудела энергия, пульсировала сила.

Монетка жгла Осарону пальцы, и он, отшвырнув ее, пошел к манящему свету в центре города. С каждым шагом он чувствовал, что становится сильнее, магия вливалась в легкие, разгоняла кровь. Над рекой вдали алело красное зарево, такое сильное, такое живое, а в голове медленно угасал голос Холланда.

– *Ас анасаэ*, – шептал волшебник снова и снова, пытаясь развеять Осарона, как будто тот был обыкновенным проклятьем.

«Холланд, – насмешливо подумал он. – Я тебе не чары, чтобы просто взять и раствориться».

Рядом висел волшебный экран. Осарон провел по нему пальцами, потянув за нити магии. Чары дрогнули и преобразились, на экране вспыхнул знак антари, обозначающий темноту. Тень. Символ для него, Осарона.

Осарон шел, и фонари один за другим вспыхивали, разлетались вдребезги и погружались в ночь. А мостовая под ногами делалась черной и гладкой, темнота распространялась, как лед. Он шел, и вокруг него чары рассеивались, стихии перетекали одна в другую, как оттенки спектра – огонь превращался в воздух, воздух в воду, вода в землю, земля в камень, камень в магию, в магию, в магию...

Сзади раздался голос, застучали копыта: мимо проезжала карета. Человек, державший поводья, закричал на него на языке, которого Осарон никогда не слышал, но слова сплетались, как нити в чарах, буквы встали на привычные места и обрели смысл.

– Прочь с дороги, болван!

Осарон прищурился, потянулся к поводьям.

«Я не болван, – сказал он. – Я бог».

Пальцы крепче сжали кожаные поводья.

«А богам следует поклоняться».

Вдоль поводьев быстро, как молния, пробежала тень. Она стиснула руки кучера, и он вскрикнул: магия Осарона проникла под кожу и наполнила вены, впиталась в мускулы, кости, сердце.

Кучер не сопротивлялся магии. А может быть, быстро проиграл сражение. Он то ли соскочил, то ли упал с передка кареты и преклонил колени перед королем теней. А когда поднял глаза, Осарон увидел в них туманное эхо своего истинного облика.

Осарон присмотрелся. Магические нити этого человека были слабыми и тусклыми.

Значит, сделал вывод он, этот мир полон силы, но не все его обитатели одинаково сильны.

Он и слабым найдет применение. Или просто истребит их, как сорную траву. Они всего лишь хворост, сухой и тонкий, быстро вспыхивает, но недолго горит.

«Встань», – велел он. Человек поднялся на ноги, и Осарон легонько взял его пальцами за горло. Ему стало любопытно: что произойдет, если влить побольше силы в этот хрупкий сосуд. Интересно, сколько в нем уместится?

Его пальцы сжались плотнее, и человеческие вены под ними набухли, почернели и пошли мелкими трещинами. Магия сжигала несчастного изнутри, и в сотнях крошечных трещинок замерцал огонь. Рот раскрылся в неслышном восторженном крике. Кожа отслоилась, тело вспыхнуло красными углями, почернело и рассыпалось в прах.

Осарон разжал пальцы, и в ночном воздухе развеялся пепел. Зрелище так увлекло его, что он даже не сразу заметил, что Холланд снова пробивается к поверхности, прокладывает себе дорогу сквозь минутную щель забытья.

Осарон закрыл глаза и заглянул в себя.

«Ты мне надоел».

Он схватил руками нити разума Холланда и стал тянуть, пока не услышал глубоко в недрах своего разума отчаянный крик антари.

И когда сопротивление вместе с криком рассыпались, как кучер на дороге, как рассыпается все смертное, если осмелится встать на пути у бога, – только тогда он перестал тянуть.

В наступившей тишине Осарон снова залюбовался красотой своего нового королевства. Улицы, полные народа. Небо, полное звезд. Дворец, полный света – на него Осарон любовался особенно долго, уж очень сильно он не походил на приземистый каменный замок из мира Холланда. Изящные башни из стекла и золота возносились до самого неба. Строение, воистину достойное короля!

Рядом с ослепительными шпилями этого дворца весь остальной мир, казалось, потускнел. Осарон ускорил шаг. Показалась река, окутанная алым заревом, и у него перехватило дыхание.

Такая красота. И пропадает зря.

«Мы могли бы достичь большего».

На берегу реки горел всеми оттенками алого и золотого огромный рынок, а впереди высилась дворцовая лестница, украшенная букетами цветов, подернутых морозным кружевом. Он ступил на крыльцо, и цветы растеряли ледяной блеск и вспыхнули яркими, живыми красками.

До чего же долго ему приходилось скрываться в тени.

Слишком долго.

С каждым шагом краски разорались все ярче. Разрастались цветы, распускались бутоны, на лоснящихся стеблях выступали шипы, и все это буйство растекалось пушистым ковром – зелено-золотым, красно-белым.

В этом странном, богатом мире, сочном, как спелое яблоко, ждущее, пока его сорвут, расцветало все – расцветал и он сам.

О, какие чудеса он мог бы сотворить!

За его спиной цветы менялись снова, и снова, и снова, лепестки превращались то в лед, то в камень. Буйство красок, хаос обликов. И наконец, будто устав от безудержных трансформаций, стали черными и гладкими, как стекло.

Осарон достиг вершины лестницы и очутился лицом к лицу с горсткой людей, ожидавших его перед дверями. Они заговорили с ним, и в первый миг он ничего не делал, лишь стоял и слушал, как повисают в воздухе перепутанные слова, уродливые звуки, нарушающие идеальную ночную тишину. Потом вздохнул и придал им форму.

– Я сказал – стоять, – повторил один из стражников.

– Не приближаться, – приказал второй и достал шпагу. На ее острие блеснули чары, ослабляющие магию. Осарон едва не улыбнулся, хотя управлять мимикой Холланда было тяжело.

На его языке для понятия «остановить» было всего одно слово – *анасаэ*. Да и оно означало всего лишь «откатиться назад», «отменить сделанное». Всего одно слово, чтобы прекратить магию, зато так много, чтобы она росла, растекалась, менялась.

Осарон небрежно поднял руку, и с пальцев сорвался вихрь энергии. Он ударил людей в их тонкие металлические скорлупки, и...

Раздался взрыв. Содрогнулось небо.

Осарон вытянул шею и над башнями дворца увидел в небе разноцветный огненный шар. Потом еще один, и еще, в красно-золотых сполохах. Ветер донес радостные крики, и он услышал стук множества сердец.

Жизнь.

Власть.

– Стоять! – приказали ему эти люди на своем корявом языке.

Но Осарон только начал движение вперед.

Воздух под ним за клубился, и он взлетел в ночную тьму.

Глава 2

Город под тенью

I

Кисмайра Васрин была немного пьяна.

Не очень, ровно настолько, чтобы острые углы бала победителей слегка смягчились, лица на крыше стали немного размытыми, а бессмысленная болтовня слилась в нечто более приятное. Она еще могла бы постоять за себя в бою – именно так она и определяла степень опьянения, не по количеству выпитого, а по тому, насколько быстро удастся превратить содержимое бокала в оружие. Она наклонила кувшин, вылила вино в воздух, и оно замерзло, превратившись в острый нож, даже не долетев до другой руки. Неплохо, подумала она, откинувшись на подушки.

– Ты дуешься, – послышался откуда-то из-за дивана голос Лозена.

– Чушь, – протянула она. – Я праздную. – Откинула голову назад, чтобы посмотреть на своего протеже, и спросила: – Разве не ясно?

Юноша хихикнул, его глаза вспыхнули.

– Приятного отдыха, *мас арна*.

Арна. С каких это пор она так постарела, чтобы ее звали госпожой? Ведь ей и тридцати нет. Лозен ускользнул, чтобы потанцевать с хорошенькой юной леди, а Кисмайра опустошила бокал, откинулась на подушки и стала смотреть. В волосах, скрученных в жгуты, позвякивали золотые подвески.

Дворцовая крыша – хорошее место для праздника. В ночное небо поднимались остроко- нечные колонны, огненные шары согревали зимний воздух, белые мраморные полы поблески- вали, как облака в лунном свете. Но Кисмайре больше нравилось на арене. В бою она всегда знала, что делать, понимала смысл каждого жеста. А здесь, в обществе, требовалось улыбаться, кланяться и, что еще хуже, смешиваться с толпой.

Кисмайра терпеть не могла быть частью толпы. Она не остра и не вестра, просто лондон- ская кость старой закалки, плоть и кровь с немалой долей магии. Долей, которая переросла в самое важное.

Вокруг пили и танцевали другие волшебники. Их маски были приколоты на плечо, как броши, или откинuty назад вроде капюшонов. Маски без лица могли сойти за украшения, а те, на которых были глаза и другие черты, нагло взирали с затылков и плащей. Ее собственная кошачья маска, побитая и поцарапанная за много раундов на ринге, лежала рядом на кушетке.

Настроение у Кисмайры было не праздничным. Она улыбалась с напускной любезностью, но внутри еще кипел азарт последнего матча. Победа была так близка!

Но она проиграла. И кому? Этому нахальному красавчику, высокородному Алукарду Эмери.

И где же сейчас этот мерзавец, скажите на милость? Как сквозь землю провалился. И король с королевой, кстати, тоже. И принц. И его брат. Странно. Вескийские принц и принцесса здесь, вон они, расхаживают по залу, будто добычу ищут. Фароанский регент со своей свитой стоит у колонны, а из арнезийской королевской семьи никого нет. В ней шевельнулось дурное предчувствие, какое обычно возникало на ринге за миг до того, как противник нанесет удар. Что-то не так.

Неужели?

Да откуда ей знать!

Мимо прошел слуга, и она взяла с подноса еще один бокал. Пряное вино защекотало нос, согрело пальцы и лишь затем коснулось языка.

Еще десять минут, сказала она себе, и можно уходить.

Как-никак она победительница, хоть и не в этом году.

– Госпожа Кисмайра?

Она подняла глаза и увидела молодого вестра, красивого и загорелого, веки подведены золотой краской в тон кушаку. Она огляделась по сторонам, ища Лозена. Ну конечно, вот он, смотрит издали с самодовольной улыбкой, будто кот, который принес хозяйке мышку.

– Меня зовут Викен Розек... – начал дворянин.

– У меня нет настроения танцевать, – отрезала она.

– Тогда могу ли я предложить вам свое общество? – лукаво спросил он и, не дожидаясь разрешения, сел. Но Кисмайра уже не смотрела на него, ее внимание привлекла фигура на краю крыши. Только что там никого не было, и вдруг, с последней вспышкой фейерверка, появился он. Отсюда этот человек казался лишь силуэтом на фоне темной ночи. Он обвел глазами крышу, как будто очутился здесь впервые, и Кисмайра насторожилась. Он был не из благородных, и не магом с турнира, и не принадлежал ни к одной из свит, какие она видела на Эссен Таш.

Охваченная любопытством, она поднялась с кушетки, оставив маску возле Викена. Незнакомец шагнул вперед и встал между колоннами. Кожа у него оказалась светлой, как у вескийца, зато волосы – чернее, чем у нее самой. Плечи закрывал короткий иссиня-черный плащ, а на голове вместо маски волшебника блестела серебряная корона.

Член королевской семьи?

Но она его никогда раньше не видела. И не чувствовала этот едва уловимый аромат власти. При каждом шаге он источал магию, запах костра, пепла и вспаханной земли, так непохожий на цветочный аромат, витавший над крышей. И заметила это не одна Кисмайра.

Лица гостей одно за другим обращались к незнакомцу.

Он склонил голову, будто рассматривал мраморный пол под начищенными черными сапогами. Прошел мимо стола, на котором лежал оставленный кем-то шлем, рассеянно провел пальцем по металлической челюсти. И она рассыпалась в пепел – нет, даже не в пепел, а в песок, в тысячи сверкающих осколков стекла.

Холодный ветер унес песчинки прочь.

Сердце Кисмайры заколотилось.

Ноги сами понесли ее вперед, следом за ним. Он пересек крышу, и они остановились по обе стороны широкой круглой площадки для танцев.

«Добрый вечер», – сказал незнакомец и поднял голову.

Черные волосы откинулись с лица, открыв глаза – непроглядно-черные, с бурлящими в глубине тенями.

Те, кто был ближе, встретились с ним взглядом и отпрянули. Тем, кто был дальше, тоже стало не по себе, они начали потихоньку отступать.

Фароанцы смотрели, поблескивая самоцветами на темных лицах, и пытались понять – это что, представление такое? Вескийцы застыли неподвижно и ждали, когда незнакомец выхватит оружие. Арнезийцы забеспокоились. Двое стражников отправились с вестью вниз, во дворец.

Кисмайра осталась на месте.

«Надеюсь, я не помешал», – продолжил гость, и его голос странным образом разделился надвое: один тихий, другой звучный. Один развеивался в воздухе, как горстка песка, другой кристально чисто звенел в голове.

Его черные глаза обвели крышу.

«Где ваш король?»

Вопрос прозвенел у Кисмайры в голове, и она попыталась вытолкнуть оттуда этот голос. Тогда незнакомец обратил на нее внимание – тяжелое, как камень.

«Сильная, – задумчиво произнес он. – Здесь всё сильное».

– Кто вы такой? – возмущенно спросила Кисмайра, но ее голос в сравнении с ним прозвучал тихо и жалко.

Он как будто задумался над вопросом, потом ответил:

«Ваш новый король».

По толпе пробежал ропот.

Кисмайра протянула руку, и ближайший графин с вином опрокинулся. Его содержимое подплыло к ее пальцам и замерзло, превратилось в ледяное копьё.

– Это что, угроза? – спросила она, стараясь обращать больше внимания на руки этого человека, а не на зловещие черные глаза и звучный голос. – Я сильнейшая волшебница Арнса. Победительница Эссен Таш. Я с гордостью ношу почетный знак дома Марешей. И не подпущу вас близко к моему королю.

Незнакомец склонил голову набок, как будто его эта речь позабавила.

«Ты сильная, – повторил он и раскинул руки, как будто хотел заключить ее в объятия. Его улыбка стала шире. – Но у тебя не хватит сил меня остановить».

Кисмайра небрежно взмахнула копьём и бросилась в атаку.

Но едва она сделала несколько шагов, мраморный пол под ногами плеснул, как вода, камень на миг стал жидким и опять затвердел, утопив в себе ее лодыжки. Кисмайра вскрикнула и взмахнула руками.

Лозен кинулся к ней, но она остановила его жестом, не сводя глаз с незнакомца.

Так не бывает.

Этот человек даже не шелохнулся. Не коснулся камня, не сказал никаких слов. Просто пожелал, и камень послушно изменил форму, как будто в этом не было ничего особенного.

«Ничего особенного, – произнес он, и его слова зазвенели в воздухе и проникли в разум. – Моя воля – это магия. А магия – это моя воля».

Камень стал карабкаться по ее ногам все выше и выше. А он приближался неторопливым, широким шагом.

У него за спиной Джиннар и Брост ринулись в атаку. Но едва они достигли края круга, как он легким взмахом пальцев отшвырнул их назад. Оба ударились о колонну и больше не встали.

Кисмайра зарычала и призвала на помощь другую грань своей силы. Мрамор у нее под ногами задрожал, треснул и рассыпался, а незнакомец все шел и шел к ней. Когда она высвободилась, он уже был рядом, на расстоянии поцелуя. Она не чувствовала его пальцев, пока они не сомкнулись у нее на руке – легкие, как перышко, и твердые, как камень.

«Сильная, – снова произнес он. – Но хватит ли у тебя сил впустить меня и удержать?»

Между ними промелькнула какая-то искра, коснулась кожи, растекалась по рукам, просочилась в кровь, наполнила все тело добрым и удивительным светом, сладким и теплым, как мед...

Нет.

Она отстранилась, выгоняя чужую магию, но его пальцы сжались крепче, и приятное тепло разгорелось докрасна, свет превратился в пламя. Кости раскалились, тело вспыхнуло жарким огнем, и Кисмайра закричала.

II

Келл все им рассказал.

Точнее, все, что им было надо знать. Не упомянул, что пошел за Ожкой по своей воле, потому что кипел от ярости за то, что король бросил его в тюрьму. Промолчал о том, что

поставил под угрозу жизнь принца и свою собственную, лишь бы только не соглашаться на условия этой твари. И не сказал, что в какой-то момент готов был опустить руки. Зато король и королева узнали о Лайле, о том, что она спасла его, а тем самым и Рая, вернула его домой. Он рассказал о том, что Холланд остался жив, о силе Осарона, о проклятом железном ошейнике, об амулете из Красного Лондона в руке демона.

– Где сейчас это чудовище? – спросил король.

Келл понурил голову.

– Не знаю. – Надо было рассказать больше, предупредить, что Осарон необычайно силен, но он сумел лишь выдать: – Даю слово, ваше величество, я его найду.

Его гнев не бурлил – на это же не осталось сил – а горел в венах ледяным пламенем.

– Найду и уничтожу.

– Ты останешься здесь. – Король указал на лежащего в постели принца. – Хотя бы пока Рай не очнется.

Келл хотел было возразить, но на его плечо легла рука Тирена, и он не стал сопротивляться. Лишь тяжело опустился в кресло возле постели брата. А король ушел собирать стражу.

За окном начался фейерверк, небо окрасилось красно-золотыми сполохами.

Гафра стоял у стены, не спуская глаз со спящего принца, и тихо шептал. При свете лампы его русые локоны золотились. Он беспрестанно вертел что-то в пальцах. Монетку. Сначала Келлу подумалось, что юноша шепчет какое-то заклинание – ведь когда-то его предназначали для учебы в святилище. Но, прислушавшись, он понял, что слова простые, арнезийские. Это была своего рода молитва, и просил Гафра не чего-нибудь, а прощения.

– В чем дело? – спросил Келл.

Гафра залился краской.

– Это я виноват, что она нашла вас, – прошептал Келлу его бывший стражник. – Виноват, что она забрала вас с собой.

Она. Гафра говорил об Оже.

Келл потер глаза.

– Это не так, – возразил было он, но юноша упрямо потупился, и Келлу невыносимо было видеть в его глазах муки совести, так похожие на его собственные. Он покосился на Тирена – тот стоял с Лайлой и рассматривал ее разбитый глаз, при этом у него на лице не сквозило ни тени удивления.

Алукард Эмери по-прежнему держался в тени, в уголке за королевской кроватью, и взгляд его был устремлен не на Келла и не любого другого из присутствующих, а на грудь принца Рая, которая то вздымалась, то опадала. Келл знал о даре капитана, о его способности видеть нити магии. Сейчас Алукард стоял недвижимо, лишь его глаза внимательно следили за какими-то невидимыми вихрями, бурлившими вокруг принца.

– Ему нужно время, – прошептал капитан, отвечая на не заданный Келлом вопрос. Келл вздохнул, придумывая вежливый ответ, но взгляд Алукарда внезапно метнулся к балконным дверям.

Капитан отошел от стены и всмотрелся в красноватую ночную тьму.

– В чем дело? – спросил Келл.

– Кажется, я что-то видел.

– Что? – насторожился Келл.

Алукард не ответил, лишь провел рукой по запотевшему стеклу. А потом покачал головой:

– Померещилось, навер...

Его прервал отчаянный крик.

Не в комнате и не во дворце, а где-то наверху.

На крыше. Где шел бал победителей.

Келл вскочил на ноги – а ведь мгновение назад не мог и пошевелиться. Лайла – она всегда была проворнее – выхватила нож, хотя никто так и не успел перевязать ее раны.

– Осарон? – спросила она.

Келл ринулся к двери. Алукард помчался было за ним по пятам, но Келл сильно, жестоко оттолкнул его.

– Тебе нечего там делать.

– Неужели ты думаешь, что я останусь...

– Я думаю, что ты присмотришь за принцем.

– По-моему, это твоя обязанность, – огрызнулся Алукард.

Удар достиг цели, но Келл не уступил капитану дорогу.

– Если пойдешь наверх, погибнешь.

– А ты нет? – парировал капитан.

Келлу вспомнились глаза Холланда с клубившимися внутри тенями. Дыхание силы. Ужас проклятия, сжимавшего шею. Келл с трудом сглотнул.

– Если я не пойду, погибнем мы все.

Он посмотрел на королеву. Та открыла рот, опять закрыла, еще и еще раз, будто искала слова для приказа, для протеста, но в конце концов промолвила лишь:

– Иди.

А Лайла и не думала ждать ничьего разрешения.

Он догнал ее на полпути наверх, и то только потому, что у нее была ранена нога.

– Как он туда попал? – пробормотал Келл.

– А как он вообще выбрался из Черного Лондона? – парировала Лайла. – Как он лишил тебя силы? Как...

– Ладно, – буркнул Келл. – Проехали.

Они поднимались все выше, обогнали бегущих стражников.

– Предупреждаю сразу, – сказала Лайла. – Мне до Холланда нет никакого дела. Если выпадет случай, я его не пощажу.

– Согласен, – нехотя согласился Келл.

Они добежали до дверей на крышу. Лайла притянула его к себе, он впился взглядом в ее глаза – один целый, другой разбитый на блики теней и света. Крик за дверями оборвался.

– У тебя хватит сил победить? – спросила она.

Хватит ли? Там, за дверью, его ждет не турнирный боец. И даже не осколок магии вроде витари. Осарон уничтожил целый мир. И из чистой прихоти изменил другой.

– Не знаю, – честно ответил он.

Лайла сверкнула мимолетной улыбкой.

– Это хорошо, – ответила она и распахнула дверь. – Только глупцы всегда уверены в себе.

* * *

Келл и сам не знал, что он ожидал увидеть на крыше.

Кровь. Тела. Что-то вроде Каменного леса, когда-то простиравшегося у подножия замка в Белом Лондоне, сборища окаменелых трупов.

А вместо этого увидел толпу, растерянную и перепуганную, а посередине – короля теней. У Келла кровь отхлынула от лица. Его охватила холодная ненависть к этому чудовищу в облике Холланда. А тот медленно обернулся, оглядывая публику. Его окружали самые могучие волшебники этого мира – но в черных глазах не было и тени страха. Осарону, кажется, было просто весело, и еще в его взгляде виднелась ничем не прикрытая жажда. Он стоял в центре мраморного круга, а казалось – в центре вселенной. Недвижимый. Неуязвимый.

Толпа раздалась, и Келл увидел у ног Осарона Кисмайру Васрин. Точнее, то, что от нее осталось. Одна из сильнейших волшебниц Арнса превратилась в черный обугленный труп, металлические кольца в волосах расплавились в капельки текучего света.

«Кто еще желает попробовать?» – спросил Осарон искаженным голосом Холланда, шелковистым и режущим, каким-то образом звучащим отовсюду одновременно.

Вескийские принцы съежились за спинами своих магов – двое испуганных детишек в серебряно-зеленом. Лорд Сол-ин-Ар же, хоть и не владел магией, не отступил, хотя фараонская свита призывала его спрятаться за колонну. На краю мраморного подиума собрались остальные маги. Они держали наготове свои стихии – у кого-то на пальцах горело пламя, кто-то сжимал острые ледяные клинки – но никто не лез в бой. Все они – турнирные бойцы, привыкли расхаживать по площадке для поединков, где на кону стоит разве что их гордость.

Келл вспомнил слова Холланда. Много месяцев назад он сказал:

«Знаешь, что делает тебя слабым?

У тебя никогда не было нужды быть сильным.

Тебе никогда не приходилось драться за свою жизнь».

Теперь Келл видел, что этим страдают и все собравшиеся бойцы. Лица, не прикрытые масками, побелели от страха.

Лайла тронула его за локоть. Она держала наготове нож. Оба ничего не говорили, да это было и не нужно. На дворцовых балах и в турнирных играх их силы были неравны, но сейчас, среди смерти и опасности, они прекрасно понимали друг друга.

Келл кивнул, и Лайла без слов, по-воровски ловко и бесшумно нырнула в гущу теней у края крыши.

«Никто?» – насмешливо вопрошал король теней.

Он наступил на останки Кисмайры, и под его ногой они рассыпались в пепел.

«При всей вашей силе вы так легко сдаетесь».

Келл коротко вздохнул и, преодолевая страх, вышел из укрытия на край крыши, на свет. Увидев его, Осарон улыбнулся.

«А, Келл, – сказал монстр. – Твое упрямство меня изумляет. Пришел преклонить передо мной колени? Пришел молить о пощаде?»

– Пришел сражаться.

Осарон склонил голову набок.

«Когда мы виделись в последний раз, я слышал твои крики».

Келл задрожал – не от страха, а от гнева.

– Когда мы виделись в последний раз, я был закован в цепи. – Воздух вокруг него звенел от силы. – А теперь я свободен.

Улыбка Осарона стала шире.

«Но я видел твоё сердце, оно связано прочными узами».

У Келла сжались кулаки. Мраморный пол под ногами задрожал и пошел трещинами. Осарон взмахнул рукой, и на Келла обрушилась ночь. Она выбила воздух из легких, навалилась, пытаясь раздавить, поставить на колени. Келл из последних сил держался на ногах, а потом понял, что на него давит не ночь, а железная воля Осарона. Келл был антари, никто не мог приказать его собственному телу выступить против него самого. А сейчас суставы прогибались, кости, казалось, вот-вот треснут.

«Преклони колени перед своим королем!»

– Нет!

Келл снова воззвал к мрамору под ногами, и камни затрепетали. Воля против воли. Он удержался на ногах, но потом взглянул в лицо другого антари, встретил скучающий взгляд и понял, что король теней всего лишь играет с ним, как кошка с мышкой.

– Холланд! – прохрипел Келл, преодолевая ужас. – Если ты там, борись! Прошу тебя, борись!

Лицо Осарона недовольно скривилось, и Келл услышал за спиной грохот. На крышу один за другим выскакивали стражники. Посреди них шагал король Максим.

В ночи загрохотал голос короля:

– Как ты посмел явиться в мой дворец?

Осарон перевел взгляд на короля, и чудовищная тяжесть его воли на миг развеялась. Келл перевел дыхание, отступил на шаг и достал нож, чтобы пустить себе немного крови. На белый камень упали красные капли.

– Как ты смеешь называть себя королем?

«У меня на это больше прав, чем у тебя».

Еще один легкий взмах длинных пальцев – и королевская корона медленно поднялась в воздух. Но король Максим успел схватить ее на лету. Глаза короля сверкнули, он сжал корону пальцами и превратил ее в клинок. Его жест, плавный и текучий, напоминал о давних днях, когда Максима Мареша называли не Золотым королем, а Стальным принцем.

– Сдавайся, демон, – приказал он, – или тебе конец.

У него за спиной королевские стражники подняли мечи с вытравленными на клинках чарами. При виде короля и его стражи остальные маги, казалось, стряхнули с себя оцепенение. Одни начали отступать, увлекая за собой своих повелителей, другие просто бросились бежать, у некоторых хватило смелости шагнуть вперед. Но Келл понимал: им с Осароном не тягаться. Никому – ни стражникам, ни магам, ни даже королю.

Однако появление короля очень помогло Келлу.

Пока Осарон смотрел на Максима, Келл быстро наклонился.

Его кровь растеклась по каменному полу хрупкими трещинками, тонкие линии протянулись к чудовищу и обвились вокруг его ног.

– *Ас анасаэ*, – приказал Келл. «Рассейся». Когда-то этих слов хватило, чтобы выбросить из этого мира витари. А сейчас они ничего не достигли. Осарон едва ли не с жалостью покоился на него, в черных глазах клубились тени.

Но Келл не сдавался. Он приложил ладони к полу и приказал:

– *Ас стено*.

Мраморный пол рассыпался на сотни осколков, они поднялись в воздух и полетели к королю теней. Первый достиг цели, впился в ногу Осарона, и в душе Келла вспыхнула надежда. Но потом он понял свою ошибку. Он не был настроен убивать.

Достиг цели только первый осколок. А потом король теней одним взглядом остановил остальные. Затрепетав, они повисли в воздухе. Келл подтолкнул их изо всех сил, но одно дело – приказывать собственному телу, и совсем другое – направлять сотню самодельных клинков. Осарон быстро развернул каменные стрелы наружу, выстроив их, как спицы колеса.

Осарон лениво поднял руки, и осколки затрепетали, как стрелы на тугой тетиве. Еще мгновение, и они полетят в короля, в стражников, в магов на крыше... И вдруг Осарон вздрогнул.

Тени в его глазах стали зеленоватыми.

Где-то глубоко внутри Холланд вступил в бой.

Каменные осколки посыпались наземь. Осарон застыл, устремив взгляд внутрь.

Миг был благоприятный. Максим дал сигнал.

В атаку ринулись королевские стражники – двенадцать человек на одного растерянного бога.

И на миг Келлу показалось, что победа близка.

Лишь на миг...

Но тут Осарон выпрямился, сверкнул черными глазами и нагло усмехнулся.

И стал ждать.

– Стойте! – закричал Келл, но было поздно.

Стражники набросились на врага, но за миг до этого король теней сбросил свою оболочку. Из тела Холланда повалила тьма – густая и черная, как дым.

Антари рухнул, и тень, которая была Осароном, по-змеиному заструилась по крыше – в поисках другой формы.

Келл оглянулся, высматривая Лайлу, но сквозь толпу, сквозь дым ничего не было видно.

И вдруг тьма ринулась на него.

«Только не это», – в ужасе подумал Келл. Однажды он уже отказал этому монстру. Еще раз он этого не вынесет. Этот жуткий ошейник. Холодный ужас, когда биение сердца в груди медленно замирает.

Тьма нависла над ним, и Келл невольно попятился, готовый защищаться. Но удар так и не обрушился. Тень прошелестела по его окровавленным пальцам и отступила. Не отпрянула, скорее задумалась.

Тьма тошнотворно засмеялась и стала сгущаться – сначала в столб, затем в человека. Не из плоти и крови, а из бесчисленных теней, таких плотных, что они походили скорее на жидкий камень. Одни грани резкие, другие расплывчатые. Голову короля венчала корона – дюжина острых шипов торчала в стороны, как рога, их концы таяли струйками дыма.

Король теней в своем истинном облике.

Осарон вдохнул, и расплавленная мгла в его нутре замерцала, как уголья, в воздухе разлилось тепло. И все равно он казался плотным, как камень. Осарон присмотрелся к своим рукам – пальцы сужались к концам, как острия – и его губы растянулись в жестокой улыбке.

«У меня давно уже не хватает сил удерживать свой собственный облик».

Его рука потянулась к горлу Келла, но на полпути остановилась. В воздухе просвистела сталь. Нож Лайлы ударил Осарона в висок, но клинок не вошел в тело, а пролетел насквозь.

Значит, он все-таки не настоящий. Бестелесный. До поры до времени.

Осарон метнул взгляд на Лайлу – та уже доставала другой нож. Под его взглядом она застыла, всеми силами сопротивляясь могучей хватке, и Келл снова улучил момент: прижал окровавленную руку к груди чудовища. Но под пальцами Келла фигура рассеялась в дым, и Осарон отпрянул, его каменное лицо исказилось злобой. Лайла, освободившись, снова ринулась на него. У нее в руке был короткий меч стражника. Она замахнулась и сильным ударом рассекла короля теней пополам.

Осарон распался надвое, потом растворился в воздухе.

Был, и вдруг исчез.

Келл и Лайла озадаченно переглянулись.

Стражники без церемоний поволокли бездыханного Холланда за ноги. А люди на крыше стояли, будто замороженные. Хотя скорее всего это было просто шок, ужас, смятение.

Келл встретился взглядом с Максимом.

«Тебе еще многому надо научиться».

Он обернулся на голос и увидел Осарона. Тот, снова стусившись, стоял – уже не на разбитой середине крыши, а на краю, на перилах, на железных прутьях – будто на твердой земле. Плащ развевался на ветру. Призрак человека. Тень чудовища.

«Бога нельзя убить, – произнес он. – Ему следует поклоняться».

В его черных глазах плясал мрачный восторг.

«Не тревожьтесь. Я вас научу. И придет время...»

Осарон распростер руки.

«Я сделаю этот мир достойным меня».

Келл слишком поздно понял его замысел.

Он ринулся наперерез. А Осарон, раскинув руки, качнулся назад и упал.

Подбежав, Келл успел увидеть, как король теней рухнул в красные воды Айла. Его тело вошло в воду без всплеска и ушло в глубину. И стало растворяться, как пролитые чернила. Лайла прижалась к Келлу, пытаясь что-нибудь разглядеть. Над крышей раздались крики. И только они вдвоем молча стояли и с ужасом смотрели, как расплывается в воде перо черноты, растет, растет, растет полоса мрака. Через минуту алое сияние погасло, и волшебная река стала непроглядно черной.

III

Алукард мерил шагами комнату принца и ждал новостей.

Он ничего не слышал, кроме того единственного вопля, криков стражников в коридоре и шагов наверху.

Роскошные занавеси и балдахины, пышные ковры и подушки полностью поглощали все звуки, отрезая комнату от внешнего мира, и покои были погружены в невыносимое безмолвие.

Они были одни – капитан и спящий принц.

Король ушел. Жрецы тоже. Даже королева ушла.

Они удалялись один за другим, на прощание бросая на Алукарда взгляды, в которых читалось: «Посиди, побудь с ним». Можно подумать, он уйдет. Он бы с удовольствием сбежал от давящей тишины и незадаанных вопросов, но только не от Рая.

Последней ушла королева. Постояла несколько секунд между кроватью и дверями, будто разрываясь надвое.

– Ваше величество, – сказал он. – Я его поберегу.

В этот миг с ее лица словно спала маска – королева превратилась в напуганную мать.

– Если бы ты мог...

– А вы можете? – спросил он, и взгляд ее огромных карих глаз метнулся к Раю, задержался очень, очень надолго. Потом она все-таки ушла.

Что-то привлекло его внимание к балкону – не движение, а изменение света. Он подошел к стеклянным дверям и увидел, как по стене дворца сползает тень, как пелена, как шлейф, как глянцево-черный занавес. Он мерцал – то твердый, то дымный, то опять твердый, и эти волны прокатывались от дворцовой крыши до речного берега далеко внизу.

Это, скорее всего, магия, но в ней нет ни красок, ни света. Если она и соткана из нитей силы, он этих нитей не различал.

Келл рассказал им об Осароне, о ядовитой магии другого Лондона. Но как можно сделать вот такое? Разве это под силу любому магу?

– Он демон, – сказал тогда Келл. – Осколок живой, дышащей магии.

– Осколок магии, возмнивший себя человеком? – спросил король.

– Нет, – ответил Келл. – Осколок магии, возмнивший себя богом.

И теперь, глядя на колонну, свитую из теней, Алукард понял – это существо не повинуется линиям силы. Оно само создает их из ничего.

Он смотрел и не мог отвести глаз.

Пол, казалось, накренился, и какая-то сила потянула Алукарда к стеклянным дверям, к черному занавесу за ними. Если подойти ближе, может быть, он различит нити магии...

Капитан протянул руку, чтобы распахнуть двери, но в этот миг принц шевельнулся во сне. Послышался тихий стон, слабый короткий вздох, и этого хватило, чтобы Алукард отвернулся. Мгновенно забыв про черноту за стеклом, он кинулся к кровати.

– Рай, – прошептал он. – Ты меня слышишь?

Между бровями принца пролегла морщинка. Челюсти еле заметно сжались. Эти незаметные знаки не ускользнули от Алукарда, он откинул со лба Рая темные волосы, пытаясь выбросить из головы образ принца, обращающегося в прах на этом самом ложе.

– Очнись, пожалуйста.

Он провел пальцами по рукаву принца, коснулся руки.

Алукарду всегда нравились руки Рая – гладкие ладони, длинные пальцы, чуткие, музыкальные.

Он не знал, играет ли Рай до сих пор, но когда-то он неплохо владел несколькими инструментами. Играл он, как говорил на иностранных языках. Легко и бегло.

Краткая вспышка воспоминания. Пальцы, скользящие по его коже.

– Сыграй мне что-нибудь, – попросил тогда Алукард, и Рай в ответ сверкнул своей ослепительной улыбкой. При свечах его янтарные глаза превратились в расплавленное золото. Легкие пальцы принца пробежали по телу любовника сверху вниз – по плечам, вдоль ребер, по талии.

– Я бы лучше сыграл на твоём теле.

Алукард переплел свои пальцы с пальцами принца, радуясь, что они теплые. И вдруг рука Рая еле заметно вздрогнула, пальцы ласково сжались. Алукард осторожно забрался на кровать и тихо прилег рядом со спящим принцем.

Тьма за стеклом растекалась все шире, но Алукард не сводил глаз с груди Рая. Она вздымалась и опадала, и вокруг нее медленно сплетались сотни серебристых нитей.

IV

Наконец-то Осарон снова свободен!

Там, на крыше, был один момент – краткий миг между вдохом и выдохом – когда ему показалось, что без костей и плоти он вот-вот развеется на ветру. Но нет. Удержался. Не развеялся. Не исчез.

За месяцы, проведенные в том, другом мире, он стал сильным.

А за минуты в этом – еще сильнее.

И стал свободен.

Какое странное чувство! Давно забытое...

Как долго он сидел на своем троне посреди уснувшего города, смотрел, как затихает пульс его родного мира. В конце концов даже снег перестал падать и повис в воздухе, а он все смотрел и смотрел. И ничего больше не оставалось, только спать и ждать, и ждать, и ждать, и ждать...

Ждать свободы.

И вот свершилось.

Осарон улыбнулся, и речные воды затрепетали. Засмеялся, и воздух пришел в движение. Потянулся, и мир заходил ходуном.

Этот мир был ему рад.

Этот мир хотел перемен.

Этот мир знал, глубоко-глубоко внутри, что может достичь большего.

И шептал ему: твори, твори, твори!

Этот мир пылал обещаниями. Его мир тоже когда-то пылал, но потом сгорел дотла. Но тогда он был совсем молодым богом, жаждал дарить, жаждал любви.

А теперь стал умнее.

Из людей не получают хорошие правители. Они дети, слуги, подданные, рабы, еда, корм. Они должны знать свое место. А у него есть свое. Он станет тем богом, какой им нужен, и они будут любить его за это. А как – он их научит.

Он будет дарить им силу. Ровно столько, чтобы привязать их к себе. Даст почувствовать, каким может стать их мир. Какими могут стать они сами. Он будет сплетаться с ними, растворяться в них, получать от них силу, магию, потенциал, будет расти на нем, и они поделятся с

ним легко и охотно, по доброй воле, потому что он будет принадлежать им, а они будут принадлежать ему, и вместе они достигнут необычайных высот.

«Я – милосердие», – шептал он им в уши.

«Я – сила».

«Я король».

«Я бог».

«Преклоните колена».

И по всему этому городу – его новому городу – люди опускались на колени.

Встать на колени – это же так просто. Надо всего лишь поддаться гравитации, и твой вес сам увлечет тебя вниз. Только не мешай ему. Почти все они сделали это по доброй воле, он ощущал их покорность.

А те, кто не согласен, те, кто отказывается...

Им нет места в новом царстве Осарона.

С ними разговор будет коротким.

V

«Дважды выпьем за добрый ветер!

Трижды выпьем за дам прекрасных!

За доброе море – четырежды сдвинем бокалы!»

Последние слова утонули в грохоте стаканов по дощатым столам, в плеске хмельного эля.

– Разве оно так поется? – спросил Васри, прислоняясь головой к стене. – Мне казалось, дважды – там за добрый эль, а не за ветер.

– Без ветра морских песен не бывает, – сказал Тав.

– Это без эля морских песен не бывает, – возразил Васри не очень внятно – Ленос так и не понял, было это нарочно или просто потому, что моряк – как, впрочем, и вся команда – был изрядно навеселе.

Точнее, вся команда, кроме Леноса. Он никогда этим делом не увлекался, потому что ему не нравилось, когда в голове все путается, а потом много дней маешься похмельем. Но никто не обращал внимания, пьет он или нет, главное – чтобы при каждом тосте у него в руке был бокал. А это он соблюдал исправно. Держал в руке бокал, когда команда выпила за Алукарда Эмери, своего капитана, победителя Эссен Таш. Они повторяли это каждые полчаса или около того, пока он со счета не сбился.

Турнир уже закончился, и выпелы стояли на столах, промокшие от эля. Серебристо-синее пламя на знамени Алукарда становилось все мутнее.

Их блистательный капитан давно ушел – наверное, пил за свое здоровье на балу победителей. Если прислушаться, сквозь гам толпы в «Блуждающей дороге» Ленос различал далекое эхо фейерверков.

Утром состоится торжественный парад, праздники продолжатся (для тех, кто сможет стоять на ногах), а сегодня дворец отдан победителям, а таверны – всем остальным.

– Не видали Бард? – спросил Тав.

Ленос огляделся. Он не видел ее с тех пор, как бокалы подняли в первый раз. Команда подшучивала над ним за то, что он всегда был рядом с ней, говорили, что он ее побаивается и что пытается за ней ухаживать. Может, он и впрямь боялся, немного, но это была скорее разумная осторожность. Ленос боялся Лайлу, как кролик боится собак.

Как смертный боится молнии.

Внезапно его пробрала холодная дрожь.

Он всегда хорошо чувствовал равновесие. Мог бы и жрецом стать, если бы лучше владел магией. Знал, когда дела идут как надо – это было чудесно, как теплое солнышко холодным

днем. Знал, когда появляется авен, такой, как Лайла, с ее загадочным прошлым и еще более загадочными способностями. И знал, когда что-то идет не так.

И вот сейчас всё шло совсем не так, как надо.

Чтобы успокоить нервы, Ленос сделал глоток эля – на янтарной поверхности мелькнуло его хмурое отражение – и поднялся на ноги. Первый помощник на «Шпиле» встретился с ним взглядом и тоже встал. Стросс знал о его предчувствиях и, в отличие от остальных, не считал его чудачком. Стросс ему верил. Или, по крайней мере, не выказывал недоверия в открытую.

Ленос прошел по залу, как в тумане. Всё то же странное чувство, ощущение неправильности, тянуло его за собой, как на канате. Когда он был на полпути к двери, от окна донесся первый крик.

– Смотрите! Там, на реке, что-то есть!

– Ну да, – буркнул Тав. – Большие арены. Они там уже неделю.

Но Ленос упрямо шел к выходу. За ним по пятам шагал Стросс. Он распахнул дверь, и даже порыв холодного ветра его не остановил.

На улицах было меньше народу, чем обычно, но кое-где из окон уже высовывались головы.

Ленос свернул за угол и увидел край ночного рынка. Люди стягивались к речному берегу, словно плохо привязанный груз на корабле.

С колотящимся сердцем Ленос протолкнулся поближе. Его худощавая фигура легко просачивалась там, где могучий Стросс застревал и мешкал. Впереди сияло алое зарево Айла, и вдруг...

Ленос застыл как вкопанный.

По воде растекалось, как нефть, огромное пятно. Черное, блестящее, неправильное. Темнота подползла к берегу, выжгла сухую зимнюю траву, выплеснулась на каменную мостовую. Волна за волной оставляли на земле черные мерцающие полосы.

От этого зрелища у Леноса подкосились ноги, странная сила потянула его вниз, и он невольно шагнул вперед, но потом усилием воли оторвал взгляд от воды, велел себе остановиться.

Справа от него кто-то ковылял к берегу реки. Ленос хотел поймать его за рукав, но человек уже прошел мимо, а следом бежала женщина. Повсюду, куда ни глянь, толпу раздирали две силы: одна вселяла страх, и люди пятились прочь, другая тащила к реке. У Леноса не хватало сил уйти, он мог только стоять и сопротивляться.

Человек, только что пробежавший мимо Леноса, дошел до реки.

– Стой! – крикнул ему стражник, но несчастный опустил на колени, протянул руку к речной воде. Река в ответ сама потянулась к нему: навстречу вынырнула рука, сотканная из черной воды, схватила беднягу и потащила вниз.

Люди закричали. Потом раздался плеск, мгновение борьбы, и человек скрылся под водой. Толпа отпрянула. Маслянистый блеск разгладился, словно река ждала, что тело всплывет на поверхность.

– Отойдите! – требовал другой стражник, проталкиваясь вперед.

Он был почти у реки, когда человек появился. Стражник в ужасе отпрянул. А утопленник медленно поднялся из воды. Он не хватал воздух ртом, не вырывался из черной хватки, а шел спокойно и неторопливо, как будто вставал из ванны. По толпе пробежал шепоток. Человек вышел на берег, не обращая внимания на то, что с одежды струится вода. Капли, стекавшие с рук, казались чистыми и прозрачными, но, коснувшись камней, мерцали и двигались, как живые.

На плечо Леноса легла суровая рука Стросса, но он не мог оторвать взгляда от человека на берегу. В нем что-то было не так. Очень сильно не так. В глазах, будто клубы дыма, кружи-

лись тени, а вены на смуглой коже стали черными. Но больше всего пугала Леноса застывшая, разверстая улыбка.

Человек распростер руки, с которых струилась вода, и провозгласил:

– Вот пришел король!

Он откинул голову и захохотал. По берегам вокруг него карабкалась тьма. Щупальца черного тумана расползались, как жадные пальцы. В толпе вспыхнула паника. Те, кто видел ужасное зрелище, бросились врассыпную, но задние ряды преграждали им дорогу. Ленос обернулся, ища Стросса, но того не было видно. На берегу опять раздался крик.

Где-то вдалеке послышались те же слова, сначала женскими устами, потом детскими:

– Вот пришел король!

– Вот пришел король!

– Вот пришел король! – повторил старик с горящим взором. – И славен он!

Ленос решил уйти, но на улице, там, куда могла дотянуться тень, бурлила толпа. Почти все отбивались, хотели вырваться, но то тут, тот там виднелись такие, кто не мог отвести глаз от реки. Они стояли, словно окаменев, и завороченно глядели в мерцающие воды. А магическая гравитация неумолимо тянула их вниз.

Ленос почувствовал, как его взгляд невольно потянулся навстречу мгле и безумию. Он прошептал молитву безымянным святым, но длинные ноги сами собой сделали шаг к реке.

Потом еще один.

Ноги увязали в илистой почве, мысли затихали, перед глазами осталась лишь эта манящая темнота. Краем сознания он слышал стук копыт, а потом голос. Этот голос, как клинок, рассек пелену хаоса.

– Назад! – кричал он, и Ленос заморгал, отпрянул от речного берега и чуть не попал под копыта королевскому коню.

Огромный жеребец встал на дыбы, и Ленос разглядел всадников.

На жеребце восседал принц-антари, растрепанный и окровавленный, в алом плаще на голое тело. А за его спиной, цепляясь изо всех сил, сидел Лайла Бард.

– Зверюга чертова, – буркнула она, кое-как выбравшись из седла. Келл Мареш – авен варес – легко соскочил наземь. Он положил руку на плечо Бард, и Ленос не понял – то ли он опирается на нее, то ли предлагает опору. Глаза Бард – с одним из них явно было что-то не в порядке, по зрачку рассыпались стеклянные лучики света – обшарили толпу и остановились на Леносе. Она успела коротко, болезненно улыбнуться ему, и тут послышался крик.

Рядом упала женщина, ноги ей оплели струйки черного тумана. Она отбивалась, но пальцы впустую проходили сквозь дым.

Лайла метнулась к ней, но принц-антари успел первым. Он попытался развеять туман порывом ветра, а когда это не удалось, достал нож и царапнул по ладони.

Он опустился на колени, рукой прикрывая женщину от теней, поднимающихся с реки.

– *Ас анасаэ*, – приказал он, но черная масса лишь расступилась. Тень задрожала, будто от смеха, и впиталась женщине в ногу, окрасив сначала кожу, потом вены.

Антари выругался, и женщина в ужасе вцепилась в его порезанную руку. По ее пальцам потекла кровь, и тень внезапно дрогнула, выпустила жертву.

Келл Мареш присмотрелся к рукам – ее и своей.

– Лайла! – позвал он, но она уже все увидела и потянулась за ножом. Выступила кровь. Лайла метнулась к мужчине на берегу и вцепилась в него, на миг опередив тени. И они вновь отпрянули.

Антари и... нет, двое антари, поправил себя Ленос, ибо Бард, без сомнения, тоже из этой породы – стали касаться руками всех, кто был рядом, оставляли следы крови на ладонях и щеках. Но тем, кто уже был отравлен, кровь не помогала – они лишь рычали и вытирали ее, будто брезгуя. Поэтому на каждого спасенного приходилось двое павших.

Принц-антари перевел дыхание, огляделся. Оценил масштабы катастрофы. И не стал больше бегать от тела к телу. А поднял руки, раздвинув ладони. Его губы шевельнулись, и кровь из раны поднялась в воздух, слилась в шар. Леносу подумалось: она похожа на Айл. Такое же красное сияние, пульс магии, живой и трепетный.

Легкий взмах – и красный шар поднялся над обезумевшей толпой...

Больше Ленос ничего не видел. На него напали тени.

Скользнули ночные пальцы, проворные, как змеи. Бежать было некуда – антари все еще творил свои чары, Лайла была слишком далеко – поэтому он закрыл глаза и стал молиться. Так, как учили его в Олнисе, когда разыграется шторм. Молился о спокойствии, когда тени ринулись на него. Молился о равновесии, когда они, горячие и при этом холодные, приникли к его телу. Молился о тишине, когда они шептали в голове, тихо, как прилив.

«Впусти меня,пусти меня,пусти...»

На голову упала капля дождя. Еще одна – на щеку, и потом тени отступили, забрав с собой свой шепот. Ленос приоткрыл глаза, неуверенно вздохнул и увидел, что дождь красный. Повсюду, куда ни глянь, мелкие, как роса, капельки краснели на лицах и плечах, оседали на плащах, перчатках, сапогах.

Это не дождь, понял он.

Кровь.

Под красным туманом уличные тени растаяли, Ленос посмотрел на принца-антари и увидел, что тот бессильно пошатнулся. Он сумел спасти от гибели тех, кто был вокруг, но этого недостаточно. Темная магия уже перестраивалась, меняла тактику, была не кулаком, а раскрытой ладонью. Ядовитые пальцы тьмы медленно ползли в город.

– Санкт, – чертыхнулся принц.

По улице застучали копыта. К реке подскочил отряд королевской стражи. Всадники спешили, Бард быстро, как лучик света, прошлась между ними, оставляя следы крови на доспехах.

– Отделите всех отравленных, – приказал Келл Мареш, шагнув к своему коню.

Погубленные не убегали, не нападали, лишь стояли на месте, улыбались да твердили что-то о короле теней. Мол, он шепчет им на ухо, рассказывает, каким мог бы стать, каким *станет* их мир. Он играл на их душах, как на струнах гитары, показывал, какой силой должен обладать настоящий король.

Принц-антари вскочил на коня.

– Никого не подпускайте к берегу, – велел он.

Лайла Бард, поморщившись, села рядом с ним, обхватила за пояс, принц пришпорил коня, и они исчезли в лабиринте лондонских улиц. Оглушенный Ленос еще долго смотрел им вслед.

VI

Нужно разделиться.

Келлу, разумеется, этого не хотелось, но город был слишком велик, а туман растекался очень быстро.

Он взял коня, потому что она отказалась – в городе и так хватает опасностей.

– Лайла, – произнес он, и ей показалось, что сейчас он ее отругает, отправит обратно во дворец. Но он лишь взял ее за руку и сказал: – Будь осторожна. – Склонил голову, так что они соприкоснулись лбами, и тихо, еле слышно добавил: – Пожалуйста.

Всего за несколько часов она увидела его с самых разных сторон: измученный мальчик; убитый горем брат; решительный принц. А сейчас он снова был другим, и в то же время сочетал

в себе всё, что она видела. Когда он ее поцеловал, она ощутила вкус боли, страха и отчаянной надежды. Потом он ушел – светлое пятно мелькнуло в ночи, как огонек.

Лайла побрела к ближайшему скоплению народа.

Ночь выдалась холодная. Будь всё как обычно, никто бы носа не высунул на улицу. Но сегодня закончился турнир, а значит, наступила последняя праздничная ночь, и весь город собрался в тавернах, чтобы достойно проводить Эссен Таш. Толпы выплескивались на улицы. Одних притягивал хаос на берегу реки, другие, ничего не подозревая, пили, пели и валились с ног.

Никто и не заметил, что в сердце города погас красноватый свет. Не замечали они и черного тумана, пока он не окутал их. Лайла вытащила нож и провела по руке. Она мчалась среди людей, не чувствуя боли. Взмахнула рукой, разбрызгивая кровь, и красные капельки полетели, будто иглы, оседая на лицах. Гуляки насторожились, недоумевая, откуда пришла угроза, но Лайла не останавливалась.

– Расходитесь по домам! – кричала она. – Заприте двери!

Но ядовитой ночи не было дела до замков на дверях, ставней на окнах. Лайла мчалась по улицам, колотя кулаками по стенам домов. Вдалеке раздался крик – кто-то пытался сопротивляться, но силы были неравны. Потом зазвучал смех – еще одна жертва уступила врагу.

Голова шла кругом. Лайла лихорадочно соображала.

Ее арнезийский и раньше был не очень хорош, а с каждой каплей вытекавшей крови делался всё хуже, и ее речь, сначала звучавшая как «В городе монстр, он идет в тумане, я вам помогу», постепенно свелась к «Стойте!...»

Встречные тарасились на нее, раскрыв рты, и она не понимала, что их так удивляет: то ли кровь, то ли разбитый глаз, то ли пот, струившийся по лицу. Ее это не волновало. Она шла и шла. Дело было безнадежное, задача невыполнимая. Тени двигались вдвое быстрее ее. Она бы и рада была сдаться, уйти, сберечь последние остатки сил – ведь только глупцы сражаются, когда знают, что им не победить. Но где-то там был Келл, он не оставлял попыток, и, пока он ведет борьбу, она тоже не отступит. И она через силу шагала вперед.

Лайла свернула за угол и увидела женщину в светлом платье. Та лежала на холодных камнях, скорчившись и сжимая руками голову – видимо, боролась с чудовищной силой, раздиравшей ее изнутри. Лайла подбежала, протянув руки, и вдруг женщина затихла, прекратила борьбу, лениво потянулась, будто не замечая жгучего холода, и улыбнулась.

– Я слышу его голос, – в экстазе сообщила она. – Я вижу его красоту.

Женщина обернулась к Лайле. В ее глазах, как облака над полем, клубились тени.

– Хочешь, покажу?

И в тот же миг вскочила, бросилась на девушку, вцепилась руками в горло, и Лайлу охватил палящий жар и жгучий холод – это черная магия Осарона старалась проникнуть в нее.

Старалась – и не смогла.

Женщина отпрянула, будто обжегшись, и Лайла что есть силы ударила ее по лицу.

Женщина без чувств рухнула наземь. Хороший признак. Если бы она действительно была одержима, ее не остановил бы даже клинок, а не то что кулак.

Лайла выпрямилась. Вокруг бурлила магия. Ей казалось, что у тьмы есть глаза и они на нее смотрят.

Внимательно смотрят.

– Ну, выходи, выходи, – заговорила она, поигрывая ножом. Тени заколебались. – В чем дело, Осарон? Робеешь? Без тела – словно голышом? – Она медленно повернулась. – Это я убила Ожку. Я освободила Келла. – Она с напускным спокойствием вертела клинок между пальцами. Тьма вокруг затрепетала, сгустилась в колонну, у нее появились руки, ноги, лицо, глаза – черные, как ночной лед...

Вдруг рядом заржала лошадь. Взметнулся крик – не придушенный вопль несчастных жертв, а гортанный возглас. Голос, так хорошо знакомый.

Лайла кинулась навстречу, прямо сквозь тени, и они рассыпались на ее пути.

Келл.

Сначала она увидела его коня. Он без седока мчался ей навстречу, на боку темнела ссадина.

Лайла выругалась. Что делать – преградить дорогу или отойти прочь, пока цела? Она отскочила, пропустив коня вперед, и помчалась в ту сторону, откуда он прискакал. Ее вел запах магии – розы, теплая земля, свежая листва. Она нашла Келла на земле. Его окружали... нет, не туманные тени Осарона, а три человека с оружием. Нож. Железный лом. Доска.

Келл с трудом поднялся, смертельно бледный, держась за плечо. В нем, кажется, не осталось ни капли крови. Он едва стоял на ногах – куда уж тут драться против троих. Лайла подошла ближе и разглядела нападавших – первым был Тав, ее товарищ по команде «Ночного шпиля». Другой был тот самый актер, который играл роль Камерона в ночь знамен накануне турнира. А третий был одет в плащ и доспехи королевской стражи. В руке он держал короткий меч.

– Послушайте, – говорил им Келл. – Вы сильнее этого. Вы можете сопротивляться.

На их лицах сменяли друг друга радость, удивление, смятение. Они заговорили – своими обычными голосами, без двухголосых отзвуков, какими разговаривал на крыше Осарон, и все-таки в их тоне слышалась певучая мелодичность, от которой Лайлу пробрала дрожь.

– Король зовет тебя.

– Король получит тебя.

– Пойдем с нами.

– Преклони колени.

– Моли о пощаде.

Келл стиснул зубы.

– Скажите своему королю, он не получит этот город. Скажите ему... – Человек с обломком доски нанес удар, целясь Келлу в живот. В дерево ударил яркий луч, доска в его руках вспыхнула и сгорела дотла. Круг распался, Тав замахнулся железным ломом, и Лайла рухнула на колени, прижав ладони к холодной земле. Вспомнила слова, какие говорил Келл. Собрала остатки сил.

– *Ас исера*, – сказала она. «Замерзни».

Из-под ладоней брызнул лед. Он мгновенно сковал землю и тела всех троих нападавших.

Лайла не умела управлять стихией так же ловко, как Келл, не могла сказать льду, куда идти, но антари сам вовремя заметил опасность и отскочил с пути заклятия. Коснувшись его сапог, ледяной край растаял, оставив его целым и невредимым. А остальные стояли, скованные льдом, и в их глазах до сих пор кружились тени.

Лайла выпрямилась, и земля под ногами качнулась. Чары отняли у нее последние силы.

Где-то опять послышался крик, и Келл шагнул туда, но колени подкосились, и он ухватился за стену.

– Хватит, – сказала ему Лайла. – Ты еле стоишь на ногах.

– Тогда ты сможешь меня вылечить.

– Чем? – Она обвела рукой свою избитую, израненную фигуру. – Мы не можем больше продолжать. Мы истечем кровью и не освободим даже малую часть города. – Она хрипло, вымученно рассмеялась. – Ты же знаешь, я люблю безнадежные дела, но это даже для меня чересчур.

Они проиграли, неужели он этого не видит... Хотя видит, конечно.

По его глазам, по стиснутым зубам было ясно, что он тоже это понимает. Понимает – и все равно не сдастся. Не отступает.

– Келл, – тихо молвила она.

– Это мой город, – с дрожью ответил он. – Мой дом. Если я не могу его защитить...

Пальцы Лайлы потянулась к булыжнику из мостовой. Еще немного – и он погибнет, лишившись сил. Но она ему не даст. Если он не станет слушать...

Раздался стук копыт, и из-за поворота выскочили четыре конных стражника.

– Мастер Келл! – крикнул передний.

Лайла узнала его – это был один из стражников, приставленных к Келлу, тот, что постарше. Он бросил взгляд на Лайлу и, не зная, как к ней обращаться, предпочел вообще ее не замечать.

– Жрецы сооружают защиту вокруг дворца. Вы должны немедленно вернуться. Это приказ короля.

Келл, казалось, был готов обругать короля последними словами. Но вместо этого лишь покачал головой:

– Не могу. Мы защищаем жителей везде, где только можем, однако еще не нашли способ остановить наступление теней или оградить город...

– Поздно, – перебил его стражник.

– Как это? – нахмурился Келл.

– Сэр, – послышался другой голос, и человек, стоявший сзади, снял шлем. Лайла узнала его. Гафра. Младший из стражников Келла. Он заговорил, и голос был мягким, но лицо – суровым. – Все кончено, сэр, – сказал он. – Город пал.

VII

Город пал.

Слова Гафры преследовали Келла, пока он шел по улицам, поднимался по дворцовой лестнице, спешил через залы.

Этого не может быть.

Не может.

Ну как город может пасть, если столько народу еще борются?

Келл ворвался в Большой зал.

Зал, где проводились балы, сверкал и переливался роскошным убранством, но настроение в нем царило совсем иное. Волшебники и дворяне, еще недавно гулявшие на крыше, сгруппировались в середине. Королева и ее свита носили чаши с водой и кули с песком жрецам, рисовавшим на полу усилительные руны, а на стенах – охранные знаки. Лорд Сол-ин-Ар стоял спиной к колонне, и на его мрачном лице нельзя было ничего прочесть. А принц Коль и принцесса Кора сидели на ступеньках, совершенно подавленные.

Он нашел короля Максима у платформы, где каждый вечер играли музыканты в золотых костюмах. Король совещался с мастером Тиреном и начальником охраны.

Келл подбежал к ним, грохоча сапогами по мраморному полу, и с ходу выпалил:

– Что значит – город пал? – С окровавленными руками, в плаще на голую грудь он казался совершенным безумцем. Но ему было все равно. – Почему вы вернули меня? – Тирен преградил было ему дорогу, но Келл оттолкнул жреца. – У вас есть план?

– Мой план, – спокойно сказал король, – спасти тебя от верной гибели.

– Но это помогало! – зарычал Келл.

– Что помогало? – переспросил король. – Вскрыть себе вены над Лондоном?

– Если моя кровь может защитить людей...

– Сколько ты защитил, Келл? – нахмурился король. – Десять? Двадцать? Сотню? А в городе десятки тысяч жителей.

Келлу показалось, что он снова в Белом Лондоне, и на шее смыкается стальной обруч. Беспомощность. Отчаяние.

– Это хоть что-то...

– Этого недостаточно.

– У вас есть идеи получше?

– Пока нет.

– Тогда, санкт, отпустите меня и не мешайте!

Максим взял его за плечи.

– Послушай меня, – вполголоса сказал король. – В чем сила Осарона? Какие у него слабости? Что он делает с нашими людьми? Можно ли это повернуть вспять? Вот сколько вопросов ты не смог задать, потому что строил из себя храбреца. Носишься по улицам, рубишь вслепую и попусту тратишь свою драгоценную кровь. У тебя нет никакого плана. Никакой стратегии. Ты не нашел трещину во вражеской броне. Не продумал атаку. Ты не можешь даже толком нанести удар, потому что не знаешь, куда его нацелить. Чтобы одолеть врага, надо его хорошенько узнать.

У Келла стиснуло грудь.

– Я защищал ваш народ!

– И на каждого, кого ты защитил, еще десяток был захвачен тьмой. – В голосе Максима не было осуждения, лишь мрачная решимость. – Город пал, Келл. Без твоей помощи он не поднимется, но это не значит, что ты будешь спасать его в одиночку. Король крепче сжал ему плечи. – Я не принесу в жертву своих сыновей.

«Сыновей».

Эти слова потрясли Келла. Его гнев понемногу угасал. Максим разжал руки.

– Рай очнулся? – спросил Келл.

– Нет еще, – покачал головой король и посмотрел куда-то в сторону. – Сейчас речь о тебе.

Келл обернулся и увидел Лайлу. Упавшие волосы закрывали расколотый глаз. Она стояла, вычищая из-под ногтей засохшую кровь.

– Кто ты такая? – спросил король.

Лайла нахмурилась, хотела было ответить, но Келл опередил ее:

– Это мисс Дилайла Бард.

– Друг королевской семьи, – вставил Тирен.

– Я уже спасала ваш город, – ответила Лайла. – Дважды. – Она вздернула голову, откинув темную челку и открыв звездные искры разбитого глаза. Максим, к его чести, не вздрогнул, лишь посмотрел на Тирена.

– Это и есть та девушка, о которой ты мне говорил?

Верховный жрец кивнул, и Келлу осталось лишь гадать, что рассказывал королю авен эссен и давно ли он знает о ее способностях. Король присмотрелся к Лайле, перевел взгляд от разбитого глаза к окровавленным пальцам, потом принял решение. Максим слегка поднял голову и приказал:

– Пометьте своей кровью всех, кто здесь присутствует.

Это была не просьба, а приказ короля своей подданной.

Лайла открыла было рот, и на миг Келл испугался, что она скажет какую-нибудь дерзость, но Тирен положил ей руку на плечо, успокаивая, и она впервые в жизни послушалась.

Максим отступил на шаг и чуть-чуть повысил голос, чтобы его слышали все собравшиеся. И они слушали его, понял Келл. Несколько человек повернули головы и внимательно ловили слова, которые король говорил своему антари.

– Холланд находится в тюремной камере. – Всего несколько часов назад там же, под замком, сидел Келл. – Поговори с ним. Выясни все, что он знает, о силе, с которой мы столкнулись. – Максим помрачнел. – Любыми средствами.

Келла передернуло.
Холод стальных оков.
Ошейник, сжимающий горло.
Руки, ободранные о металлическую раму.
– Будет сделано, ваше величество, – ответил Келл, стараясь не сорваться.

* * *

Келл, грохоча сапогами, спускался по тюремной лестнице. Каждый шаг уносил его все дальше от теплого и светлого сердца дворца.

В детстве Рай любил прятаться в тюремных камерах. Высеченные в одной из массивных каменных лап, поддерживавших дворец над рекой, они находились прямо под залом стражи. Камеры редко бывали заполнены. По словам Тирена, когда-то они использовались гораздо чаще. Это было в те времена, когда Арнс и Фаро вели войну. Но сейчас камеры обычно пустовали. Иногда – довольно редко – их использовали для непонятных нужд дворцовые стражники. Но если Рай вдруг с озорным смехом убегал от брата прочь, бросив через плечо «Найди меня», Келл первым делом спускался в камеры.

Там всегда было холодно, в воздухе стоял тяжелый запах сырых камней. Он звал Рая, и эхо повторяло: «Выходи, выходи, выходи». Куда бы Рай ни спрятался, Келл неизменно находил его, и обычно прятки заканчивались тем, что мальчишки забивались в одну из камер, грызли краденые яблоки и играли в санкт.

Рай говорил, что ему нравится спускаться сюда, но Келл подозревал, что гораздо больше ему нравится подниматься обратно: наигравшись, легким движением стряхнуть с себя всю тяжесть тюремной атмосферы, сменить темное подбрюшье дворца на мягкий халат и пряный чай, еще раз вспомнить, как ему повезло родиться принцем.

Келлу в камерах никогда не нравилось.

А теперь он их и вовсе возненавидел.

С каждым шагом в нем нарастало отвращение. Было неприятно вспоминать, как он сам сидел здесь, и не хотелось видеть человека, запертого сейчас на его месте.

Светильники заливали коридор бледным светом. Коснувшись металла, он сверкал, а на камнях рассыпался тусклым веером.

Возле самой большой камеры – той самой, где всего несколько часов назад был заперт Келл – стояли четверо стражников в полных доспехах. Держа оружие наготове, они не сводили глаз с серой фигуры за решеткой. В их взглядах читались ярость и ненависть. Келл понимал, что многим хотелось бы так же смотреть на него. Только страх и гнев, и ни капли уважения.

Белый антари сидел на каменной скамье в глубине камеры, прикованный руками и ногами к стене. Глаза скрывала плотная черная повязка, но по легким движениям рук, по наклону головы Келл догадался, что Холланд не спит.

Путь от крыши до камеры был недолгим, но стражники явно не церемонились. Пленника раздели до пояса, ища оружие. На скуле, на груди и поперек живота темнели свежие синяки, светлая кожа выдавала все следы ударов, хотя стражники все же дали себе труд смыть кровь. Несколько пальцев были, похоже, сломаны, легкий хруст в груди говорил о переломах ребер.

Стоя перед Холландом, Келл дивился переменам, произошедшим в нем. Широкие плечи, подтянутые мускулы, равнодушно сжатые губы – все было на месте. Но то, что появилось позднее – румянец на щеках, молодая свежесть – исчезло. Осарон, уходя, забрал их с собой. Там, где не было синяков, кожа антари казалась пепельной, а волосы растеряли свой глянцево-черный блеск, который появился ненадолго, когда Холланд был королем, но не вернулись и к тускло-антрацитовому оттенку, привычному для Келла. Теперь их там и тут пронизывала седина.

Холланд будто застрял между двумя своими обликами. Жутковатое зрелище.

Он привалился плечами к холодной стене, но, если ему и было зябко, вида он не подавал. Келл почувствовал остатки подавляющего заклинания, которое когда-то наложил Атос Дан. Эту печать разрушил сам Келл, когда вогнал штырь в грудь антари. А потом он заметил паутину шрамов, испещрявших тело Холланда. В них был некий порядок, как будто тот, кто их вырезал, трудился намеренно. Методично. Келл по себе знал, как легко выздоравливают антари. Чтобы оставить такие шрамы, раны должны быть очень глубокими.

В конце концов молчание нарушил Холланд. Через повязку он не видел Келла, но, должно быть, почувствовал, что это он, так как в голосе антари прозвучало презрение.

– Пришел отомстить?

Келл медленно вздохнул, собираясь с мыслями.

– Уйдите, – велел он стражникам.

Они застыли в неуверенности, переводя взгляд с одного антари на другого. Один без колебаний шагнул назад, двое занервничали, третьему явно не хотелось упускать разговор.

– Это приказ короля, – добавил Келл, и стражники наконец удалились, а с ними и лязг оружия и топот сапог.

– Они знают? – спросил Холланд, разминая изуродованные пальцы. В его голове уже не слышалось отзвуков Осарона, лишь знакомый мрачноватый тон. – Что ты их бросил? Что пришел ко мне в замок по собственной воле?

Келл шевельнул рукой, и цепи натянулись, плотнее прижав Холланда к стене. Но это ни к чему не привело – голос белого антари оставался холодным и бесстрастным.

– Догадываюсь, что нет.

Даже сквозь повязку Келл чувствовал на себе взгляд Холланда. Чернота его левого глаза схлестнулась с чернотой правого глаза Келла.

Он изо всех сил постарался говорить с королевским достоинством.

– Ты расскажешь мне все, что знаешь об Осароне.

Насмешливо сверкнули зубы.

– И тогда ты меня отпустишь?

– Что он такое?

Долгая пауза. Келл подумал, что придется вырывать ответы силой. Но наконец Холланд ответил:

– Осхок.

Это слово было знакомо Келлу. На махтанском языке так называли демона, но вообще оно обозначало осколок воплощенной магии.

– Какие у него слабости?

– Не знаю.

– Как его остановить?

– Никак. – Холланд шевельнул цепями. – Теперь мы квиты?

– Квиты? – взъярился Келл. – Даже если бы я закрыл глаза на те зверства, которые ты творил в правление Данов, это не меняет того факта, что именно ты выпустил осхока на свободу. Ты злоумышлял против Красного Лондона. Обманом заманил меня в свой город. Связал меня, пытал, намеренно лишил магии, чуть не убив этим моего брата.

Холланд вздернул подбородок.

– Если хочешь знать...

– Не хочу, – отрезал Келл. Он шагал взад-вперед, разрываясь между усталостью и гневом. Тело болело, но нервы были натянуты до предела.

А Холланд был невыносимо спокоен. Будто и не сидел прикованный к стене. Можно подумать, они стояли посреди королевских палат, а не по разные стороны тюремной решетки.

– Чего ты хочешь, Келл? Чтобы я принес извинения?

Келл почувствовал, что гнев наконец-то улетучился.

– Чего я хочу? Хочу уничтожить демона, которого ты выпустил на свободу. Хочу защитить свою семью. Хочу спасти свою родину.

– Я тоже этого хотел. И сделал то, что было нужно...

– Нет, – перебил Келл. – Когда правили Даны, твою руку направляли они. А на этот раз ты сделал выбор сам. Ты по собственной воле дал Осарону свободу. Добровольно стал его вместилищем. Ты по своей воле дал ему...

– Жизнь состоит не из череды свободных выборов, – возразил Холланд. – Жизнь – это торг. Одни сделки удачные, другие не очень, но все в мире имеет свою цену.

– Ты предал свободу моего мира в обмен...

Холланд подался вперед, насколько позволяли цепи. Голос его не дрогнул, но все мускулы натянулись.

– Вспомни, что сделали твои сородичи, когда наступила тьма! Когда Осарон сгубил свой собственный мир и грозил утянуть в пучину все остальные. Вы предали наш мир в обмен на свой, заперли двери и оставили нас между молотом и наковальней. Как тебе это нравится?

Келл собрал всю свою волю, обхватил ей голову Холланда и с силой приложил его затылком о стену. Но лишь еле заметно стиснутые зубы и раздувшиеся ноздри Холланда выдали боль.

– Ненависть – мощная штука, – продолжал тот сквозь стиснутые зубы. – Держись за нее крепче.

В тот миг Келлу захотелось послушаться его совета. Надавить сильнее, услышать, как треснула кость, посмотреть, удастся ли ему сломать Холланда, как Холланд сломал его в Белом Лондоне.

Но Келл понимал – Холланда сломать нельзя.

Холланд уже сломан. Это проявлялось не в шрамах, а в том, как он говорил, как не дрогнув терпел боль, потому что был слишком хорошо знаком с ней. Он был опустошен еще задолго до Осарона, он не знал ни страха, ни надежды. Человек, которому нечего терять.

И все-таки на миг Келл сильнее сжал тиски – от гнева, от злости – и почувствовал, как застонали кости Холланда.

А потом нехотя ослабил хватку.

Глава 3

Умри или сражайся

I

В тот момент, когда открылась дверь, Алукарду снилось море.

Звук был негромкий, но такой нездешний. Он никак не сочетался с плеском океанских волн и криками летних чаек.

Алукард не сразу вырвался из сонной пелены. Все тело болело после турнирных травм, голова была как ватная. Потом он услышал шаги. Скрипнули деревянные половицы. Здесь кто-то есть. Чужой. В комнате Рая. А рядом лежит принц, все еще бесчувственный, безоружный. Алукард стремительно вскочил. Вода из стакана взмыла в воздух и легла в руку ледяным кинжалом.

– Покажись.

Он половчее перехватил клинок, изготовился к бою. А незванный гость медленно приближался. В комнате стоял полумрак, лишь за спиной пришельца горела лампа, превращая его в тень.

– Лежать, пес, – послышался хорошо знакомый голос.

Алукард тихо выругался и с колотящимся сердцем откинулся на кровать.

– А, это ты, Келл.

Келл подошел ближе. Свет выхватил из темноты мрачно сжатые губы, сощуренные глаза – один голубой, другой черный. Но Алукарду сразу бросился в глаза знак, отчетливо видный на обнаженной груди. Узор из концентрических кругов, точь-в-точь такой же, как над сердцем у принца Рая, пронизанный радужными нитями.

Взгляд Келла метнулся к постели, уловил измятые простыни.

– Вижу, ты серьезно отнесся к своей задаче.

– Совершенно.

– Я велел тебе оберегать его, а не обнимать.

Алукард развел руками:

– Одно другому не мешает. – Он хотел что-то добавить, но вдруг заметил бледность на лице Келла, кровь на руках. – Что случилось?

Келл окинул себя взглядом, как будто забыл, как выглядит.

– В городе враг, – с отчаянием сообщил он.

Алукард вспомнил столп черной магии, выросший за окном и расколовший небо. Он кинулся к балкону – и замер. Привычное алое сияние реки угасло. Оно уже не озаряло облака теплыми отблесками. Алукард потянулся к двери, но Келл перехватил его руку. Пальцы стиснули запястье, как наручник.

– Не вздумай, – приказал он непререкаемым тоном. – Дворец охраняют, чтобы оно не прорвалось внутрь.

Алукард высвободился, потирая руку – Хватка Келла оставила на ней след.

– Что – оно?

Антари отвел глаза.

– Не знаю... То ли мор, то ли яд, то ли чары. – Он поднял руку, будто хотел протереть глаза, потом, заметив кровь, уронил. – Что-то страшное. В общем, держись подальше от дверей и окон.

Алукард потрясенно смотрел на него.

– Город под ударом, а мы забаррикадируемся во дворце и будем спокойно смотреть? Там люди...

Келл стиснул зубы.

– Мы не можем спасти всех, – нехотя произнес он. – Надо составить план, а пока его нет...

– Там моя команда. Там моя семья. И если ты думаешь, что я буду сидеть сложа руки и смотреть...

– Нет, – перебил Келл. – Я думаю, что ты принесешь пользу. И желательно где-нибудь в другом месте. – Он указал на дверь.

Алукард оглянулся на постель.

– Я не могу оставить Рая.

– Однажды ты уже сделал это, – напомнил Келл.

Удар был грязный и ожидаемый, но Алукард все же поморщился.

– Я сказал королеве, что...

– Эмери, – перебил Келл, закрыв глаза, и только тут до Алукарда дошло, что антари едва стоит на ногах. Его лицо было пепельно-серым, и, казалось, его поддерживает только сила воли, да и та начинает сдавать. – Ты один из лучших волшебников в городе, – сказал он, и было видно, что признание далось ему нелегко. – Докажи это. Иди, помоги жрецам. Помоги королю. Всем, кому нужна помощь. Моему брату ты сегодня уже вряд ли чем-нибудь поможешь.

– Ну, хорошо, – кивнул Алукард и, еле переставляя ноги, вышел из комнаты. Он оглянулся всего один раз и увидел, как Келл тяжело опустился, даже, точнее, упал в кресло возле кровати принца.

* * *

В коридоре было непривычно пусто. Алукард дошел до лестницы и только там впервые встретил слуг. Они промчались мимо с ворохами ткани, ведрами песка, чанами с водой. Не для перевязки ран, а чтобы накладывать чары.

Из-за угла вышел стражник, держа под мышкой шлем. На лбу темнела струйка крови, но раненым он не выглядел, и не похоже, что он просто вытер рукой лоб и испачкался, – уж больно тщательно была нанесена полоска.

Сквозь распахнутые двери Алукард увидел короля в окружении стражи. Они склонились над большой картой города. Гонцы приносили вести о новых атаках, и с каждым сообщением король клал на пергамент еще одну черную монетку.

Алукард шел по залам, спускался по лестницам и не мог отделаться от чувства, что, проснувшись, угодил прямоком в кошмар.

Всего несколько часов назад во дворце кипела жизнь. А теперь все движения были резкими, нервными. Лица скрыты за масками ужаса.

Ноги сами принесли его в Большой зал, самый величественный во дворце. Алукард Эмери редко чувствовал себя беспомощным, но сейчас застыл как вкопанный. Всего пару ночей назад здесь играла музыка, люди кружились в танце. Пару ночей назад здесь стоял Рай в красно-золотом наряде и одаривал гостей своим блеском. Пару ночей назад здесь раздавались песни и смех, звенели бокалы, шелестели голоса. А сейчас остра и вестра жались по углам, а у окон стояли жрецы в белых мантиях, прижимали ладони к стеклу, окутывая дворец коконом чар, сооружая барьер против отравленной ночи. Он видел их магию, бледную и трепетную: она сплеталась в сети, закрывая окна и стены. Какой же хрупкой казалась она против мрачных теней, которые стучались в стекла, стремились внутрь.

Стоя в дверях бального зала, Алукард улавливал обрывки информации, невнятные, спутанные, и не мог отделить истину от болтовни, правду от страхов.

На город напали.

В Лондон пришло чудовище.
Туман отравляет людей.
Проникает к ним в разум.
Сводит с ума.

Словно повторяется Черная ночь, говорили они, только хуже. В тот раз чума унесла человек двадцать или тридцать и ушла сама собой. А сейчас она будто разносится по воздуху. Заражены уже сотни, а может, и тысячи. И зло распространяется.

Турнирные маги сбились в кучки, одни что-то говорили, тихо и настойчиво, другие просто смотрели через сводчатые окна, как черные щупальца тумана окутывают дворец, расплзаются по городу.

Фароанцы плотным кольцом сгрудились вокруг лорда Сол-ин-Ара, и генерал что-то говорил им на своем змеином языке. А вескийцы стояли в угрюмом молчании, их принц глядел в ночную тьму. А принцесса шарила взглядом по залу.

Королева заметила Алукарда, нахмурилась, вырвалась из тесной кучки окруживших ее вестра.

– Мой сын пришел в себя? – вполголоса спросила она.

– Нет еще, ваше величество, – ответил он. – Но с ним сейчас Келл.

Наступило долгое молчание, потом королева кивнула. Ее мысли были уже далеко.

– Это правда? – спросил он. – Что Рай... – Он не хотел облекать в форму эти слова; произнесешь – и они обретут жизнь и вес. Он по кусочкам собирал мозаику, распавшуюся с гибелью Рая, видел точно такое же клеймо на груди Келла.

«Тебя кто-то ранил», – сказал он в тот вечер, заметив печать над сердцем Рая. Но нет – с ним поступили гораздо хуже.

– Теперь он поправится, – сказала королева. – Это главное.

Ему хотелось что-нибудь добавить, сказать, что он тоже волнуется за принца (интересно, знает ли она – а если знает, то как много – о лете, которое он провел с Раем, о том, как сильно принц ему дорог). Но Эмира уже отвернулась, чтобы уйти, и он остался с горечью несказанных слов на языке.

– Так, кто следующий? – послышался знакомый голос. Алукард обернулся и увидел свою воровку в окружении дворцовой стражи. Он встрепнулся, но потом понял, что ей ничто не угрожает.

Стражники стояли перед ней на коленях, и Лайла Бард – подумать только! – дотрагивалась каждому до лба, как будто даруя благословение. Со склоненной головой она выглядела как святая.

Если только святые одеваются в черное и носят ножи.

Если только святые благословляют верующих кровью.

Стражники, получив красные полосы на лбу, удалились, и Алукард подошел к ней.

Вблизи стало заметно, насколько Бард бледна. Под глазами, как синяки, лежали тени. Она обмотала порезы на руке полотняным бинтом.

– Оставь хоть немного крови в жилах, пожалуйста, – сказал он и помог ей затянуть бинт.

Она подняла глаза, и он заметил неестественный блеск. Стеклопанная поверхность правого глаза, когда-то ровная и карая, почти как живая, покрылась паутиной трещин.

– Твой глаз... – еле вымолвил он.

– Знаю.

– Похоже...

– Что, страшно?

– Что тебе очень больно. – Его пальцы потянулись к капельке засохшей крови, застывшей, как слезинка, во внешнем уголке разбитого глаза. Крохотная царапинка от удара ножа. – Ночь выдалась долгая?

Она сдавленно улыбнулась:

– А будет еще дольше.

Алукард перевел взгляд с меток на стражниках к ее окровавленным пальцам.

– Чары?

– Благословение, – ответила Бард. Он изогнул бровь. – Разве ты не слышал? Я, оказывается, авен.

– Я всегда знал, что в тебе что-то кроется, – усмехнулся он. Вдруг по соседнему окну зазмеилась трещина, и двое жрецов кинулись к новичку, работавшему над заклятием. Алукард понизил голос: – Ты уже была снаружи?

– Да, – сказала она, и ее черты заострились. – Это... это очень... плохо. – Ее голос неуверенно задрожал. Бард всегда была не из болтливых, но он не мог припомнить, чтобы она когда-нибудь лишалась слов. Она немного помолчала, искоса поглядывая на пестрое собрание в зале, и снова тихо заговорила: – Стражники не выпускают людей из домов, но туман – что бы в нем ни таилось – ядовит. Одни, вдохнув его, гибнут в считанные мгновения. Но не рассыпаются в прах, как было в Черную ночь, – добавила она, – так что тут дело не в одержимости. Но они после этого не такие, как были. А тем, кто сопротивляется, бывает еще хуже. Жрецы пытаются узнать как можно больше, но пока что... – Она вздохнула, взъерошив челку над разбитым глазом. – Я видела в толпе Леноса, – добавила она. – Он, кажется, живой. Но Тав... – Она покачала головой.

Алукард нахмурился.

– Это уже дошло до северного берега? – спросил он, сразу подумав о поместье Эмери. О сестренке. Бард не ответила, и он шагнул к двери. – Я должен...

– Нельзя, – сказала она, и он ожидал упреков – ты, мол, все равно ничего не сможешь сделать – но Бард, его Бард, всегда оставалась самой собой. – У дверей стоит стража, – пояснила она. – У них строгий приказ никого не впускать и не выпускать.

– Тебя же это никогда не останавливало.

– Верно. – Она еле заметно улыбнулась. – Зато тебя могу остановить я.

– Попробуй.

Видимо, она заметила в его глазах сталь – ее улыбка быстро погасла.

– Подойди сюда.

Она ухватила его за воротник и привлекла к себе. На один головокружительный миг ему подумалось, что она хочет его поцеловать. В памяти вспыхнула другая ночь – спор, прерванный поцелуем, сплетение тел как последний довод – но сейчас она просто прижала ему палец ко лбу и нарисовала короткую черточку.

Он протянул руку к ее лицу, но она отстранилась.

– Это тебя защитит, – сказала она, – от всего, что там прячется. – И кивком указала на окно.

– Я думал, для этого есть дворец, – мрачно пошутил он.

– Может быть, – вздернула голову Лайла. – Но только если будешь сидеть внутри.

Алукард шагнул к двери.

– Да хранит тебя бог, – сухо сказала Бард.

– Что? – растерянно переспросил он.

– Ничего, – пробормотала она. – Просто постарайся остаться в живых.

II

Эмира Мареш стояла в дверях и смотрела, как спят ее сыновья.

Келл тяжело осел в кресле возле кровати Рая, положив голову на сложенные руки. Рядом валялся сброшенный плащ, голые плечи укутаны одеялом.

А принц вытянулся на кровати, положив одну руку на грудь. На его щеки вернулся румянец, ресницы трепетали – так всегда бывало, когда ему снился сон.

Как же мирно они спят!

Когда они были детьми, Эмира, дождавшись, когда они лягут спать, ходила, как привидение, из комнаты в комнату, поправляла простыни, гладила по головам, смотрела на спящих. Рай не позволял укутывать его одеялом – считал это ниже королевского достоинства. А Келл, если просыпался, смотрел на нее своими огромными глазами, в которых ничего нельзя было прочесть. Он настаивал, что и сам способен укрыться, и всегда так и делал.

А сейчас Келл пошевелился во сне, и одеяло соскользнуло с его плеч. Она машинально поправила его, но, едва пальцы коснулись его плеча, он подскочил, словно от удара, и уставился на нее мутными глазами, полными страха. Вокруг него уже трепетала магия, дрожала в воздухе, как жар.

– Это я, – тихо произнесла она. Но, узнав ее, он не расслабился. Руки опустились, но плечи так и остались заостренными, а во взгляде сквозила каменная тяжесть. Эмира попятилась. Ну почему, когда он просыпается, смотреть на него гораздо труднее?

– Ваше величество, – произнес он с почтением, но холодно.

– Келл, – начала она, тщетно отыскивая в душе теплоту. Надо продолжать, за именем должен последовать вопрос: куда ты ходил? Что случилось с тобой? С моим сыном? Но он уже был на ногах, уже накидывал плащ.

– Я не хотела тебя будить, – сказала она.

Келл протер глаза.

– А я не собирался спать.

Она хотела бы остановить его, но не могла.

– Простите, – бросил он от дверей. – Это я во всем виноват.

Нет, хотелось ответить ей. И все-таки да. Ибо каждый раз, глядя на Келла, она видела Рая, слышала, как он взывает к брату, видела, как он харкает кровью из-за чужих ран, видела его при смерти, видела, как он из принца стал просто мертвым телом, покойником. Но он вернулся, и она знала: это сделал Келл своими чарами.

Она видела, какой дар Келл преподнес принцу, видела, кем он стал бы без этого, и такая связь ее пугала. Но в эту минуту ее сын лежал на кровати, живой, и ей хотелось броситься Келлу на шею, целовать его, повторять: «Спасибо, спасибо, спасибо».

Она ничего ему не простила.

И была ему обязана всем.

Но не успела ему этого сказать: он ушел.

Когда захлопнулась дверь, Эмира рухнула в опустевшее кресло Келла. На губах застыли невысказанные слова. Она проглотила их, поморщившись: казалось, они царапнули горло.

Она склонилась и осторожно накрыла руку Рая своей.

Его рука была гладкой и теплой, пульс бился сильно. По ее щекам потекли слезы. Они замерзли на лету и ледяными бусинками падали на колени, а там, растаяв, впитывались в ткань ее платья.

– Все хорошо, – наконец произнесла она, сама не зная, чьи это слова: Келла, или Рая, или ее собственные.

Эмира никогда не хотела быть матерью.

И уж точно никогда не собиралась становиться королевой.

До свадьбы с Максимом Эмира была второй дочерью Волла Насаро, из благородного семейства, стоявшего в четвертой линии от трона – после Марешей, Эмери и Лорени.

В детстве она была из тех девочек, у кого все в руках бьется и ломается.

Яйца и стеклянные кувшины, фарфоровые чашки и зеркала.

– Ты даже камень смогла бы разбить, – поддразнивал ее отец, и она не понимала, в чем дело: то ли она просто неуклюжая, то ли на ней лежит заклятие. Знала только, что у нее все валится из рук. И она сочла за жестокую шутку судьбы то, что ее стихией оказалась не сталь и не ветер, а вода – лед. Так легко создать. Так легко разбить.

Ее страшила сама мысль о детях – они такие маленькие, такие хрупкие, так легко ломаются. Но потом появился принц Максим, надежный и сильный, со стальной решимостью, с его скрытой добротой, подобной бегущей воде под спудом снега. Она понимала, чего люди ждут от королевы, что от нее требуется, хотя все равно в глубине души надеялась, что этого никогда не случится.

Но случилось-таки.

Все девять месяцев она словно держала в руках свечку на ветру, ладонями прикрывая пламя.

Все девять месяцев она ходила затаив дыхание, с одной только мыслью: если кто-нибудь придет за ее сыночком, то должен будет сначала пробиться сквозь нее. Все девять месяцев она молилась истокам магии, безымянным святым и бесчисленным предкам Насаро, прося только об одном: снять с нее заклятие, отвести его руку.

Потом родился Рай, и он был совершенством. И она поняла, что остаток жизни проведет в страхе.

Всякий раз, когда принц спотыкался и падал, она еле сдерживала слезы. Рай со смехом вскакивал, не обращая внимания на синяки, и бежал дальше, навстречу новой катастрофе, а Эмира оставалась стоять, простирая к нему руки, как будто хотела поймать.

– Успокойся, – говаривал Максим. – Мальчики так легко не ломаются. Наш сын будет сильным, как закаленная сталь, и крепким, как толстый лед.

Но Максим ошибался.

Сталь может заржаветь, а лед прочен лишь до тех пор, пока по нему не пробежит трещина. По ночам она лежала без сна, ожидая, когда же придет беда.

Но вместо беды пришел Келл.

Келл, в крови которого кипела магия.

Келл, несокрушимый и неуязвимый.

Келл – он сможет защитить ее сына.

– Сначала я хотела воспитать вас как братьев.

Эмира и сама не заметила, когда начала размышлять вслух, лишь услышала отзвуки своего голоса в покоях принца.

– Вы были почти ровесниками, и я решила, что это хорошая идея. Максим всегда хотел еще детей, а я... я не могла себя заставить. – Она подалась вперед. – Понимаешь, я боялась, что вы не поладите. Келл был такой тихий, а ты такой шумный. Вы были словно утро и полночь, но с самого начала сплелись, как лозы. И это было хорошо, пока все опасности сводились к скользким лестницам и разбитым коленкам. Но когда пришли Тени и похитили тебя, Келла не оказалось рядом, потому что вы затеяли какую-то из своих игр. И тогда я поняла, что тебе нужен не брат. Тебе нужен ангел-хранитель. Тогда я постаралась видеть в Келле не сына, а твоего опекуна. Но было поздно. Вы стали неразлучны. Я думала, что с возрастом жизнь разведет вас в разные стороны – Келл займется магией, а ты – будущим королевством. Вы такие разные, и я надеялась, что со временем между вами ляжет пропасть. Но вы день ото дня становились только ближе...

Принц еле заметно шевельнулся, и она сразу вскочила, отвела с его щеки темные волосы, прошептала:

– Рай, Рай...

Его пальцы сжали простыню, сон стал неглубоким, беспокойным.

С его губ слетело слово, еле слышное, но она его узнала. Ее сын произнес имя Келла. И после этого наконец проснулся.

III

На мгновение Рай завис на полпути между сном и пробуждением, между непроницаемой чернотой и буйством красок. На языке вертелось некое слово, отголосок чего-то уже сказанного, но оно растаяло, как сахарная пыль.

Где он?

И где был?

Сначала во дворе, искал Келла, потом упал, провалился сквозь каменный пол куда-то в темную пустоту, ту самую, которая приходила за ним каждую ночь, стоило лишь закрыть глаза.

Здесь тоже было темно, но не так, как там. Здесь тьма стояла тонкая, слоистая, какая бывает в комнате по ночам. Красные подушки на кровати окрасились в различные оттенки серого, простыни сбились.

Сновидения прилипли к Раю, как паутина. Ему снилась боль, снились сильные руки, которые то поднимают его, то опускают, снился холодный ошейник и металлические рамы, кровь на белых камнях – а больше ничего он вспомнить не мог.

Тело дернулось в воспоминаниях о боли, и он, вскрикнув, рухнул обратно на подушки.

– Тише, – сказала мама. – Тише. – По ее щекам струились слезы. Он протянул руку и поймал одну слезинку, залюбовался кристалликом льда, быстро растаявшим в ладони.

Кажется, он никогда не видел, как она плачет.

– Что случилось?

С ее губ слетел сдавленный звук – нечто среднее между смехом и всхлипом, на грани истерики.

– Как – что случилось? – эхом переспросила она и пожала плечами. – Ты ушел. Тебя не было. Я сидела тут над твоим бездыханным телом.

При этих словах Рай вздрогнул. Его снова настигла темнота, попыталась утянуть его память обратно, туда, где нет света, нет надежды, нет жизни...

А мать все еще качала головой.

– Я думала... думала, он исцелил твою рану. Вернул тебя. Не понимала, что только он и удерживает тебя здесь. Что ты был... что ты по-настоящему... – Ее голос задрожал.

– Но теперь я здесь, – успокоил ее он, хотя чувствовал, что частичка его осталась в том, другом месте. Он высвобождался оттуда постепенно, миг за мигом, дюйм за дюймом. – А где Келл?

Королева насторожилась и подалась назад.

– В чем дело? – не отставал Рай. – С ним ничего не случилось?

Лицо королевы потемнело.

– Я видела, как ты умер из-за него.

Его волной захлестнула злость и обида, и он не понимал, его ли это эмоции или сюда примешиваются чувства Келла, но сила была впечатляющая.

– Я жив только благодаря ему, – рявкнул он. – Как ты можешь после этого его ненавидеть? Эмира отпрянула, как от удара.

– Я не питаю к нему ненависти, хотя и желала бы. Когда речь идет друг о друге, вы слышать ничего не желаете, и это меня пугает. Я не знаю, как уберечь тебя.

– Не надо меня беречь, – ответил Рай и встал на ноги. – Этим занимается Келл. Он отдал свою жизнь – и не знаю, что еще – ради меня. Чтобы меня спасти. И не потому, что я принц. А потому, что я его брат. И я всю свою подаренную жизнь до последнего дня буду благодарить его за это.

– Ему предназначалось быть твоим щитом, – прошептала Эмира. – Оберегать тебя. А не наоборот. От тебя этого никто не ждал.

Рай в сердцах покачал головой.

– Ты так и не смогла понять Келла. И не только его. Мы стали родными братьями задолго до этих чар. Ты хотела, чтобы он защищал меня любой ценой, даже ценой собственной жизни. Так вот, мама, твое желание сбылось. Ты просто не смогла понять, что такие узы всегда взаимны. Я тоже готов отдать жизнь ради него и буду всеми силами его защищать, и от Фаро, и от Веска, и от Белого и от Черного Лондонов, и даже от тебя.

Рай подошел к балконным дверям, раздвинул шторы, чтобы впустить в комнату красное сияние Айла. Но его встретила стена темноты. Принц онемел, гнев сменился ужасом.

– Что стряслось с рекой?

IV

Лайла смыла с ладоней кровь, удивляясь: неужели в ней еще осталась хоть капелька? Тело болело везде, где только можно. Странное дело, оно до сих пор находит, чем ее удивить. А внутри, под коркой боли, была пустота, знакомая по давним временам, голодным и холодным.

Она заглянула в чашу с водой. Отражение расплывалось.

Тирен перевязал ей лодыжку, куда попал нож Ожки; ребра – в том месте, где она ударилась о крышу; руку, из которой она снова и снова выжимала кровь. А уходя, осторожно взял ее за подбородок. Его взгляд был тяжел, но, как ни странно, приветлив.

– Ну как, цела? – спросил он, и она вспомнила о разбитом глазе.

– Более или менее.

Стены перед глазами качнулись, и Тирен не дал ей упасть.

– Тебе надо отдохнуть, – сказал он.

Она оттолкнула его руку.

– Сон – это для богатых и тех, кому делать нечего, – отрезала она. – А я не из таких. И я знаю предел своих возможностей.

– Ты его знала, пока не пришла сюда, – стал поучать он. – Пока не познакомилась с магией. Но у силы свои границы.

Она лишь отмахнулась, хотя, по правде сказать, невыносимо устала. Сверх всяких пределов. Эта усталость пронизывала кожу, и мышцы, и кости, запускала свои пальцы в разум, и от этого путались мысли. Было трудно дышать, трудно думать, трудно жить.

Тирен со вздохом шагнул к двери. Лайла достала из кармана осколок камня, бывший некогда щекой Астрид.

– Надеюсь, я ответила на ваш вопрос.

– Что касается вопросов, мисс Бард, – сказал он, не оборачиваясь, – то, я думаю, мы еще только начали.

В чашу упала еще одна капля крови, вода помутнела, и Лайле вспомнилось зеркало на черном рынке в Сейзенроше – оно хватало ее за пальцы, требовало крови, обещая взамен открыть будущее, которое может наступить. С одной стороны – обещание, с другой стороны – путь к цели. Как соблазнительно было бы перевернуть зеркало. Не потому, что ей хотелось достичь увиденного, просто знание придавало бы сил.

Струйки крови в воде завихрились, сплетаясь в почти узнаваемые формы, потом растворились в розоватой дымке.

Рядом кто-то кашлянул. Лайла подняла глаза.

Она чуть не забыла об этом мальчике. Гастра. Он привел ее сюда, налил чаю в серебряную чашку – та, остывшая, стояла на столе, – наполнил ванну и занял свой пост у дверей.

– Они что, боятся, что я украду что-нибудь или сбегу? – проворчала она, когда стало ясно, что он приставлен к ней. Юноша зарделся и через мгновение стыдливо ответил:

– По-моему, и то и другое.

Она едва не рассмеялась.

– Значит, я пленница? – спросила она. Гастра взглянул на нее своими огромными честными глазами и ответил по-английски с мягким арнезийским акцентом:

– Мы все пленники, мисс Бард. По крайней мере, на сегодняшнюю ночь.

И остался стоять. Переминался, глядя то на Лайлу, то в сторону, то на красноватую воду, то на ее разбитый глаз.

Она никогда не встречала мальчиков, у которых все мысли были бы так отчетливо написаны на лице.

– О чем ты хочешь меня спросить?

Гастра моргнул, прокашлялся и наконец набрался смелости:

– Это правда? То, что о вас говорят?

– А что обо мне говорят? – спросила она, промывая последний порез.

Мальчик потупился.

– Что вы – третий антари. – От этих слов ее пробрала дрожь. – Из другого Лондона.

– Понятия не имею, – отозвалась она, вытирая руку тряпицей.

– Я надеюсь, что вы такая же, как он, – не отставал мальчик.

– Почему?

Он зарделся.

– Я думаю, негоже мастеру Келлу быть одному. Единственному то есть.

– Насколько я знаю, – сказала Лайла. – у вас в тюрьме сидит еще один. Может, пора и из него выжимать кровь? – Она отжала тряпицу, и в чашу упали красные капли.

Гастра вспыхнул.

– Я только хотел сказать... – Он выпятил губы, подбирая слова, а может, хотел их произнести на ее родном языке. – Я рад, что у него есть вы.

– Кто тебе сказал? – Но эти слова не задели ее. Лайла слишком устала для игр. Тело болело – глухо, но неутолимо, и она чувствовала себя выжатой, как лимон. Лайла подавила зевоту.

– Даже антари нуждаются в сне, – осторожно молвил Гастра.

Она лишь отмахнулась.

– Ты говоришь, как Тирен.

Он засиял, будто услышал похвалу.

– Мастер Тирен мудр.

– Мастер Тирен старый ворчун, – отрезала она и снова устремила взгляд на отражение в затуманенной воде.

На нее смотрели два глаза: один обычный, другой в трещинах. Один карий, другой – клубок звездных лучиков. Она всмотрелась внимательнее – что обычно бывало редко – и обнаружила, что теперь, как ни странно, ей легче выдерживать собственный взгляд. Как будто это отражение на шаг приблизило ее к истине.

Лайла всегда относилась к секретам как к золотым монеткам. Их можно копить в сундуке, можно пустить в дело, но если потратишь или потеряешь, то обрести новые ох как трудно.

Поэтому-то она всегда так высоко ценила свои секреты.

Поэтому ограды Серого Лондона не знали, что она уличная бродяжка.

Поэтому патрули на улицах не знали, что она девушка.

И даже она сама не знала, откуда у нее такой глаз.

Но никто не знал, что этот глаз не настоящий.

Лайла в последний раз провела пальцами по воде.

Вот и весь секрет, подумала она.

А других-то и не осталось.

– Что дальше? – спросила она, обернувшись к мальчику. – Мне надо разделаться с кем-нибудь еще? Набедокурить? Вызвать этого Осарона на бой? Или посмотрим, что задумал Келл?

Пока она перебирала возможности, пальцы рассеянно плясали по рукояткам ножей. Одного не хватало. Она не потеряла его, просто отдала на время.

Гастра распахнул для нее дверь и огорченно поглядел на стол.

– Ваш чай.

Лайла вздохнула и взяла серебряную чашку, давно остывшую.

Выпила, поморщившись, горьковатый чай и вышла вслед за Гастрой.

V

Келл и сам не сознавал, что ищет Лайлу, пока не столкнулся в коридоре совсем с другой девушкой.

– Ой! – воскликнула красавица в серебряно-зеленом платье.

Он подхватил ее, чтобы не упала. Но вескийская принцесса не отпрянула, а, наоборот, подалась к нему. Ее щеки пылали, как после бега, а в глазах стояли слезы. Коре было всего шестнадцать, и угловатая подростковая осанка сочеталась в ней с телом молодой женщины. Этот контраст поразил его, когда он впервые ее увидел, но сейчас она больше походила на ребенка, на девочку, примерившую взрослое платье в мире, до которого еще не доросла. И ему до сих пор не верилось, что Рай боится этой малышки как огня.

– Ваше высочество.

– Мастер Келл, – выдохнула она. – Что происходит? Нам ничего не говорят, но тот человек на крыше, и этот ужасный туман, и люди на улицах... я их видела в окно, пока Коль меня не оттащил. – Она быстро тараторила, на вескийский манер проглатывая окончания. – Что с нами будет?

Она прижалась к нему, и он порадовался, что дал себе труд надеть рубашку.

Он осторожно отстранил ее.

– Оставайтесь во дворце, и с вами ничего не случится.

– Ничего не случится, – эхом повторила она и покосилась в сторону ближайшей двери. Стекланные створки покрылись изморозью, на них плясали тени. – Мне кажется, со мной ничего не случится, только если ты будешь рядом.

– Как романтично, – сухо произнес чей-то голос. Келл обернулся и увидел у стены Лайлу, а в нескольких шагах позади – Гастру. При виде них Кора сжалась в его объятиях, но не отстранилась.

– Я помешала?

Кора сказала «Да», а Келл одновременно с ней – «Нет». Принцесса метнула на него обиженный взгляд, потом обрушила свой гнев на Лайлу.

– Уходите, – приказала она повелительным тоном, каким говорят только королевские особы и капризные дети.

Келла передернуло, но Лайла лишь выгнула бровь.

– Это еще что? – сказала она и шагнула вперед. Она была на полголовы выше вескийской принцессы.

Кора, надо отдать ей должное, не отступила.

– Вы находитесь перед особой королевской крови. Вам надлежит знать свое место.

– И где же оно, принцесса?

– На ступеньку ниже моего.

Лайла ответила одной из тех своих улыбок, которые вселяли в Келла страх. Потому что обычно вслед за такой улыбкой в руке появлялся нож.

– *Са-мач*, Кора! – Из-за угла появился Коль, ее брат. Его лицо пылало гневом. В восемнадцать лет принц не сохранил ни капли ребячества, свойственного сестре, не обладал и ее текучей грацией. Последние следы молодости задержались лишь в стремительных голубых глазах, а в остальном он был похож на быка, воплощение грубой силы. – Я же велел тебе никуда не уходить из галереи. Это не шутки.

На лицо Кору напоззла туча.

– Я искала антари.

– Ты его уже нашла. – Он кивнул на Келла и взял сестру за руку. – Идем.

Несмотря на разницу в размерах, Кора вырвала руку, но на этом ее сопротивление и закончилось. Она метнула смущенный взгляд на Келла, ядовитый – на Лайлу и удалилась вслед за братом.

– Хочешь обижайся, хочешь нет, – сказала Лайла, когда они ушли, – но, по-моему, принцесса хочет завоевать твое, – ее взгляд смерил Келла сверху донизу, – расположение.

Он вздохнул:

– Она всего лишь дитя.

– У змеенышей тоже есть зубы... – Лайла умолкла, пошатнулась, схватилась за стену, чтобы удержаться на ногах.

– Лайла! – Он подхватил ее. – Ты хоть немного поспала?

– Ты тоже глаз не сомкнул, – отмахнулась она и обернулась к Гастре. – Что мне сейчас нужно, это чего-нибудь бодрящего и надежный план. – Говорила она в своей обычной резкой манере, но выглядела очень плохо. На щеках запеклась кровь. Однако Келла куда сильнее зацепили ее глаза – как всегда, глаза. Один теплый и карий, другой в сполохах ярких лучиков.

В нем было что-то неправильное и в то же время очень нужное. Келл не мог отвести взгляда.

А Лайла и не пыталась. Такая вот она была всегда. Каждый взгляд – как состязание, как вызов. Келл подошел ближе, протянул руку к ее щеке. Ладонь ощутила биение ее сердца. Под его прикосновением она сжалась, но не отпрянула.

– Вижу, тебе нехорошо, – прошептал он и провел пальцем вдоль подбородка.

– Если учесть, сколько мы пережили, – прошептала она, – то я еще неплохо держусь...

В нескольких футах от нее Гастр из всех сил вжимался в стену.

– Иди, – сказал ему Келл, не сводя глаз с Лайлы, – отдохни немного.

Гастра пошевелился.

– Не могу, сэр. Мне велено сопровождать мисс Бард...

– Я беру это на себя, – перебил его Келл. Гастра прикусил губу и отошел на пару шагов.

Лайла соприкоснулась с Келлом лбами. Ее лицо было так близко, что черты расплывались. Лишь расколотый глаз лучился с пугающей ясностью.

– Ты никогда мне не говорила, – прошептал он.

– А ты не замечал, – ответила она и добавила: – А вот Алукард заметил.

Удар достиг цели. Келл отстранился было, но тут ресницы Лайлы затрепетали, и она пошатнулась еще сильнее.

Он обнял ее и тихо произнес:

– Пойдем. У меня комната наверху. Давай...

Она сонно улыбнулась.

– Хочешь затащить меня в свою постель?

Келл натянуто улыбнулся:

– Это будет справедливо. Я же немало времени провел в твоей.

– Если я правильно помню, – произнесла она заплетающимся от усталости языком, – ты все это время лежал поверх одеяла.

– Привязанный, – уточнил Келл.

– Вот было время... – мечтательно начала она и вдруг рухнула лицом вперед. Келл едва успел ее подхватить.

– Лайла! – воскликнул он сначала тихо, потом настойчивей: – Лайла!

Уткнувшись ему в грудь, она что-то прошептала об острых ножах и мягких углах, но так и не проснулась. Келл бросил взгляд на Гастру – тот стоял поодаль, смущенно переминаясь.

– Что ты с ней сделал? – сурово спросил Келл.

– Это всего лишь тоник, сэр, – пролепетал стражник. – Чтобы лучше спалось.

– Ты ее опоил?

– Так приказал Тирен, – защищался Гастр. – Он сказал, что она дура упрямая, загонит себя до смерти, и тогда от нее никакой пользы не будет. – На этих словах Гастр понизил голос, с пугающей точностью подражая тону священника.

– И что ты собирался делать, когда она проснется?

Гастр сжался.

– Попросить прощения...

Келл в сердцах вздохнул. Лайла во сне зарылась носом ему в плечо.

– Я бы на твоём месте придумал что-нибудь получше. Например, искал пути к бегству, – сказал он юноше.

Гастр побледнел. Келл подхватил Лайлу на руки и подивился ее легкости. Эта девушка занимала так много места в мире – в его мире, и трудно было поверить, что она такая невесомая. В его представлении она была сделана из камня.

Ее голова качалась возле его груди. Келл поймал себя на мысли, что никогда не видел, как она спит. Без сурово сжатых челюстей, без складки между бровями, без яростно сверкающего взгляда она казалась совсем юной.

Келл быстро прошагал по коридорам, вошел к себе и опустил Лайлу на кушетку.

Гастр протянул одеяло.

– Может быть, снять с нее ножи?

– На это во всем мире тоника не хватит, – отозвался Келл.

Он накрыл ее одеялом, потом присмотрелся к бесчисленным ножам на руках и ногах.

Одни из них были пусты.

Это ничего не значит, сказал он себе, укутывая ее, но все же в душе поселилось зернышко сомнений. Он вышел в коридор, и тревога почти угасла.

Это ничего не значит, подумал он, привалившись к двери и протирая сонные глаза.

Раньше, в комнате Рая, он не думал, что уснет. Хотел лишь побыть немного в тишине, перевести дыхание. Приготовиться к тому, что неизбежно настанет.

Кто-то кашлянул. Он поднял глаза и увидел Гастру. Тот вертел и вертел в пальцах монетку.

– Иди, – велел Келл.

– Не могу, – ответил стражник.

Келл мысленно приказал монетке перескочить от Гастры к нему. Стражник тихо вскрикнул, но не попытался отобрать.

Присмотревшись, Келл увидел, что монетка не простая. Она была сделана в Белом Лондоне – деревянный кружок с остатками выжженного на одной стороне подчиняющего заклатья.

Как там говорил Гастр?

«Это я виноват, что она вас нашла».

Вот, значит, как Ожке это удалось.

Вот почему Гастр винил себя.

Келл сжал ладонь и вызвал пламя. Оно быстро расправилось с деревянной монеткой.

– Вот и все, – сказал он, стряхивая пепел с ладони. Гафра остался стоять, смущенно глядя в пол.

– Принц взаправду живой? – еле слышно прошептал он.

Келл вздрогнул.

– Конечно. Почему ты спросил?..

В больших карих глазах Гафры трепетал испуг.

– Вы его не видели, сэр. Не видели, каким он был, пока не вернулся. Он был не просто мертвый. А как будто... давным-давно мертвый. Казалось, не очнется никогда. – Келл настоялся, но Гафра все говорил и говорил, тихо, но горячо, на щеках горел румянец. – А королева, она от него не отходила, снова и снова повторяла, что он вернется, потому что вы, сэр, тоже непременно вернетесь. И я знаю, что у вас обоих одинаковые шрамы, что вы как-то соединены, ваши жизни связаны, и я понимаю, сэр, это не мое дело, но я не могу не спросить. Это что, какая-то жестокая иллюзия? А настоящий принц...

Келл положил руку на плечо стражника – тот весь дрожал. Он всерьез опасается за жизнь Рая. Брат, при всей его глупости, пользовался искренней любовью подданных.

Он указал в конец коридора и твердо сказал:

– Настоящий принц спит вот за этой дверью. Его сердце бьется в груди так же ровно, как мое, и будет биться до конца моих дней.

И шагнул прочь. Его остановил голос Гафры, тихий, но настойчивый:

– В святилище есть одно выражение. *Ис авен стран*.

– Благословенная нить, – перевел Келл.

Гафра кивнул.

– Знаете, что оно означает? – Его глаза загорелись. – Оно взято из одного мифа, «Появление волшебников». Магия и Человек были братьями, только не имели ничего общего, потому что сила одного была слабостью другого. И вот в один прекрасный день Магия сплела благословенную нить и привязала себя к Человеку, да так крепко, что нить врезалась в кожу... – С этими словами он протянул руки и показал вены на запястьях. – С того дня у них все стало общее – и хорошее, и плохое, и силы, и слабости.

В груди у Келла что-то затрепетало.

– Как же заканчивается эта история?

– А она не заканчивается, – ответил Гафра.

– Даже если они расстанутся?

Гафра покачал головой.

– Никаких «они» больше нет, мастер Келл. Магия так много дала Человеку, а Человек так много дал Магии, что их уже нельзя разъединить. Их нити переплелись, и невозможно сказать, где заканчивается одно и начинается другое. Они связаны воедино. Жизнь одного с жизнью другого. Они – половинки одного целого. Если их разделить, размотаются оба клубка.

VI

Алукард знал дворец Марешей гораздо лучше, чем ему полагалось.

Рай показал ему с десятков входов и выходов, потайные двери и секретные коридоры, лестницы, спрятанные за занавесями, проемы, незаметные в стене. Пути, по которым друг может тайком пробраться в гости, а любовник – в постель.

Когда Алукард в первый раз проник во дворец, он от волнения нечаянно зашел прямо к Келлу. К счастью, антари не оказалось дома; в комнате было пусто, пламя свечи озаряло запроваженную постель. Алукард вздрогнул и выскочил тем же путем, а через несколько минут очутился в объятиях Рая. Он хохотал от облегчения, пока принц не зажал ему рот ладонью.

Теперь он копался в памяти, отыскивая кратчайший путь к бегству. Если проходы здесь создаются или маскируются магическими средствами, то он увидит нити магии, однако все дворцовые двери были просты и надежны, сделаны из камня, дерева и гобеленов, а потому искать приходилось не глазами, а по памяти и на ощупь.

Одна потайная дверь вела с первого этажа в подземные ярусы. Массивное здание стояло на шести колоннах. Их прочные основания поддерживали резиденцию Марешей, возносившуюся к небу сплетением эфемерных арок. Там, где вершины соединялись с полом, шесть колонн были пронизаны сетью туннелей.

Оставалось только вспомнить, в какой из них надо свернуть.

Алукард спустился туда, где раньше находилось древнее святилище, и увидел, что его превратили в тренировочный зал. На полу еще видны были круги для медитаций, но их поверхность была усеяна выбоинами и пятнами, какие остаются после учебных боев.

Зачарованное белое пламя одинокого факела наполняло зал всеми оттенками серого, и в этой бесцветной дымке Алукард разглядел на одном столе оружие, на другом – разложенные стихи: чаши с водой и песком, осколки камня. А среди них в вазе с землей рос маленький белый цветок. Его листья выплеснулись через края вазы – тихое растение бешено рвалось на свободу.

Алукард поднялся по лестнице в дальнем конце зала и остановился только перед дверью на самом верху. До чего же она тонка, подумал он, линия, разделяющая то, что внутри, и то, что снаружи, защиту и угрозу. Но там, на другой стороне, его ждала семья, ждала команда. Он коснулся дерева, воззвал к силе, и дверь, скрипнув, отворилась в темноту.

Темнота. А перед ней – тонкая сеточка света.

Очутившись перед пеленой защиты, сотворенной жрецами, Алукард застыл в неуверенности. Она походила на паутинку, но, когда он прошел сквозь нее, не порвалась, лишь дрогнула и снова обрела форму.

Алукард вышел навстречу туману, ожидая, что тот сразу окутает его. Тени касались плаща, захлестывали ноги, тянулись к рукавам и воротнику – но тут же отскакивали, словно испугавшись. С каждым шагом они отступали, но недалеко, всегда недалеко.

У него зачесался лоб, и Алукард вспомнил, как его коснулась Лайла. Нарисовала над бровями полосу крови, уже засохшую.

Защита слабая. Долго ли она продержится? Тени снова и снова пытались найти лазейку.

Он плотнее запахнул куртку и ускорил шаг.

Магия Осарона была повсюду. Но вместо сплетающихся нитей, какими обычно виделись чары, Алукард различал лишь угольно-черную тень, нависшую над городом. Темные пятна, где отсутствовал всякий свет. Темнота сгустками клубилась вокруг, колыхалась, как комната после обильных возлияний, и ее пронизывали запахи дровяного костра и весенних цветов, тающего снега и маков, трубочного дыма и летнего вина. То приторно-сладкие, то горьковатые, но все – дурманные.

Город словно явился из кошмарного сна.

Лондон всегда состоял из магии и звуков. В воздухе струилась музыка, звенело стекло, смеялись люди, шелестели кареты, гомонил рынок.

А теперь слышалось совсем не то.

Поднявшийся ветер донес стук копыт верховой стражи, лязг металла, призрачные голоса, обрывки слов, рассыпавшиеся на лету. Все они срастались в чудовищную музыку. Голоса – или всего один повторяющийся голос – сплетались в призрачный хор, но слова не доходили до сознания. Мир наполнился шепотами, и в глубине души Алукарду захотелось потянуться навстречу, прислушаться, понять, что они хотят до него донести.

Но вместо этого он произносил имена.

Имена всех, кому он нужен. Всех, кто нужен ему. Всех, кого он не хотел и не мог потерять.

Аниса. Стросс. Ленос. Васри. Джиннар. Рай. Дилайла...

Турнирные шатры стояли покинутые. Щупальца тумана заползали внутрь в поисках жизни. Улицы опустели, горожане прятались у себя в домах, как будто камень и дерево могли остановить чужую магию. Может, и могли. Но Алукард сомневался.

Вдалеке полыхал ночной рынок. Пара стражников тушила пожар, призывая воду из погасшего Айла, еще двое отбивались от толпы.

Каждого человека в этой толпе окутывала черная магия. Она застилала Алукарду взор, гасила зеленые, синие, красные, пурпурные огни их собственной энергии.

Какая-то женщина плакала.

Другая хохотала, глядя в огонь.

Кто-то пробивался к реке, простирая руки, еще один молча преклонил колени, задрал голову к небу. Только кони казались невосприимчивыми к магии. Они фыркали, ржали, махали хвостами, отбивались копытами от тумана, как от ядовитых змей.

За рекой ждали Беррас и Аниса, у причала покачивался «Ночной шпиль», но Алукард невольно зашагал к горящему рынку. Человек из толпы схватил железный лом и ринулся на одного из стражников.

– *Рас ал!* – крикнул Алукард и выхватил железку из рук нападавшего. Лом, грохоча, отлетел в сторону, но его вид как будто навел остальных на мысль.

Те, кто лежал на земле, медленно встали. Их движения, неестественно плавные, были слаженными, как будто ими повелевала одна и та же невидимая рука.

Стражник бросился к коню, но не успел. Они накинудись на него, вслепую хватая руками за доспехи. Один из них колотил солдата закованной в шлем головой о мостовую, повторяя:

– Впусти его,пусти его,пусти!

Алукард оторвал нападавшего, но тот крепко уцепился ему за руку, впился пальцами в тело.

– Ты встречался с королем теней? – спросил несчастный. В его широко распахнутых глазах клубился туман, вены почернели. Алукард ударил его ногой в лицо и высвободился.

– Идите во дворец, – приказал второй стражник. – Скорее, пока...

Его прервал скрежет металла, мокрое чавканье клинка, пронзавшего плоть. Стражник опустил глаза – из груди торчал короткий гвардейский меч, его собственный. Он рухнул на колени, а женщина, державшая меч за рукоять, обернулась к Алукарду с сияющей улыбкой.

– Почему ты непустишь его? – спросила она.

На земле лежали два мертвых стражника, и десять пар отравленных глаз повернулись к Алукарду. Людей паутиной окутывала тьма. Алукард встал на ноги и попятился. По рыночным шатрам все еще плясал огонь, обнажая металлические тросы, державшие ткань. Сталь раскалилась докрасна.

Они хлынули на него, как волна.

Алукард выругался, щелкнул пальцами, и в воздухе просвистели раскаленные тросы. Сначала они метнулись к его рукам, потом – резко прочь. Схватили нападавших в железные тиски, скрутили по рукам и ногам, но если те и почувствовали боль, то никак этого не показали.

– Король найдет тебя, – зарычал один.

– Король возьмет тебя, – подхватил другой. Алукард вскочил в седло и пришпорил коня.

Вслед ему неслись голоса:

– Славьте короля теней...

* * *

– Беррас! – крикнул Алукард, врываясь в незапертые ворота. – Аниса!

Перед ним стоял дом его детства, светившийся в ночи, как фонарь.

Невзирая на холод, Алукард вспотел после быстрой скачки. Он пересек Медный мост, задержав дыхание, чтобы не вдохнуть маслянистую слизь ядовитой магии, бурлившую на поверхности реки. Надеялся – глупо, отчаянно – что болезнь, чем бы она ни была, не докатилась до северного берега, но, едва копыта жеребца ступили на твердую землю, надежды рухнули. Здесь стоял совершеннейший хаос. Толпы людей – обитатели трущоб бок о бок с богачами в роскошных нарядах, еще не остывшие после бала, – бродили, разыскивая тех, кого чары еще не затронули, и утаскивали за собой.

И повсюду слышалась та же самая призрачная песнь.

– Ты уже повстречал короля?

Аниса. Стросс. Ленос.

Алукард пришпорил коня.

Васри. Джиннар. Рай. Дилайла...

Алукард соскочил с коня и взбежал по крыльцу.

Парадная дверь была распахнута.

Слуги разбежались.

В вестибюле было пусто, лишь клубился туман.

– Аниса! – кричал он, переходя из холла в библиотеку, из библиотеки в столовую, оттуда в гостиную. Повсюду горел свет, пылал огонь, в воздухе стоял удушливый жар. И повсюду над полом, вокруг столов, среди кресел стелился туман, его щупальца карабкались по стенам, как лозы. – Беррас!

– Да тише ты, ради всего святого! – послышался голос.

Алукард обернулся и увидел старшего брата. Тот стоял, привалившись к двери. В руке он, как всегда, вертел бокал вина, на угловатом лице застыло обычное презрение. Беррас, привычный упрямый Беррас.

Алукард с облегчением перевел дух.

– Где слуги? Где Аниса?

– Так-то ты меня приветствуешь?

– Город в беде.

– Да неужели? – рассеянно спросил Беррас, и Алукард растерялся. Что-то в этом голосе было не так. В нем слышалась легкость, почти веселье, а Беррас Эмери никогда не веселился.

Нужно было сразу понять: здесь что-то не так.

Да здесь всё не так.

– Тут опасно, – предупредил Алукард.

– Для тебя – да. – Беррас подался вперед.

На лицо брата упал свет, выхватив из мрака глаза – в них мерцали щупальца тумана, взгляд остекленел. На лбу блестели бисеринки пота. А под загорелой кожей вены наполнялись чернотой, и если бы Беррас Эмери владел хоть каплей магии, Алукард увидел бы, как она сжимается, отступая перед черными чарами.

– Брат, – произнес Алукард, хотя это слово казалось ему насквозь лживым.

Раньше Беррас тут же огрызнулся бы, услышав любое упоминание об их родстве, а сейчас словно и не заметил.

– Ты сильнее этого, – сказал Алукард, зная, что Беррас никогда не славился самообладанием.

– Пришел за своими лаврами? – продолжал Беррас. – Хочешь добавить к своим титулам еще один? – Он поднял бокал и, обнаружив, что он пуст, разжал пальцы. Алукард усилием воли на лету подхватил бокал, не дав разбиться о мозаичный пол.

– Чемпион, – протянул Беррас, приближаясь. – Дворянин. Пират. Шлюха. – Алукард ошетинился – последнее слово больно задело его. – Думаешь, я не знал с самого начала?

– Перестань, – прошептал Алукард, но это слово утонуло в звуке шагов брата. В этот миг Беррас как две капли воды походил на их отца. Такой же хищник.

– Это я ему рассказал, – заявил Беррас, словно прочитав его мысли. – Отец даже не удивился. Только скривился от отвращения. Сказал: «Он меня разочаровал».

– Я рад, что он умер, – прорычал Алукард. – Жаль только, что меня тогда не было в Лондоне.

Взгляд Берраса потемнел, но легкость в голосе, пустая и бездумная, осталась.

– Знаешь, я ходил на стадион, – болтал он. – Посмотреть, как ты дерешься. Видел все матчи до единого – хочешь верь, хочешь нет. Конечно, не держал твоего вымпела. И приходил не за тем, чтобы смотреть на твои победы. Просто надеялся, что тебя кто-нибудь поколотит. Что с тобой разделаются.

Алукард давным-давно научился стоять на своем. Нигде он не чувствовал себя маленьким и жалким, только в этом доме, перед Беррасом. И, невзирая на долгие годы тренировок, невольно попятился.

– Мне хотелось увидеть, – продолжал Беррас, – как кто-нибудь сотрет с твоего лица эту самодовольную ухмылку. Вот это было бы зрелище!

Сверху раздался приглушенный вскрик, упало что-то тяжелое.

– Аниса! – воскликнул Алукард и на миг отвел глаза от Берраса.

Это было ошибкой.

Брат, гора мускулов и костей, швырнул его спиной о стену. Беррас вырос без магии и с детства умел работать кулаками.

Кулак врезался в ребра. Алукард согнулся пополам, хватая воздух ртом.

– Беррас, – прохрипел он. – Послушай...

– Нет, это ты послушай меня, братец. Пришла пора говорить напрямик. Я – наследник, которого хотел отец. Я уже и так владею домом Эмери, но могу достичь намного большего. И достигну, когда тебя не станет. – Его мясистые пальцы дотянулись до горла Алукарда. – Грядет новый король.

Алукард никогда не любил драться грязно, но в последнее время часто наблюдал за Дилайлой Бард. Он быстро вскинул руки и ударил брата ладонью в основание носа. «Ослеплялка», так она называла этот удар.

По лицу Берраса хлынула кровь пополам со слезами, но он даже не поморщился.

И пальцы лишь крепче сжали горло Алукарда.

– Бер... рас, – прохрипел Алукард, пытаясь дотянуться до стекла, до камня, до воды.

Но даже ему, при всей его силе, было трудно призвать в руки предмет, не видя его. А Беррас нависал над ним, загораживая все, и мир стал сжиматься в узкий туннель. Алукард тщетно шарил вокруг себя, хватаясь за все, что попадалось. Под его рывками дом заходил ходуном. В панике борясь за глоток воздуха, он растерял всю свою тщательно взлелеянную точность.

Его губы беззвучно шевелились, вызывая ко всему на свете.

Содрогнулись стены. Зазвенели окна. Из досок выскочили гвозди, дерево с треском посыпалось на пол. Весь мир застыл на один последний, отчаянный миг, потом рухнул, сжавшись в точку.

Столы и стулья, картины и зеркала, gobелены и занавеси, куски штукатурки, половицы, двери – все это с чудовищной силой рухнуло на Берраса. Могучие руки выпустили горло Алукарда. Вихрь обломков подхватил Берраса и повалил наземь.

Но тем не менее в нем еще нашлась слепая сила, как в существе, лишенном мысли и поэтому не знающем боли. Беррас вел борьбу, пока на него с потолка не рухнула люстра, похоронив под грудой железа, гипса и камней. Вихрь рассыпался. Алукард, упершись ладонями в колени, жадно хватал ртом воздух. А дом вокруг него все еще стонал.

Над головой было тихо. Совсем тихо. И вдруг он услышал пронзительный крик сестры.

* * *

Он отыскал Анису на втором этаже. Она забилась в уголок, обхватив руками колени, а в глазах стоял ужас. Причина этого ужаса, понял Алукард, находилась не здесь.

Девочка зажала уши ладонями, спрятала голову между колен и беспрестанно шептала:

– Я не одна, я не одна, я не одна...

Алукард опустился рядом с ней.

– Аниса. – Ее лицо пылало, на шее пульсировала жилка, в голубых глазах мутнела тьма.

– Алукард! – тоненьким голосом произнесла она, дрожа всем телом. – Скажи ему, пусть прекратит.

– Он уже прекратил, – сказал он, думая о Беррасе, но девочка опять покачала головой:

– Он хочет сюда ворваться.

Король теней.

Он осмотрел пространство вокруг нее, увидел, как в зеленый свет ее магии вплетаются черные тени. Словно в темной комнате бушует гроза, подумал он. В воздухе плясали яркие сполохи – это ее магия вела неравный бой с силой врага.

– Больно, – прошептала она и свернулась клубочком. – Не уходи, пожалуйста. Не остав-
ляй меня с ним.

– Все будет хорошо. – Он взял сестренку на руки. – Я без тебя никуда не уйду.

Он вынес Анису через вестибюль. Дом ходил ходуном и стонал.

По стенам поползли трещины, ступени под ногами стали рассыпаться. Дом получил смер-
тельную рану, тяжелую, глубинную. Алукард не видел ее, но чувствовал.

Поместье Эмери, простоявшее много веков, рушилось.

И разрушил его сам Алукард.

Он собрал все силы, чтобы не дать дому рассыпаться, и, переступая порог, чуть не падал
от усталости.

У его груди покачивалась голова Анисы.

– Останься со мной, Нис, – шептал он. – Останься со мной.

Он вскочил в седло, пришпорил коня и выехал из ворот. Древнее поместье рассыпалось
в прах у него за спиной.

Глава 4

Любым оружием

I

Белый Лондон

Наси стояла перед постаментом и не плакала.

Слава ворону, ей было целых девять зим, и она давно научилась хранить спокойствие, пусть даже напускное. Все знают – иногда нужно притворяться. Притворяться, что ты счастлива. Притворяться храброй. Притворяться сильной. Если долго притворяешься, в конце концов так оно и будет. Труднее всего притворяться, что ты никогда не грустишь, но если будешь ходить, понунив голову, тебя сочтут слабой, и разубедить людей будет нелегко, особенно когда ты на голову ниже всех да еще и девчонка.

Поэтому, хоть в комнате никого и не было, кроме Наси и покойницы, она и виду не подавала, что ей грустно. Наси работала в замке, делала всё, что попросят, но знала: тут ей не место. Знала, что в северный зал ей ходить запрещено, это личные покои короля. Но король куда-то исчез, а Наси всегда умела хорошо прятаться, и вообще – она же пришла не воровать и не подслушивать.

Пришла только посмотреть.

И чтобы этой женщине не было одиноко.

Наси понимала, что это глупо, ведь мертвые, наверное, не чувствуют ни холода, ни печали, ни одиночества. Впрочем, откуда ей знать? И все-таки ей бы на месте этой женщины хотелось, чтобы рядом кто-то был.

И к тому же это единственная в замке тихая комната.

Повсюду была суматоха, все кричали, искали короля. А здесь горели свечи, и за тяжелыми дверями и стенами пряталась тишина. А посредине, на постаменте из красивого черного гранита, лежала Ожка.

Ожка была вся в черном, руки вытянуты, в ладонях кинжалы. Вокруг постамента вился плющ – он первым расцвел в дворцовом саду, у изголовья стояла тарелка с водой, в ногах – чаша с землей: туда уйдет магия, когда покинет ее тело. На глазах черная повязка, короткие красные волосы рассыпались, как облако. Шея обернута полоской белого полотна, но даже в смерти на ней выступило красно-черное пятно – там, где перерезали горло.

Никто не знал, что случилось. Знали только, что король исчез, а его избранная воительница погибла. Наси видела королевского пленника – рыжего человека с черным глазом – и подумала, не его ли тут вина, ведь он тоже куда-то исчез.

Наси стиснула кулаки и вдруг больно укололась о шипы.

Она совсем забыла про цветы, нарванные в дальнем углу двора. Самые красивые еще не распустились, и ее заставили выкопать кустик чахлых первоцветов, усеянных острыми колючками.

– *Ниджк шост*, – прошептала она и положила букет на постамент. Когда она наклонилась, кончик косички пощекотал Ожке руку.

Раньше Наси всегда носила волосы распущенными, чтобы они закрывали шрамы на лице.

И пусть она почти ничего не видела сквозь белесую пелену, пусть спотыкалась и падала. Главное – волосы заслоняли ее от жестокого мира.

Но однажды по коридору прошла Ожка. Она остановила девочку, велела убрать волосы с лица.

Ей не хотелось этого, но королевская воительница стояла перед ней, скрестив руки на груди, и ждала. Наси нехотя послушалась, собрала волосы на затылке. Ожка посмотрела на ее лицо, но ничего не спросила. Не спросила, откуда у нее эти шрамы – от рождения (нет) или ее застали врасплох в Кочеке (да). Лишь склонила голову набок и сказала:

– Почему ты прячешься?

У Наси язык не поворачивался сказать Ожке, королевской защитнице, что она ненавидит свои шрамы. Ведь у самой Ожки с одной стороны лица расплескалась чернота, а с другой от глаза до губ тянулась серебристая линия. Не дождавшись ответа, женщина присела перед ней на корточки и твердо взяла за плечи.

– Шрамы носить не стыдно, – сказала она. – Этот стыд – только у тебя в голове. – И выпрямилась. – Если ты будешь скрывать свои шрамы, они сами скроют тебя. – И с этими словами ушла.

С тех пор Наси всегда зачесывала волосы назад.

И Ожка, встречая ее в коридорах, каждый раз скользила по ней своими разными глазами – одним желтым, другим черным – и, заметив косичку, одобритительно кивала. И Наси с каждым разом чувствовала себя сильнее, как иссохший цветок, которому капля за каплей подливают воду.

– Я больше не скрываю свои шрамы, – шепнула она на ухо Ожке.

За дверью слышались шаги, тяжелая поступь Железной стражи, и Наси торопливо отпрянула. Зацепилась рукавом за лозы, обвивавшие постамент, и чуть не опрокинула миску с водой.

Но ей было всего девять зим, и, когда дверь отворилась, она, проворная как тень, уже скрылась во тьме.

II

В темнице Маршей сидел Холланд, и сон к нему никак не шел.

Мысли куда-то уплывали, но, едва они хоть немного успокаивались, он всякий раз видел, как рушится Лондон – его родной Лондон. Видел, как краски снова становятся серыми, как замерзает река, а замок... Троны никогда не пустуют, Холланд хорошо знал это. Он словно воочию видел, как город ищет своего короля, слышал, как слуги повторяют его имя, пока чей-то еще клинок не перережет им горло. На белый мрамор капает кровь, лес усеян телами, тяжелые сапоги крушат все, что он начал, словно молодую траву.

Холланд мысленно потянулся к Ожке. Его разум преодолел границу между мирами, но отклика не услышал.

Тюремная камера больше походила на каменную могилу в глубоком чреве дворца. Ни окон. Ни тепла. Он потерял счет лестницам, по которым его тащили арнезийские стражники. Полуживого – потому что разум еще не оправился после пыток и внезапного бегства Осарона. Холланд едва замечал камеры по сторонам – все пустые. Почувствовав на руках прикосновение холодного металла, он, как животное, стал бороться, и за это его с силой приложили затылком к стене. А когда он очнулся, вокруг было черным-черно.

Холланд потерял счет времени. Пытался считать секунды, но в полном отсутствии света мысли путались, сбивались, легко соскальзывали к воспоминаниям о том, чего он помнить не хотел.

«На колени», – шептала в одно ухо Астрид.

«Стоять», – приказывал в другое Атос.

«Склонись».

«Сломайся».

«Перестань», – говорил себе он, пытаясь вернуться разумом в холодную камеру. Но разум все равно ускользал.

«Возьми нож».

«Поднеси его к горлу».

«Стой смирно».

Он, конечно, попытался усилием воли отвести пальцы, но заклятие покорности держало крепче любых оков. И когда спустя несколько часов – или даже дней – Атос возвращался, и забирал нож из руки Холланда, и давал позволение снова двигаться, тело без сил рушилось на пол. Истерзанные мускулы. Трясущиеся ноги.

«Вот где твое место, – говорил Атос. – На коленях».

– Хватит! – простонал Холланд в тишине тюремной камеры, и ответом ему было только эхо. На несколько мгновений разум успокоился, но скоро, слишком скоро все началось сначала, и сквозь холодный камень, сквозь железные наручники и тишину снова просочились воспоминания.

* * *

Холланда впервые попытались убить, когда ему было всего девять лет.

За год до того его глаз стал черным. Зрачок с каждым днем делался все шире и шире, темнота пропитала сначала зеленую радужку, потом белок, медленно отравляя его вплоть до ресниц. Волосы у него были достаточно длинные и могли скрыть черную метку, если все время ходить с опущенной головой. Постепенно это вошло в привычку.

Он проснулся, услышав свист металла. Метнулся в сторону, еле успел уйти от клинка.

Кинжал царапнул по руке и вонзился в койку. Холланд спрыгнул на пол, больно стукнувшись плечом. Он ожидал увидеть перед собой незнакомца, наемника, человека с клеймом вора или убийцы.

А вместо этого увидел своего старшего брата. Вдвое крупнее его самого, с мутно-зелеными, как у отца, глазами и грустно изогнутой, как у матери, линией губ. Брат, единственная родная душа, какая осталась у Холланда.

– Алокс? – ахнул он. Раненую руку пронзила боль. На пол упали красные капли. Холланд зажал ладонью кровоточащую рану.

Алокс стоял над ним, и вены у него на горле постепенно наливались тьмой. К пятнадцати годам он уже сделал себе с дюжину татуировок – чтобы подавлять волю и связывать убегающую магию.

Холланд лежал на полу, и между пальцами сочились кровь. Но он не плакал, не звал на помощь. Плачь не плачь – никто не придет. Отец умер. Мать потерялась в притонах шо, утопив себя в дыму.

– Не дергайся, Холланд, – прошептал Алокс и выдернул нож из койки. Его глаза покраснели – то ли от выпивки, то ли от чар. Холланд не шевелился. Не мог шевельнуться. И не потому, что лезвие было отравлено, хотя именно этого он и боялся. А потому что ему каждую ночь снились покушения. У нападавших были сотни лиц, сотни имен, но ни одного не звали Алокс.

В детстве, когда Холланд не мог уснуть, Алокс рассказывал ему сказки. О грядущем короле. О том, у кого хватит силы вновь оживить этот мир.

Алокс разрешал Холланду сидеть на самодельном троне в пустой комнате и мечтать о прекрасном будущем.

Алокс впервые увидел метку у брата в глазу и пообещал беречь его.

А теперь Алокс стоял над ним с ножом.

– *Восск!* – взмолился Холланд. «Не надо».

– Это нечестно, – выплюнул его брат, пьяный от вида крови и стали, от собственной силы. – Эта магия – не твоя.

Окровавленные пальцы Холланда сами собой метнулись к меченому глазу.

– Но она меня выбрала.

Алокс яростно помотал головой.

– Магия не выбирает, Холланд. Она не принадлежит никому. Кроме тех, кто берет ее силой.

С этими словами он снова замахнулся ножом.

– *Восск!* – умолял Холланд, пытаясь заслониться ладонями.

Ему удалось заблокировать нож и оттолкнуть его – не сам клинок, а воздух и металл. Лезвие все же задело его, по ладони потекла кровь.

Холланд поднял глаза на Алокса, и от боли на губах вдруг зародились слова:

– *Ас старо.*

Эти слова возникли сами по себе, выплыли откуда-то из темных глубин разума, словно забытый сон, и с ними в изрезанных руках вспыхнула магия. Она взбежала по клинку, окутала брата. Алокс отпрянул, но было уже поздно. Чары окутали его, превращая тело в камень. Растеклись по животу, взбежали на плечи, стиснули горло.

Короткий вздох – и все было кончено. Тело превратилось в камень за долю секунды, быстрее, чем падает на пол капля крови.

Он лежал, придавленный шаткой тяжестью окаменевшего брата. Алокс стоял на одном колене, и Холланд мог заглянуть брату в глаза. Он поймал себя на том, что вглядывается брату в лицо. Тот застыл с приоткрытым ртом, черты окаменели в краткий миг между удивлением и яростью. Медленно, осторожно Холланд высвободился из-под каменной статуи. Встал на ноги, пошатываясь – внезапная магия отняла много сил, а внезапная атака еще больше.

Он не заплакал. Не убежал. Просто стоял и смотрел на Алокса, выискивая в его чертах хоть малейшую перемену – веснушку, шрам, хоть что-нибудь, чего он раньше не замечал. Пульс постепенно успокаивался, и вместе с ним что-то замедлялось глубоко внутри, как будто заклятие превратило в камень частичку его самого.

– Алокс, – еле слышно произнес он и коснулся холодной щеки брата, но тотчас отдернул руку. Пальцы оставили на мраморном лице кровавое пятно.

Холланд подался вперед и шепнул брату в каменное ухо:

– Эта магия принадлежит мне, – и положил руку на плечо Алоксу.

И толкнул. Гравитация опрокинула статую, и она разбилась вдребезги.

* * *

На тюремной лестнице послышался топот. Холланд мгновенно вернулся в камеру и насторожился. Сначала он подумал, что к нему идет Келл, но потом сосчитал шаги – посетителей было трое.

Они говорили по-арнезийски. Слова быстро перетекали одно в другое, и Холланд понимал далеко не все.

Он застыл в неподвижности. Щелкнул замок, распахнулась дверь. Антари постарался не отпрянуть, когда вражеская рука зажала ему рот.

– Давай-ка глянем... глаза...

Грубые пальцы повозились у него на затылке, и с глаз свалилась повязка. На мгновение мир окрасился в золото – это горел фонарь. Человек силой приподнял Холланду лицо.

– Может, вырезать...

– Не похож... По-моему.

Доспехов на них не было, но, судя по выправке, это дворцовая стража.

Первый выпустил челюсть Холланда и стал закатывать рукава.

Холланд понял, что сейчас будет, за миг до того, как сильный рывок цепи поднял его на ноги. Он встретился глазами со стражником, и тут обрушился первый удар. Он пришелся в шею, между воротником и горлом.

Он следил за болью, как за потоком, стараясь направить ее в другое русло.

Все это было ему хорошо знакомо. В памяти всплыла холодная улыбка Атоса. Огонь серебряного кнута.

«Никто не страдает...»

Хрустнули ребра. Он пошатнулся.

«Так красиво, как ты».

Рот наполнился кровью. Он мог бы выплюнуть ее им в лица и в тот же миг обратить их в камень, а потом разбить оземь. Но проглотил.

Он не станет их убивать.

Но и удовольствия посмотреть на его муки тоже не доставит.

Вдруг блеснула сталь – стражник вытащил нож. И заговорил на общем языке королей.

– Это тебе от Дилайлы Бард, – сказал он и нацелился в сердце.

Нож устремился к обнаженной груди, и в Холланде вспыхнула магия – внезапная и непокорная. Тяжелые цепи не могли остановить ее поток.

Холланд всей своей волей надавил на металл и кости. Рука убийцы замедлилась. Но в этот миг клинок, уже не подчиняясь Холланду, выскользнул из пальцев стражника и нырнул в ладонь Келлу.

Стражник обернулся, и ярость тотчас же сменилась страхом: он разглядел человека, стоявшего у лестницы. Черный плащ растворялся в тени, поблескивали в лучах фонаря рыжие волосы.

– Это еще что? – сурово спросил антари.

– Мастер Ке...

Стражник отлетел назад и ударился о стену между двумя фонарями, но не упал, а повис, как припиленный. Келл обернулся к двоим другим. Они тотчас же выпустили цепи Холланда, и он то ли сел, то ли повалился на скамью, стиснув зубы от боли. Келл отпустил первого стражника, и тот с грохотом рухнул на пол.

Келл присмотрелся к ножу у себя в руке, и воздух в камере словно пропитался морозом. Антари поднес кончик пальца к острию ножа и слегка надавил. Выступила капелька крови.

Стражники, как один, отпрянули, и Келл поднял глаза, будто удивившись.

– Мне казалось, вам нравится пускать кровь.

– *Соласе*, – проговорил первый, вставая на ноги. – *Соласе, мас варес*.

Остальные прикусили языки.

– Идите, – приказал Келл. – В следующий раз так легко не отделаетесь.

Они умчались, оставив дверь открытой.

Холланд – он ни слова не произнес с той минуты, когда звук шагов вывел его из забытья – прислонился головой к каменной стене.

– О мой герой.

Повязка с глаз висела у него на шее, и впервые после стычки на крыше их взгляды встретились. Келл закрыл дверь камеры, оставшись снаружи.

– Сколько раз это уже случилось? – Он кивнул в сторону лестницы.

Холланд не ответил.

– Ты не сопротивлялся.

Холланд распухшими пальцами крепко сжал цепи, как будто говоря: «А как?», на что Келл выгнул бровь, словно отвечая: «Разве тебе это помешает?».

Потому что оба прекрасно знали: тюремные стены не удержат антари, если он сам этого не позволит.

Келл снова присмотрелся к клинку – он явно показался знакомым.

– Лайла... – пробормотал он. – Надо было раньше догадаться...

– Мисс Бард меня не жалуется.

– Разумеется. Ты же убил ее единственного родного человека.

– А, того, в таверне, – задумчиво произнес Холланд. – Она сама подписала ему приговор, когда взяла то, что ей не принадлежит. Когда отвела меня к себе домой. Умей она воровать получше, он бы, может быть, до сих пор был жив.

– Держи свое мнение при себе, – посоветовал Келл, – если хочешь сохранить голову на плечах.

Долгое молчание. В конце концов его нарушил Холланд.

– Ну что, перестал дуться?

– Знаешь, – огрызнулся Келл, – ты прекрасно умеешь наживать врагов. А друзей заводить не пробовал?

Холланд склонил голову:

– А какой от них прок?

Келл указал на камеры. Но Холланд не попался на удочку; он сменил тему.

– Что происходит за стенами дворца?

Келл провел ладонью по лбу. Когда он устал, напускное спокойствие рассеивалось, и становились видны все трещинки в защитной броне.

– Осарон вырвался на свободу, – ответил он и рассказал о почерневшей реке, о ядовитом тумане. Холланд слушал, подняв брови. Закончив, Келл посмотрел на Холланда, будто ждал ответа на невысказанный вопрос. Холланд ничего не сказал, и Келл раздраженно хмыкнул.

– Чего он хочет? – спросил юный антари, явно подавив желание встать и пройтись взад-вперед.

Холланд закрыл глаза и вспомнил бурный характер Осарона, его извечное «больше, больше, больше, мы можем достичь большего, стать больше».

– Больше, – коротко ответил он.

– Что это значит? – нахмурился Келл.

Холланд заговорил, тщательно взвешивая слова.

– Ты спросил, чего он хочет, – сказал он. – Но для Осарона вопрос стоит не так. Дело не в том, чего он хочет, а в том, что ему нужно. Огню нужен воздух. Земле нужна вода. А Осарону нужен хаос. Он питается энергией энтропии. – Всякий раз, когда Холланд достигал покоя, всякий раз, когда вставал обеими ногами на твердую землю, Осарон заставлял его идти дальше, к переменам, к хаосу. – Он очень похож на тебя, – добавил он, глядя, как Келл расхаживает из угла в угол. – Совершенно не выносит спокойствия.

Было отчетливо видно, как в глазах у Келла крутятся колесики. Все, о чем он думал и что чувствовал, было написано на лице. Интересно, подумал Холланд, знает ли он, что его можно читать, как книгу.

– Тогда надо придумать, как его успокоить, – сказал юный антари.

– Попробуй, – отозвался Холланд. – Этим ты его не остановишь, зато, может, выведешь из равновесия. Он будет действовать очертя голову. И если люди в таком состоянии совершают ошибки, то, возможно, боги тоже.

– Ты и вправду считаешь, что он бог?

Холланд вздохнул.

– Не так важно то, кем человек – или не человек – является. Куда важнее, кем он себя считает.

Над головой открылась дверь, и Холланд инстинктивно напрягся, мысленно обругав предательски звякнувшую цепь. Но Келл словно ничего не заметил.

Через мгновение на лестнице появился стражник. Не из тех, кто напал на Холланда. Этот был пожилой, с серебристыми висками.

– Стафф, что случилось? – спросил его Келл.

– Сэр, – ворчливо ответил тот – видимо, не питал теплых чувств к принцу-антари. – Вас вызывает король.

Келл кивнул и направился к выходу. Но у лестницы остановился.

– Холланд, неужели ты ни в грош не ставишь свой родной мир?

Пленник замер.

– Мой родной мир, – медленно произнес он, – это единственное, что для меня дорого.

– И все-таки ты сидишь здесь. Беспомощный. Никчемный. – Где-то в глубине души у Холланда кто-то другой – тот человек, каким он был до Осарона, до Данов – кричал во весь голос. Рвался в бой. Холланд застыл, ожидая, когда схлынет эта волна.

– Однажды ты мне сказал, – продолжал Келл, – что человек либо повелитель магии, либо ее раб. Кто ты теперь?

Крик в душе у Холланда угас, его задавила гулкая тишина, которую он давно научился вызывать.

– Вот чего ты не понимаешь, – сказал Холланд, падая в объятия этой пустоты. – Я всегда был только ее рабом.

III

Зал, где хранилась королевская карта, всегда был под запретом.

В детстве Келл и Рай играли во всех коридорах и покоях дворца – но только не здесь. Тут и стульев-то не было.

И книжных шкафов от пола до потолка. И камина не было, и потайных дверей и секретных коридоров. Был только стол, а на нем огромная карта. Арнс поднимался с ее пергаментной поверхности, как тело, накрытое простыней. Карта изображала страну в мельчайших деталях. Посередине сверкал огнями город Лондон, а края тянулись до самых дальних границ королевства. По плоским морям ходили крошечные каменные кораблики, в пограничных гарнизонах маршировали крошечные каменные солдатики, крошечные каменные стражники патрулировали улицы из розового кварца и мрамора.

Король Максим говорил, что все детали этой карты связаны с реальностью. Ничто не проходит просто так. Передвинуть чашу – значит объявить войну. Опрокинешь кораблик – и где-то в море пойдет ко дну настоящее судно. Играть с человечками – все равно что играть с живыми людьми.

Это предостережение подействовало. Правдиво оно или нет – кто знает, но ни Келл, ни Рай не посмели проверить его истинность и навлечь на себя королевский гнев.

Карта была волшебная. Она показывала всю империю, как есть. Сейчас река поблескивала, как ниточка масла; по миниатюрным улицам струились белесые, как дым, полосы тумана; арены стояли опустевшие, и повсюду, как пар над водой, клубилась тьма.

Но карта не показывала, как рыщут по улицам павшие. Не показывала, как те, кто остался в живых, в ужасе стучатся в двери, умоляя впустить. Не показывала панику, крики, страх.

Король Максим стоял у южного края карты, опираясь руками на стол, и вглядывался в картины города. Рядом с ним был Тирен – за одну ночь он, кажется, постарел на десять лет. По другую сторону стояла Айзра – капитан городской стражи. Широкоплечая жительница Лондона с короткими волосами и волевой челюстью. Женщины на военной службе были редки,

но если кто-то и высказывал Айзре свои сомнения в том, что она справляется со своими обязанностями, то потом сильно в этом раскаивался.

Восточный край занимали два советника из числа вестра – лорд Казен и леди Розек, а западный – Парлю и Лисане, двое остра, занимавшихся организацией игр Эссен Таш. Все они были до сих пор одеты в бальные наряды, казавшиеся неуместными в осажденном городе.

Келл, преодолевая себя, подошел к северному краю карты и встал прямо напротив короля.

– Мы ничего не понимаем, – говорила Айзра. – Мы наблюдаем два вида атаки, точнее, два вида жертв.

– Их подчиняют? – спросил король. – Во время Черной ночи витари вселялся в людей, в одного за другим, распространяясь по городу, как чума.

– Это не подчинение, – перебил Келл. – Осарон слишком силен, и обычный человек не может удержать его в себе. Витари пожирал изнутри любую оболочку, но на это уходило несколько часов. Осарон сжигает своего хозяина за считанные секунды. – Ему вспомнилась Кисмайра, рассыпавшаяся в прах под пятой Осарона. – Ему нет смысла овладевать ими.

И подумал: ему нужны только антари.

– Тогда что же он делает, черт бы его побрал? – спросил Максим.

– Это напоминает болезнь, – объяснила Айзра.

Остра Лисане содрогнулся:

– Он их заражает?

– Он создает покорных кукол, – мрачно ответил Тирен. – Проникает к ним в разум, разъедает его изнутри. А если не получается...

– Берет их силой, – продолжил за него Келл.

– Или убивает при этом, – добавила Айзра. – Прореживает ряды, уничтожает сопротивление.

– Защита есть? – спросил Максим и посмотрел на Келла. – Кроме крови антари.

– Пока нет.

– Выжившие?

Долгое молчание.

Максим кашлянул.

– Мы еще не получали известий от домов Лорени и Эмери, – начал лорд Казен. – Нельзя ли послать ваших людей...

– Мои люди и так делают все, что могут, – отрезал Максим. Айзра метнула на лорда ледяной взгляд.

– Мы отправили разведчиков проследить за распространением тумана, – добавила она, – и выяснили, что у магии Осарона есть периметр. Сейчас колдовство простирается в семь раз шире, чем границы города, образуя круг, но, судя по сообщениям, этот круг расширяется.

– Он вытягивает силу из всего живого, что встречает на пути, – тихо, но весомо заговорил Тирен. – Если Осарона не остановить, его тень накроет весь Арнс.

– А затем – Фаро, – это был голос Сол-ин-Ара. Тот возник на пороге незваным и быстрым шагом вошел в зал.

Рука капитана потянулась к шпаге, но Максим взглядом остановил ее.

– Лорд Сол-ин-Ар, – холодно произнес король, – я вас не приглашал.

– А следовало бы, – возразил фароанец, и у него за спиной появился принц Коль. – Поскольку дело касается не только Арнса.

– Думаете, тьма остановится на ваших границах? – добавил вескийский принц.

– Если мы остановим ее – то да, – сказал Максим.

– А если нет, – добавил Сол-ин-Ар, впиваясь темными глазами в карту, – то не имеет значения, кто падет первым.

Кто падет первым. У Келла зародилась идея, она медленно пробивалась сквозь шум, обретая форму. Обессиленная Лайла в его объятиях. Пустая чашка в ладонях Гастры.

– Продолжайте, – кивнул Айзре король.

– Тюрьмы переполнены павшими, – доложила капитан. – Мы уже задействовали и торговые ряды, и портовые склады, и скоро будет некуда их помещать. Уже приходится складывать тех, кто с лихорадкой, в Розовый зал.

– А турнирные арены? – предложил Келл.

Айзра покачала головой:

– Никто из моих людей не пойдет на реку, сэр. Это опасно. Кое-то попытался, но они не вернулись.

– Защита кровью держится недолго, – добавил Тирен. – Она исчезает через несколько часов. А павшие, кажется, поняли свою цель. Мы уже потеряли многих стражников.

– Немедленно отзовите остальных, – велел король.

«Отзовите остальных».

Вот оно.

– Я знаю, что делать, – тихо произнес Келл. Тонкие нити идеи еще сплетались у него в голове.

– Мы в ловушке, – заявил фараонский генерал и провел ладонью по карте. – И если не найдем способ одолеть эту тварь, она скоро обглодает наши кости.

«Успокоить его. Сделать так, чтобы он совершил оплошность».

– Я знаю, что делать, – повторил Келл чуть громче. На этот раз все затихли.

– Говори, – велел король.

Келл собрался с духом.

– Надо увести людей.

– Кого именно?

– Всех.

– Мы не можем их эвакуировать, – сказал король. – Слишком многие отравлены магией Осарона. Если они уедут, то лишь будут распространять заразу еще быстрее. Их нельзя выпускать. Мы еще не знаем, можно ли вернуть к жизни тех, кто одержим, но будем надеяться, что это всего лишь болезнь, а не смертный приговор.

– Да, мы не можем их эвакуировать, – подтвердил Келл. – Но каждый, кто в сознании, может стать оружием, и если мы хотим победить Осарона, то сначала надо его разоружить.

– Говори яснее, – приказал Максим.

Келл раскрыл было рот, но его перебил голос, донесшийся от двери.

– В чем дело? У моей постели никто не сидит. Обидно, право слово!

Келл обернулся и увидел в дверях брата. Тот как ни в чем не бывало стоял, засунув руки в карманы и привалившись плечом к косяку. Словно не он метался почти всю ночь между жизнью и смертью. На его лице не было и следа пережитого. Янтарные глаза блестели, волосы были аккуратно причесаны, золотой обруч, как и положено, венчал темные кудри.

При виде брата у Келла заколотилось сердце. Королю удалось скрыть свою радость при виде сына почти так же успешно, как тому – следы пережитых мук.

– Рай, – произнес Максим, и голос чуть не выдал его.

– Ваше высочество, – медленно проговорил Сол-ин-Ар, – мы слышали, вы пострадали при нападении.

– Мы слышали, вы пали жертвой черного тумана, – сказал принц Коль.

– Мы слышали, вас накануне бала победителей свалила болезнь, – добавил лорд Казен.

Рай ответил им всем небрежной улыбкой.

– Боже мой, стоит слегка прихворнуть, и каких только слухов ни распускают! – Он изящным жестом указал на себя самого. – Как видите, – быстрый взгляд на Келла, – я в добром здравии. Итак, что я пропустил?

– Келл как раз собирался рассказать нам, – объяснил король, – как победить это чудовище.

Глаза Рая широко распахнулись, по лицу промелькнула тень усталости. Он же как-никак только что вернулся к жизни. «Это будет больно?» – вопрошал его взгляд. Или даже: «Мы все погибнем?» Но сказал он лишь:

– Продолжай.

Келл собрался с мыслями.

– Мы не можем эвакуировать город, – повторил он и обернулся к верховному жрецу. – Но можем ли мы погрузить его в сон?

Тирен нахмурился, побарабанил костлявыми пальцами по краю стола.

– Ты хочешь наложить чары на весь Лондон?

– На его жителей, – уточнил Келл.

– Надолго? – спросил Рай.

– На сколько потребуется, – ответил Келл и обернулся к верховному жрецу. – Осарон уже наложил на город свои чары.

– Он бог, – возразила Айзра.

– Ничего подобного, – резко отмахнулся Келл. – Никакой он не бог.

– Тогда с чем же мы имеем дело? – сурово спросил король.

– Это осхок, – ответил Келл словом Холланда. Кажется, понял его только Тирен.

– Нечто вроде воплощения, – пояснил жрец всем остальным. – У магии в ее естественной форме нет своего «я», нет сознания. Она просто существует. Река Айл, например, источник неисчерпаемой силы, но она не личность. А если магия начинает сознавать себя, у нее появляются желания, мотивы, воля.

– Значит, Осарон просто осколок магии, наделенный сознанием? – спросил Рай. – Заклинание, которое пошло не так?

Келл кивнул.

– И, по словам Холланда, он питается хаосом. Сейчас у Осарона есть десять тысяч источников. Но если мы отберем их, если у него останется лишь его собственная магия...

– Которая все равно велика, – вставила Айзра.

– То мы втянем его в бой.

Рай скрестил руки на груди:

– И как же ты намереваешься победить его?

Келл уже придумал это, но не хотел озвучивать, тем более сейчас, когда Рай только что поправился.

Его спас Тирен.

– Это можно осуществить, – задумчиво произнес жрец. – В некотором роде. Нам не под силу наложить такие обширные чары, но мы можем сплести сеть из более мелких заклинаний, – говорил он, то ли другим, то ли себе самому. – Для этого понадобится якорь. – Его светлые глаза вспыхнули. – Мне нужно кое-что из святилища.

Десятки глаз метнулись от карты к единственному окну, за которым бушевала магия Осарона. Даже в утреннем свете его темные пальцы стучались в стекло, требуя впустить. Принц Коль напрягся. Леди Розек опустила глаза. Келл вызвался было, но осекся, встретив взгляд Рая. В этом взгляде был не запрет. А разрешение. Непокколебимое доверие.

«Иди, – говорил Рай. – Сделай то, что должен сделать».

– Какое совпадение, – послышался голос от двери. Все как один повернулись и увидели Лайлу. Она стояла, уперев руки в боки, и сна не было ни в одном глазу. – Я как раз собиралась проветриться.

IV

Лайла шла по коридору, сжимая в одной руке пустую сумку, а в другой – список нужных вещей, выданный Тиреном. Ей выпало счастье одновременно увидеть ужас Келла и неудовольствие Тирена, а это уже немало. Голова еще побаливала, но усыпляющий напиток сделал свое дело, а надежный план – или хотя бы первый шаг к нему – довершил остальное.

«Ваш чай, мисс Бард».

Ей не впервые доводилось принимать снадобья, но предыдущие опыты были... гм, скорее исследовательского характера. На «Шпиле» она целый месяц собирала порошки для дымовых конусов и эля, которые намеревалась пронести на «Медный вор», – их должно было хватить на целую команду. Она и сама вдохнула немало – в первый раз случайно, а потом намеренно: тренировала обоняние, чтобы сразу распознавать порошок и выдерживать некоторую дозу. Не хватало только отключиться в самый разгар дела!

На этот раз она, едва отхлебнув чая, сразу ощутила на языке вкус порошка, успела даже выплюнуть большую часть обратно в чашку, но к тому времени чувства уже притупились, мигали, как огонек на ветру, и она прекрасно знала, что последует дальше: сначала легкое, почти приятное скольжение, а затем – падение в пропасть. Мгновение назад она стояла в коридоре рядом с Келлом, потом покачнулась, пол наклонился, как палуба в шторм. Услышала его убаюкивающий голос, почувствовала тепло объятий, а потом провалилась. Падала все глубже и глубже, а потом, как показалось, через миг, вскочила с дивана с головной болью и уставилась на юношу, удивленно взиравшего из угла.

– Вы не должны были проснуться, – пролепетал Гастра, когда она отшвырнула одеяло.

– И это все, что ты хочешь мне сказать? – нахмурилась она и шагнула к буфету, чтобы чего-нибудь выпить. Заколебалась, вспомнив горький чай, но потом понюхала один графин, другой – и наконец что-то знакомое обожгло нос. Она плеснула себе на два пальца, прислонилась к стойке, чтобы не упасть. Зелье до сих пор опутывало разум, как паутина, и ей не сразу удалось привести мысли в порядок. Она долго щурилась, пока размытые линии не стали резкими.

Гастра переминался с ноги на ногу.

– Так уж и быть, – сказала она, отставив стакан, – я поверю, что это не твоя идея. – Она повернулась к юноше. – И будь добр, уйди, пожалуйста, прочь с моих глаз. И если еще раз намечаешь мне чего-нибудь, – она достала нож, покрутила его и поднесла к подбородку Гастры, – я пришпилю тебя к дереву.

Ее вернул к реальности торопливый звук шагов. Она обернулась, заранее зная – это он.

– Твоя идея?

– Какая? – осекся Келл. – Нет. Тирена. А что ты сделала с Гастрой?

– Ничего особенного. Жить будет.

Между бровями Келла пролегла глубокая складка. Господи, как же легко его дурачить.

– Пришел меня остановить? Или прогнать?

– Ни то, ни другое. – Его черты разгладились. – Пришел отдать тебе вот это. – Он протянул ей пропавший нож, рукояткой-кастетом вперед. – Кажется, твой.

Она взяла кинжал, присмотрелась к следам крови. Прошептала:

– Плохо, – и сунула его обратно в ножны.

– Я понимаю твой порыв, – сказала Келл, – но убить Холланда – этим делу не поможешь. Он нам нужен.

– Как собаке пятая нога, – прошептала Лайла.
– Только он один знает Осарона.
– А откуда он его так хорошо знает? – сердито буркнула Лайла. – Потому что сговорился с ним.

– Знаю.

– Впустил эту тварь к себе в голову...

– Знаю.

– В свой мир, а потом и в твой...

– Знаю.

– Тогда почему же?..

– Потому что на его месте мог быть и я, – мрачно ответил Келл. – И чуть не оказался.

Перед ней снова возникли страшные картины: Келл лежит на полу возле сломанной рамы, из его рук течет густая красная кровь. Что сказал ему Осарон? Что предлагал? Что сделал?

Лайла невольно потянулась к Келлу и застыла на полпути. Она не знала, что сказать, как разгладить морщинку у него на лбу.

Она поправила сумку на плече. За окном уже встало солнце.

– Мне пора идти.

Келл кивнул, но, когда она отвернулась, схватил ее за руку. Прикосновение было легким, но пригвоздило ее к месту, как нож.

– В ту ночь на балконе, – спросил он, – почему ты меня поцеловала?

У Лайлы что-то сжалось в груди.

– Подумала, что это неплохая идея.

– И все? – нахмурился Келл. Хотел отпустить ее, но она не ушла. Их руки так и остались сплетенными.

Лайла коротко, еле слышно рассмеялась.

– Келл, чего ты хочешь? Чтобы я призналась тебе в любви? Я поцеловала тебя, потому что так захотела, и...

Его пальцы сжались крепче, он притянул ее к себе, и она, чтобы не упасть, оперлась на его грудь.

– А сейчас? – прошептал он. Его губы были совсем рядом, и она чувствовала, как колотится его сердце.

– Что? – лукаво улыбнулась она. – Я должна всегда быть первой? – Она потянулась к нему, но он ее опередил. И поцеловал. Они прижались друг к другу, сплелись – ноги к ногам, руки к рукам, грудь к груди... Ладони жадно ласкали кожу. Тело Лайлы пело, как камертон, откликаясь на зов.

Келл сжал ее крепче, словно боялся, что она исчезнет, но Лайла не собиралась никуда убегать. Она всегда с легкостью уходила от чего угодно, но сейчас не ушла бы ни за что. И это уже само по себе пугало ее – но она не останавливалась, и он тоже. На ее губах вспыхивали искры, легкие горели огнем, воздух взвихрился, как будто кто-то распахнул настежь двери и окна.

Ветер взъерошил волосы, и Келл – совсем рядом – рассмеялся.

Какой мягкий, чарующий звук, короткий, но такой чудесный.

А потом миг волшебства закончился – быстро, слишком быстро!

Ветер утих вдалеке, и Келл отстранился, хрипло переводя дыхание.

– Лучше? – еле слышно спросила она.

Он кивнул, потом соприкоснулся с ней лбами.

– Лучше. – И в тот же миг добавил: – Пойдем со мной.

– Куда? – спросила она. Он повел ее вверх по лестнице в спальню. В свою спальню. С высокого потолка на арнезийский манер свисал полог, расписанный ночными облаками. Горы подушек на диване, зеркало в золотой оправе, а на возвышении – кровать, устланная шелком.

Лайлу обдало жаром.

– По-моему, сейчас не время... – начала она, но он провел ее мимо всей этой роскоши к небольшой двери и втокнул в каморку, полную книг и свечей, и еще каких-то мелочей. Почти все эти предметы были сильно потрепанными и явно хранились лишь как память о чем-то давнем. Здесь пахло не столько розами, сколько гладким деревом и старой бумагой. Келл повернул ее лицом к двери, и она увидела метки – полтора десятка рыже-бурых символов, нарисованных засохшей кровью, простых, но хорошо различимых.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.